

INSPIRIA.

Ф Р А Н С У А З А
Б У Р Д Е Н

П Л А М Я

И

К Р О В Ь

INSPIRIA

Annotation

Затишье не будет долгим.

Соперничество или любовь – что выберешь ты?

Кейт и Скотт наконец счастливы, они стали родителями. Никогда ранее жизнь не казалась такой полной.

Но происходит череда событий, которая переворачивает все вверх дном.

В канун Рождества у Ангуса, отца Скотта и патриарха семейства, случается сердечный приступ, он умирает.

Вопрос о наследстве встает как никогда остро. Распри среди членов семьи в особняке Джиллеспи лишь усугубляет роковой сюрприз, который им оставил покойный.

Когда ставки велики, проигравший теряет все. Скотт и Кейт обязаны рискнуть, но они могут потерять в этом соперничестве очень многое, даже друг друга.

«Франсуаза Бурден владеет искусством рассказывать истории, которые даже в мельчайших нюансах отражают реальную жизнь». – L'Est Républicain

«Франсуаза Бурден завораживает своим писательским талантом». – L'Obs

---

- [Франсуаза Бурден](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
-

Франсуаза Бурден

Пламя и кровь

Françoise Bourdin

À FEU ET À SANG

© Belfond, un département de Place des Editeurs, 2014

© Рац Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Кейт на цыпочках вышла из детской: близнецы наконец заснули. Как всегда, она прочитала им сказку при свете ночника, сидя на ковре между двумя кроватками. Чаще всего первой засыпала Ханна, а Люк – спустя несколько минут.

Она вернулась на кухню и увидела, что Скотт уже стоит за разделочным столом. Аккуратно нарезаю картошку кружочками и бросая их на сковородку, он не заметил, как она вошла. Если он рано возвращался домой, то с удовольствием занимался ужином или купал близнецов.

– Налить тебе вина? – предложила Кейт.

Жить со Скоттом, быть его женой и матерью его детей – все это наполняло ее счастьем, которому она до сих пор не могла поверить. Ей казалось невероятным, что этот мужчина, о котором она еще девочкой столько мечтала, ни на что не надеясь, мог страстно влюбиться в нее и просить стать его женой.

Обернувшись, он с улыбкой кивнул, а пока она наполняла бокалы шардоне, сообщил:

– Я приготовил салат и запек в духовке утиные окорочка. Как видишь, я вполне могу справиться.

– Может быть, и все-таки мне ужасно не хочется оставлять тебя одного.

– Всего на три дня, Кейт! Ничего страшного не случится ни со мной, ни с детьми.

Темно-синие глаза, правильные черты лица и высокая, стройная фигура делали Скотта неотразимым. Он все еще был похож на того юношу, которого она впервые увидела десять лет назад, только приехав в Шотландию. Кейт с первого взгляда попала под его обаяние, тем более что он относился очень тепло к растерянной девочке-подростку, которую ему неожиданно навязали вместе с ее братьями.

– На нашу няню вполне можно положиться, дорогая. И я постараюсь быть дома как можно больше.

Кейт знала, что он очень занят; управление двумя винокурнями не оставляло ему времени ни на что другое. Но она не сомневалась – он

сделает все возможное, чтобы вырваться домой. Скотт обожал близнецов и к тому же никогда не давал легкомысленных обещаний.

– Поезжай спокойно, Кейт. Повидаешь Францию!

Ей надо бы радоваться, но радости не было. На эту поездку ее уговорил Скотт, уверенный, что она мечтает о ней, но на самом деле Кейт совсем не скучала ни по Франции, ни по своему брату Джону, хотя и считала вполне естественным отозваться на его просьбу о помощи.

– Почему Джон не поговорил с Джорджем или с Филипом? – спросила она уже в который раз. – С ними он был гораздо ближе, чем со мной.

– Наверняка боялся, что они его осудят.

– Скажи лучше, что он считает их предателями, потому что они тоже остались в Шотландии!

– Ты самая добрая в семье, и Джон прекрасно это понимает. Он постарается тебя разжалобить, не слишком ему поддавайся.

Он приподнял крышку над сковородкой, но она выскользнула и с грохотом упала на плиточный пол. На мгновение оба задержали дыхание. Через несколько секунд в детской поднялся плач.

– Ой, прости, – пробормотал Скотт.

– Лишний повод напомнить тебе, что нам здесь тесновато, – с улыбкой ответила она.

– Кейт!

Стараясь сдерживать досаду, он посмотрел ей прямо в глаза и покачал головой.

– Если это для тебя так важно, давай поговорим, – сказал он, сдаваясь. – Но сначала я зайду к детям.

Разговор о том, что квартира стало для них мала, возникал постоянно. Скотт предлагал продать ее и найти более просторную, но Кейт думала о другом. Она мечтала вернуться в Джиллеспи, считая его идеальным местом для детей. Скотт там родился и обожал родной дом – элегантный викторианский особняк, расположенный между морем и холмами, однако он и слышать не хотел о том, чтобы жить в нем вместе со своей тещей. Это была запрещенная тема, и стоило жене намекнуть на такой вариант, как она словно наталкивалась на глухую стену. Это была их первая размолвка, но очень серьезная. В глазах Кейт возвращение туда сулило одни выгоды. Океан в двух шагах,

бескрайняя равнина до самого горизонта, просторный дом, в котором каждый мог чувствовать себя независимо, и особенно окружение семьи с отцом Скотта, матерью Кейт, обожаемой тетей Мойрой и незаменимым кузеном Дэвидом. Вся эта родня, которая предпочтительнее любой няни, создала бы вокруг детей защитную стену, а Кейт смогла бы найти работу преподавателя. Несмотря на рождение близнецов, она не бросила учебу и даже успешно закончила университет: Скотт сделал все, чтобы облегчить ей эту задачу. У нее были сложные периоды, но все-таки она получила диплом, и теперь хотела преподавать сама. Скотт был согласен, он во всем был с ней согласен, за исключением возвращения в Джиллеспи. Это было тем более абсурдно, что он сам очень страдал от того, что не жил *дома*. Это слово, которое он произносил, не задумываясь, говоря об имени своих предков, выдавало его привязанность к семейным корням. Увы, его разногласия с Амели, матерью Кейт, не оставляли никакой надежды на то, что он передумает.

– Они заснули, – прошептал Скотт, вернувшись из детской.

Он тщательно закрыл кухонную дверь и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, перед которой было просто невозможно устоять.

– Они просыпаются от малейшего шума, но мы не можем все время ходить на цыпочках и говорить шепотом, – заметила Кейт.

– Это холостяцкая квартира, дорогая. Почему ты не хочешь просто найти другую? Грэм подыскал бы нам жилье попросторнее и более подходящее для семейной жизни.

Он говорил о своем лучшем друге, который занимался наследственными делами и недвижимостью. Благодаря ему несколько лет назад Скотт приобрел эту удобную трехкомнатную квартиру, правда, с крохотной кухней, в самом центре Глазго. Гостиная, когда-то просторная, теперь была забита игрушками, манежем, двухместной коляской и детскими стульчиками. Бóльшая из двух спален была сразу отведена близнецам, и Кейт, не имея возможности поставить письменный стол в супружеской спальне, была вынуждена подолгу сидеть в университетской библиотеке.

– Мне не очень хочется снова жить в квартире, – возразила она. – Другая обойдется дороже, и по-прежнему придется платить няне...

Скотт обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Здесь мы, по крайней мере, сами воспитываем своих детей. Не хочу, чтобы этим занималась твоя мама.

– Ты ее не любишь, я знаю, но...

– И это взаимно, не правда ли? Она относится ко мне как к врагу, воображает, что *заставила* меня жениться на тебе, хотя тогда я все отдал бы за то, чтобы ты сказала «да»! Каждый раз, когда мы приезжаем туда, у нас возникают конфликты из-за близнецов, по ее мнению, я все делаю неправильно. Не сомневаюсь, что так и буду у нее в немилости, а ведь моего отца очень расстраивает эта ситуация. Неужели ты хочешь, чтобы он наблюдал это ежедневно? Да, Джиллеспи – моя мечта, никто не любит его так, как я, и это *мой дом*, но я дорожу своей независимостью. Нашей независимостью.

– У тебя ужасный характер, – вздохнула Кейт. Она чувствовала, что ее слова несправедливы, потому что с ней Скотт был всегда нежен. Но его снисходительность не распространялась на других, которым он мог казаться высокомерным и обидчивым.

– Утка пересушится, – коротко бросил он, выключая духовку.

Его пиджак и галстук за неимением спинки стула висели на ручке двери, потому что у них было только два табурета и одноногий столик, который заменял обеденный. И хотя сейчас Скотт с расстегнутым воротом рубашки, заботливо раскладывая картошку на тарелках, выглядел очень привлекательным, Кейт решила не уступать.

– Скотт, ты только что спросил меня, и я тебе честно скажу: да, для меня это очень важно. У моей матери много недостатков, готова это признать, но она не может быть препятствием. Наоборот. Она любит детей, она одна вырастила четверых...

– Но предпочитает тебе братьев! Если мы доверим ей близнецов, она поставит на первое место Люка в ущерб Ханне.

– Она в Джиллеспи не одна. Твой отец и Мойра будут опекать их обоих. Ты обожал детство, проведенное там, почему же хочешь лишиться этого своих детей? Мы здесь задыхаемся! И не только в этой квартире, но вообще в Глазго, где нечем дышать! Представь, какую радость они бы испытывали, если бы могли бегать повсюду!

Чувствуя, что сейчас вспылит, Кейт продолжила более спокойным тоном:

– К тому же, любимый, тебе будет проще добираться до винокурен, будь то Гринок или Инверкип.

– А ты? Если тебе удастся найти работу в Глазго, то будешь полностью зависеть от машины.

– Я не буду работать каждый день, у школьников много каникул.

Расстроенная очередной размолвкой, она примирительно улыбнулась.

– Ты можешь хотя бы подумать об этом, а не отвергать мои предложения с ходу?

– Обещаю.

Он ответил слишком поспешно, чтобы убедить ее в своей искренности.

– Вообще-то, я не думаю, что буду искать работу перед началом учебного года, – призналась Кейт. – Я недостаточно занималась близнецами из-за этого чертового диплома и теперь хочу проводить с ними больше времени. Если наше финансовое положение позволит, мне хотелось бы несколько месяцев передохнуть.

Скотт перестал есть и посмотрел ей прямо в глаза.

– Кейт... Я много раз говорил, что решение – работать или нет – остается за тобой. Академический отпуск на год пойдет тебе на пользу, и мы не бедствуем, насколько я знаю. Кроме того, я не держу в секрете свои банковские счета, ты всегда можешь быть в курсе, даже не спрашивая меня.

Скотт оформил на Кейт доверенность, по которой она могла пользоваться его счетами, но ей все еще было неловко тратить деньги мужа. Она не хотела подражать своей матери, которая никогда не работала и всегда жила на иждивении своего супруга.

– Ярываюсь между желанием работать и стремлением посвятить себя детям.

– Правда? А может, ты просто... давишь на меня?

– На тебя? Нет, ты слишком упрям, это бесполезно.

– Будь честна со мной.

– Я всегда честна с тобой, Скотт! Но каждый раз, когда мы заговариваем о Джиллесли, ты не хочешь ничего слышать. Но для меня это было бы идеальным решением. Боюсь, что скоро дети начнут называть няню «мамой». Доверив их родным, я буду чувствовать себя спокойнее и свободнее.

– А я – напряженнее.

– Тогда мы в тупике.

Кейт казалось, что это очевидно для них обоих, но Скотт на секунду застыл.

– Я не хочу никаких размолвок между нами, – медленно произнес он, – и действительно подумую об этом, когда ты будешь в Париже.

Был ли он раздражен ее настойчивостью или его беспокоили их разногласия? До сих пор между ними, безумно влюбленными друг в друга и совершенно счастливыми, с появлением на свет близнецов царила полная гармония. Скотт был на девять лет старше Кейт; он дорожил ею, помогал, предупреждал все ее желания и с их первой ночи, казалось, думал только о том, как сделать ее счастливой. Значит, всего этого было недостаточно для того, чтобы она отказалась от мысли поселиться в Джиллеспи?

– Я подтвердил твою бронь, – сказал он, чтобы сменить тему. – Отель «Одеон» находится в самом центре старого квартала, в котором ты жила, тебе там понравится.

Прогулки к Сен-Жермен-де-Пре и в Люксембургском саду обязательно напомнили бы ей о детстве, но сегодня эти далекие воспоминания мало трогали Кейт. В двенадцать лет она думала, что счастлива в Париже. Потом ее родители развелись. И ее мать чуть ли не сразу вышла замуж за Ангуса Джиллеспи, шотландца, находящегося проездом во Франции. Три месяца спустя Кейт с тремя братьями летела на самолете в Глазго. Это была ужасающая перемена в жизни, и только дружелюбие Скотта скрашивало ее существование. Мысленно она воздвигла его на пьедестал и взяла в привычку думать о нем перед сном. И хотя он относился к ней как к младшей сестренке, ласково опекая и не допуская никакой двусмысленности в отношениях, Кейт безумно влюбилась в него, и с годами эта страсть не утихла. Благодаря Скотту она полюбила Шотландию, огромное поместье, продуваемое всеми ветрами, и своего будущего тестя Ангуса. Позднее, изнывая от горя, она переживала роман Скотта с красавицей Мэри, на которой он чуть было не женился. Она и сама едва не обручилась с прекрасным парнем, но в конце концов ее мечта сбылась: однажды Скотт посмотрел на нее влюбленными глазами.

– Я отправляюсь не в паломничество к местам детства, – весело объявила Кейт. – Мое место здесь, твоя страна стала моей. Надеюсь, что у Джона нет серьезных проблем – у него настоящий талант попадать в передряги.

– Наверное, жена не оставит его без поддержки.

Слоняясь без дела на винокурнях Джиллеспи, которые его совершенно не интересовали, Джон вскружил голову Бетти – бухгалтеру предприятия – и сбежал с ней во Францию. Там они поженились и с тех пор почти не давали о себе знать, если не считать призыва о помощи, который Кейт получила восемь дней назад в виде краткой, но тревожной эсэмэски. Скотт встал и обнял ее за плечи.

– При любых неприятностях звони.

– Я в любом случае буду тебе звонить.

Он подошел к ней сзади, наклонился, поцеловал в шею, и она прошептала:

– Ты, наверное, уже сыт по горло моей семьей, да? Мы доставили тебе столько проблем...

– Но и величайшее счастье.

Кейт повернула голову и подставила ему губы. С ним она всегда чувствовала себя в безопасности, как за каменной стеной, но сегодня вечером ее мучила неясная тревога. Как будто над ними нависла какая-то смутная угроза. Но сейчас, когда Скотт обнял ее, она отогнала от себя все страхи.

* * *

Западный ветер, пришедший с моря, гонял по парку первые опавшие листья. Амели и Ангус, сидя на каменной скамье, наслаждались одним из последних теплых дней октября и не спешили возвращаться в дом. Чай в термосе, стоявшем между ними, окончательно остыл, и Амели выплеснула остатки на гравийную дорожку.

– Вернемся? – предложила она.

– Ты замерзла? – встревожился Ангус.

– Пока нет, но я хотела бы немного погулять.

Со временем между ними возникло некоторое согласие. В первые годы их сводная семья испытала немало бурь, но с тех пор, как родились близнецы, в ней установился хрупкий мир. Амели по-прежнему не любила Скотта, и было очевидно, что это навсегда. С другой стороны, Ангусу не удалось привязаться к троим сыновьям

Амели, от которых он не видел ничего, кроме неприятностей. Тем не менее, благодаря неожиданному браку Кейт и Скотта, они стали бабушкой и дедушкой общих внуков. Это событие их сблизило и сравняло их положение. Конечно, каждый продолжал защищать своих отпрысков, но перед Люком и Ханной таяли оба.

– Ты не разубедишь меня, что близнецам здесь будет лучше, чем в Глазго, – заявила Амели, вставая.

– Это решать их родителям.

– Интересы детей важнее всех остальных соображений. Я знаю, что Кейт будет в восторге, но вот незадача – Скотт этого не желает! А почему, спрашивается? Он же твердит, что *обожает* Джиллеспи, что это *его дом*, поэтому он первый должен ратовать за возвращение. Их квартира с этой смешной кухней слишком тесна, они сидят друг у друга на голове, в то время как у нас пропадает столько места! Все эти пустые комнаты...

Она с явным сожалением вспоминала, как изменилось Джиллеспи, когда она поселилась там с тремя сыновьями и дочерью. Пять новых человек нарушили молчаливую атмосферу поместья веселым шумом и гамом. Но теперь Джон был во Франции, Джордж заканчивал учебу в Эдинбурге, Филип уехал со своим любовником Малькольмом, а Кейт вышла замуж за Скотта. Старики были предоставлены самим себе.

– Я очень люблю Мойру и Дэвида, – продолжала Амели. – Но с ними не слишком весело! А представь здесь близнецов, своего сына и мою дочь да, может быть, еще помощницу по хозяйству. Какие веселые были бы застолья!

– Несколько эгоистичный взгляд, тебе не кажется?

– Это я эгоистка? Как раз наоборот, дорогой. Бабушка и дедушка должны помогать молодой семье, и я готова к этому. Кейт сможет начать работать, а Скотт освободится от некоторых домашних обязанностей, которые не дают ему полностью посвящать себя винокурням. Я знаю, что он помогает Кейт, он всегда это подчеркивает...

– Скотт никогда не жалуется!

– Он изображает идеального мужа, но не убеждай меня, что ему нравится менять подгузники – никогда этому не поверю.

– Ты все время ищешь у него недостатки.

– В любом случае, если бы я не потребовала, чтобы он женился на Кейт, после того как соблазнил ее...

– Амели, ты несешь чушь. Он был без ума от нее и сам хотел жениться.

Она картинно закатила глаза, не желая ничего слышать. Ей хотелось пребывать в убеждении, что этот брак – дело ее рук. Представить, что она предупредила желание Скотта, было невыносимо, она предпочитала придерживаться своей версии.

– Неужели ты никак не можешь повлиять на ситуацию? – спросила она, нежно взяв мужа за руку.

Ангус с трудом сдержал улыбку. Каждый раз, когда Амели хотела чего-то от него добиться, она пускала в ход ласку. Впрочем, это было предметом их шуток, чем-то вроде игры.

– Тебя он послушает. Ты все-таки глава клана, Ангус!

Она знала его уязвимое место. Имея только одного сына, он был одержим идеей расширения семьи. Ангус оставил в своем доме сестру Мойру, принял кузена Дэвида, после смерти жены снова вступил в брак и теперь заботился о четверых детях Амели. Ему нравилось чувствовать себя патриархом, окруженным родственниками и потомками. Конечно, он мечтал о возвращении Скотта и Кейт с малышами! Но его отношения с сыном были деликатными, и он не хотел давить на него. Они слишком часто спорили из-за Амели и порой ссорились из-за того, что по-разному подходили к управлению винокурнями. Скотт пошел на риск, в Инверкипе он решил освоить производство новой категории виски пятнадцатилетней выдержки, сменил поставщика бочек, этикетки на бутылках и все время говорил о маркетинге. Но дела у него шли хорошо, и Ангус отступил. При рождении близнецов он даже согласился передать Скотту дополнительную долю акций. «Ты толкаешь меня в могилу!» – пошутил он, подписывая бумаги, и Скотт разразился смехом. Он все прекрасно понимал: отца больше не занимало изготовление виски. На пенсии ему вполне хватало для счастья Амели, гольфа и охоты. Но все же иногда он чувствовал укол ревности, видя уверенность своего единственного сына, которому удавалось все, за что бы он ни брался. Разрываясь между гордостью и раздражением, Ангус все же старался не вмешиваться в его дела.

– Молодежь дорожит своей независимостью, – проворчал он. – Я приму Скотта с распростертыми объятиями, когда он сам захочет приехать.

Амели помрачнела, но Ангус, зная ее достаточно давно, был уверен, что она рано или поздно возобновит атаку.

* * *

Джордж осматривал комнату, которая вскоре должна была стать его кабинетом, со смешанным чувством страха и нетерпения.

– Надеюсь, что не разочарую тебя, – сказал он Скотту со всей серьезностью.

– Какой прогресс! Несколько лет назад твоей единственной целью было во всем мне противоречить.

Джордж сокрушенно кивнул и улыбнулся, но Скотт добавил:

– Не строй из себя виноватого, я пошутил. Уверен, что у тебя все получится. Нынешний управляющий выйдет на пенсию только через несколько недель, у него будет достаточно времени, чтобы ввести тебя в курс дела. И тогда ты поймешь, нравится тебе эта работа или нет.

Джордж был трудным подростком и посредственным учеником, но теперь словно преобразился. Он поступил в престижную бизнес-школу при Эдинбургском университете, где изучал управление и маркетинг, как Скотт в свое время, и желание последовать примеру зятя, стало для семьи большой неожиданностью.

– Устройство прядильной фабрики довольно сложно, но ты быстро освоишь его. Я не мог заниматься ею столько, сколько хотел, потому что винокурни отнимали у меня все время, однако в финансовом отношении она стабильна. Я считаю, что в нее надо влить свежую кровь. Оборудование находится в рабочем состоянии, а вот современных идей не хватает. Жду их от тебя! Когда Дональд, управляющий, уйдет на пенсию, ты должен быть готов впрячься в работу вместо него.

– А кому я тогда буду подчиняться?

– Только мне.

Скотт знаком велел Джорджу сесть за письменный стол, а сам занял одно из двух кресел, предназначенных для посетителей.

– Прядильная фабрика была куплена для моей матери. Она жаждала деятельности, думаю, ей было скучно. У нас уже тогда было много овец, и папа решил, что на этом можно зарабатывать. К сожалению, популярность тартанов^[1] падала, а потом и Китай стал наводнять нас своим текстилем. Но моя мать была упорной, она перепробовала все, чтобы выжить. А потом... потом произошла автомобильная авария.

Его голос прервался, и он на минуту замолчал. Мать умерла, когда он был совсем маленьким.

– После этого отец потерял интерес к фабрике, хотя и не думал о том, чтобы ее продать – может быть, в память о жене. И когда она в конце концов стала для него обузой и он стал поговаривать о том, что от нее надо избавиться, я взял дело в свои руки. В общем, мы сохранили фабрику, и здесь я прошел свою первую практику перед отъездом в Европу. Так что ты идешь по моим стопам!

– По-моему, это не самый плохой вариант.

– Плохо то, что я не мог управлять всем сразу. Сейчас невозможно руководить предприятием по-дилетантски, как это делал мой отец. Но я не стану тебя ничему учить, твое образование уже подготовило тебя к современному рынку.

– В теории.

– Ты быстро освоишь практику.

Джордж поправил очки, которые все время сползали на нос. После недолгого колебания он задал вопрос, который волновал его больше всего:

– Почему ты доверил фабрику мне и отказал в этом Джону?

– Я ему не отказывал. У него не было диплома, он не желал учиться и вообще серьезно вникать в дело, предпочитая умирать от скуки и жаловаться на судьбу!

– Он говорил, что ты устроил ему тяжелую жизнь и заставлял подметать солодовни^[2].

– Не только. Я посылаю его в Эдинбург посмотреть, как происходит разлив виски по бутылкам, потом предложил ему ознакомиться с отделом продаж, отделом маркетинга...

– И он задурил голову вашей бухгалтерше.

– Думаю, для него это было менее утомительно, чем все остальное.

– Зря Ангус навязал его тебе.

– Он уступил давлению твоей матери. Оглядываясь назад, я понимаю, что у нее были причины волноваться за Джона, но принуждение – не лучший выход.

– Как ты думаешь, что за проблема у него возникла, если он позвал на помощь Кейт?

– Понятия не имею.

Скотт взглянул на часы.

– Скоро она это узнает, – заметил он. – Ее самолет сейчас приземляется в Руасси.

Говоря о жене, он как-то по-особенному улыбался, и эта улыбка тронула Джорджа.

– Вы прекрасная пара! – невольно вырвалось у него.

– Спасибо! Кстати, а как дела у твоей подруги?

Джордж никому не открывал свою личную жизнь; он уже год встречался с одной девушкой, но не спешил знакомить ее с семьей.

– Сьюзен очень за меня рада. Говорит, что это необыкновенная удача – когда работа сама тебя находит!

– Она собирается переехать к тебе?

В одном из корпусов фабрики было свободное жилье, и Скотт предложил его Джорджу без всякой оплаты.

– Не уверен... Мне нужна независимость.

– У нас явно много общего! До встречи с Кейт я был похож на тебя, но она все перевернула в моей жизни. Теперь мне нужно, чтобы она всегда была рядом. Думаю, это знак того, что я нашел женщину своей жизни.

Снова взглянув на часы, Скотт встал:

– Ладно, оставляю этот кабинет в твоём распоряжении. Управляющий будет ждать тебя в полдень. Вы пойдёте обедать и сможете обсудить организационные вопросы. Удачи тебе в первый рабочий день!

Поле того как Скотт ушел, Джордж уселся в его вертящееся кресло. Он до сих пор не мог поверить тому, что все произошло так легко. Едва он получил диплом, как Скотт предложил ему руководящую должность, служебную квартиру, – и все это, не считая заманчивых перспектив в ближайшем будущем. Насколько же глупы его братья, если они пренебрегли такой возможностью? Филип

довольно поздно обнаружил у себя страсть к искусству вообще, и к рисунку в частности. Он не сразу рассказал об этом и тем более о любовном обороте, который приняла его дружба с Малькольмом. Ни о чем не сообщая, он начал проводить уик-энды на острове Арран, где у родителей Малькольма был красивый дом. Им также принадлежала прекрасная квартира в Эдинбурге, которая была предоставлена в полное распоряжение любимого сына. Таким образом, Малькольм и Филип – студенты Эдинбургского колледжа искусств – прожили вместе три года. Филип, похоже, обрел душевное равновесие и вряд ли когда-нибудь захочет вникать в дела Джиллеспи. Но Джон, который ничем не интересовался, не обладал никакими талантами и не желал учиться, должен был использовать этот шанс. В конце концов, со Скоттом не так уж трудно ладить. Как и его братья, Джордж сначала не оценил по достоинству единственного сына Ангуса. Они были вздорными подростками, и Скотт представлял для них раздражающий пример блестящего молодого человека, безупречного во всех отношениях. Приехав в Джиллеспи, они шумно вторглись на его территорию, что в конце концов вынудило его переехать в Глазго. Но со временем Джордж и Филип поняли, что Скотт им не враг, а вот Джон так и остался его непримиримым противником. Его столкновения со Скоттом иногда переходили в драку, что выводило Амели из себя и портило настроение всем в доме. Теперь Джордж лучше понимал, что чувствовал Скотт. Почему он должен был с радостью принять мачеху, если сыновья Амели демонстрировали его отцу Ангусу свое пренебрежение? Скотту пришлось проглотить обиду, он даже чуть не поссорился с отцом, а в итоге безумно влюбился в Кейт. Какая ирония судьбы!

Джордж открыл свой новенький ноутбук, положил на стол ежедневник в кожаном переплете и несколько ручек, купленных накануне. Если не считать двух обязательных стажировок, входящих в программу, он никогда не работал, и ему не терпелось наконец приступить к делу. Он надеялся быстро сойтись с Дональдом, что помогло бы ему вскоре стать своим среди сотрудников компании. И конечно, ему надо будет поблагодарить Ангуса, который согласился дать ему это место: Скотт представил ему убедительные аргументы.

На мгновение он подумал о намеках Скотта о сходстве начала их карьеры. Да, Джордж шел по его стопам, и это было неслучайно. Он

хотел походить на него, хотел тоже добиться успеха... и, может быть, когда-нибудь даже превзойти его. К его восхищению примешивалась некоторая доля зависти, которая могла быстро превратиться в ревность, – поняв это, он встревожился. Все-таки у Скотта были все преимущества с самого рождения. Ангус был прекрасным отцом: суровым, но любящим, в то время как отец Джорджа подло бросил жену и детей, не задумываясь об их судьбе. И хотя Скотт рано потерял мать, недостаток материнской ласки ему восполнила его тетя Мойра. Он всегда знал, что унаследует процветающую компанию, он происходил из уважаемой, состоятельной семьи. Что же удивительного в том, что он чувствовал себя так уверенно и свободно?

Джордж взглянул на свой дорогой ежедневник, ручки и подумал, как нелепо они смотрятся. Не хватало еще ластиков и скрепок! Он уже не студент и должен научиться вести себя в соответствии со своим статусом управляющего. И с первой же зарплаты нужно будет приобрести смартфон со всеми возможными опциями. А еще два-три элегантных галстука. И пока он будет здесь работать, нужно отдать в оптику очки, чтобы в них подкрутили оправу, или вообще купить новые.

Довольный своими решениями, Джордж вышел из кабинета и постучался к Дональду.

* * *

– Я пришла не для того, чтобы говорить о Скотте! – возмутилась Кейт.

– Ладно, но я никогда не мог понять, почему ты вышла за этого парня, – проворчал Джон.

Он пожал плечами и бросил раздраженный взгляд на свою жену.

– Для тебя наша священная корова Скотт тоже выше критики?

Не отвечая, Бетти удрученно улыбнулась Кейт. Потом взяла сумку, встала и объявила, что ей пора на работу.

– Встречусь с вами обоими прямо в «Ля Куполь»^[3]. До вечера!

Когда она ушла, Джон пробормотал:

– Это очень мило – пригласить нас обоих в ресторан, мы такое себе позволить не можем.

– Но ведь у Бетти хорошая зарплата!
– Вполне приличная. Но жизнь в Париже очень дорогая. Мы еле сводим концы с концами, не более того.

– Ты не нашел работу?

– Можно подумать, что меня где-то ждут! Я зарегистрировался на бирже труда, но толку никакого.

– Тогда чем ты занимаешься, пока Бетти на работе?

Он пристально посмотрел на сестру и тряхнул головой.

– Надеюсь, ты не будешь читать мне мораль? Проблема, как ты знаешь, в том, что у меня нет ни диплома, ни опыта. Иногда я жалею о том, что в Шотландии потратил время впустую. Мне надо было приехать сюда прямо в день совершеннолетия и пойти учиться. Сейчас все было бы по-другому.

– Разве уже поздно?

– Ой, не говори глупости!

Морщась, он поднялся с дивана:

– Черт, у меня все болит... Хочешь чаю?

– С удовольствием.

Она пошла за ним на кухню, украдкой осматривая квартиру, – несмотря на то, что она была тесной и обшарпанной, здесь царил порядок и чистота.

– Бетти – замечательная жена, – сказал Джон, проследив за ее взглядом.

Он поставил на огонь чайник, достал две чашки, сахар, молоко и, наконец, бутылку виски.

Кейт с изумлением посмотрела на этикетку.

– «Джиллеспи»? В Париже продается «Джиллеспи»?

– Понятия не имею, и плевать мне на это. Но твой муж прислал Бетти ящик виски в качестве свадебного подарка. Каков юмор, а?

– Не начинай снова.

– Ладно, – уступил он, поднимая руки в знак примирения.

Когда Джон вошел с чайником в гостиную, Кейт заметила, что он похудел. До этого она подумала, что он сильно изменился и преждевременно постарел, а теперь, при безжалостном неоновом свете убедилась, что выглядит он просто ужасно.

– Я все еще не понимаю, Джон, почему я здесь?

– Да, сейчас объясню...

Вдруг она вспомнила фразу, которую он произнес, вставая с дивана.

– Кстати, а почему у тебя все болит?

– Я как раз об этом. Ладно, сейчас я скажу тебе то, чего Бетти еще не знает.

– Неужели все так серьезно?

– Настройся на худшее.

– Ты болен?

– Пока нет.

– Не понимаю...

– Ничего удивительного, ты ведь такая наивная! У меня ВИЧ, дорогая моя.

– Джон! – ахнула Кейт.

– Да, я знаю, о чем ты думаешь. Этого можно было скорее ожидать от Филипа, чем от меня.

– Почему? Филип верен Малькольму, он любит его. Но почему это произошло с тобой?

– Пустяковая супружеская измена. Не настолько серьезная, чтобы заслужить такое наказание.

– Ты изменяешь Бетти?

– Она отсутствует с утра до ночи. А так как мне скучно, я хожу на тусовки, где знакомлюсь с разными людьми. Но если бы ты знала, как я теперь об этом сожалею, хоть локти кусай! И, мало того, я люблю ее.

– Отличное доказательство любви!

– Ты ничего не понимаешь в мужчинах.

– Мужчины разные.

Не выдержав взгляда Кейт, Джон опустил голову. От того, что она сейчас услышала, ей стало так больно, что она долго молчала. Джон всегда был сумасбродом. Ребенком, а потом подростком, он практически не обращал внимания на младшую сестру. Если он замечал ее, то лишь для того, чтобы отпустить в ее адрес злую шутку, и Кейт не могла вспомнить, чтобы он когда-нибудь проявил добрые братские чувства. Более того, он привлек на свою сторону обоих братьев, а втроем они становились просто невыносимы. Со Скоттом он с самого первого дня искал ссоры, и в конце концов возненавидел его. Кейт ничего от него не ждала, зато он явно рассчитывал на ее помощь.

– Ты должен поговорить с Бетти, и тебе надо... обезопасить ее, – наконец выдавила она из себя.

– Ну, до этого я и сам додумался! Как только я получил результаты анализов, сразу купил презервативы. И сказал ей, чтобы она перестала принимать таблетки, потому что она курит, а это опасно. Она, бедняжка, решила, что я такой заботливый, так беспокоюсь о ней. Какая ирония судьбы...

Впервые он выглядел не на шутку расстроенным. Была ли тому причиной жена или его эгоизм?

– Не знаю, как попросить ее сделать анализ на ВИЧ, – добавил он с сожалением.

– Скажи ей правду.

– Ты с ума сошла?

– Она должна знать.

– Даже не думай. Бетти – единственная, кто любит меня и ценит. К тому же она доверяет мне. Если я ее потеряю, то потеряю все.

– Не изображай из себя жертву, пожалуйста. Мама тебя боготворила, много лет любила и опекала, как никого из нас.

– Я имел в виду свои отношения с женщинами. Они всегда смотрели на меня свысока, потому что у меня нет ни положения, ни денег. А Бетти все это не интересуется.

– Тем более не надо ей врать! Пора уже повзрослеть!

– Я уже сказал: оставь свои нравоучения при себе.

Они встретились взглядами, и Джон смягчился.

– Мне нужно срочно лечиться. И я уже начал. Но страховка не покрывает все расходы, поэтому лечение будет стоить дорого. У мамы я не могу просить денег после того, как надолго пропал и не подавал о себе вестей.

– Ты даже не пригласил ее на свадьбу.

– Она бы все равно не приехала без своего дорогого Ангуса, к тому же к нам приезжал папа. Это было единственное проявление его отцовских чувств – кстати, поэтому я не могу и его просить о помощи. Его жена – просто цербер, она называет нас «прежние дети» – тебя и братьев. Представляешь?

Кейт поморщилась. Достаточно настрадавшись от безразличия отца, она выбросила его из головы и из сердца.

– Когда мама говорила, что он про нас *забыл*, я считала ее жестокой, но она оказалась права, – тихо произнесла Кейт. Она с жалостью посмотрела на брата. – Джон, я тебе помогу, конечно, но ты должен поговорить с Бетти.

– Нет. Ты можешь подкинуть мне денег, но я не позволю вносить раскол в наши отношения!

– Это все равно случится. Тебе не удастся долго скрывать от нее свою болезнь. Ты и так уже похож на ходячий скелет, это сразу бросается в глаза.

– Меня тошнит от таблеток, аппетит пропал.

– Бетти поможет тебе это пережить. Ты же сам сказал, что она – замечательная жена. Если ты не можешь поговорить с ней, хочешь, я попробую?

Она видела, что он колеблется, взвешивая все «за» и «против». Ему всегда не доставало мужества, Кейт вспомнила об этом с горечью. Почему мать так долго не желала признавать его недостатки? Уж лучше бы она наставила его на путь истинный, вместо того чтобы оправдывать его ненависть к Ангусу, а потом к Скотту.

– Вечером я пойду на встречу с Бетти в «Ля Куполь» одна, – решила Кейт. – Ты останешься дома, отдохнешь и будешь ждать нашего возвращения. Если все пройдет хорошо, я вас оставлю и вернусь в отель.

– Она будет изводить меня упреками...

– Да, конечно, она будет страдать, но через это надо пройти. Ты не можешь продолжать жить так дальше.

Джон явно успокоился и потянулся к бутылке с виски.

– Это сочетается с твоими лекарствами? – спросила Кейт, отодвигая от него бутылку.

Но у нее не было иллюзий: как только она отвернется, он нальет себе стакан. И даже, может быть, не один, чтобы набраться смелости перед разговором с женой.

– Кейт, если бы Скотт сообщил тебе такую новость, как бы ты к ней отнеслась?

Вопрос застал ее врасплох. Она попыталась ответить честно, но представить подобное было невыносимо. Скотт не был лжецом и не боялся признавать свою ответственность.

– Я уверена, что Скотт любит меня, – сдержанно сказала она.

– И что? Я тоже люблю свою жену! Это не исключает внезапных импульсов; надо быть такой наивной, как ты, чтобы этого не понимать.

– Ну и ладно, я ему доверяю. И думаю, что если бы он захотел... пойти куда-то, то проявил бы порядочность и предохранялся бы.

– Давай, вешай на меня всех собак.

– Нет, я не собираюсь тебя судить. Тебе хотя бы назначили хорошее лечение, у тебя компетентные врачи?

– Вполне.

– А в чем состоит это лечение?

– Принимаю таблетки по часам. Кажется, побочные эффекты не такие сильные, как раньше. Но я пока не заболел, я просто бессимптомный носитель вируса. Моя усталость связана с лекарствами.

Кейт протянула через стол руку и с нежностью сжала руку Джона.

– Я очень переживаю за тебя, ведь ты мой брат! Сделаю все, что в моих силах, обещаю! Теперь скажи, почему ты обратился ко мне. Не помню, чтобы я была твоей любимицей.

– Характер у тебя занудный, но ты добрая, и это ни для кого не секрет! И потом, Филип перепугался бы, он такой нежный; Джордж стал слишком важной птицей, а что касается мамы – я не хочу ее вмешательства в мою жизнь. Сразу предупреждаю: и еще меньше – вмешательства твоего мужа. Так к кому мне еще обращаться, сама подумай?

Кейт кивнула, стараясь скрыть набежавшие слезы. С самого начала разговора она пыталась держаться отстраненно, но это ей не удавалось. Конечно, Джон не был хорошим братом, и его ненависть к Скотту отдалила их друг от друга еще больше, но все-таки она жалела его: то, что с ним случилось, было ужасно.

– Хочешь, пойдём погуляем? – предложила она. – Я так давно не была в Париже!

Джон равнодушно кивнул. Вернувшись во Францию несколько лет назад, он уже не оглядывался по сторонам в отличие от Кейт, которой не терпелось увидеть квартал Сен-Жермен, где она провела первые двенадцать лет своей жизни.

– Только сначала я приму душ, – объявила она. – Ванная наверху?

Ей нужно было послать сообщение Скотту, который наверняка уже начал беспокоиться. Вечером она позвонит ему из гостиничного

номера, все объяснит и тогда уже даст волю слезам.

– Не знаю, что я делал бы без тебя, – признался Скотт.

Кейт продлила свое пребывание в Париже, и в уик-энд, когда няни не было, близнецы оказались полностью на нем. Поэтому он решил отвезти детей в Джиллеспи, где их радостно встретила Мойра. Стояла уже глубокая осень, дождь лил со вчерашнего дня не переставая, лишая деревья последней листвы, которая блестящим ковром устилала аллеи парка.

– Если их оставить в твоей тесной квартире, они сойдут с ума, – ответила Мойра, – а здесь столько места для игр!

Места было даже слишком много; приходилось бегать за детьми, чтобы помешать взобраться на лестницы или скрыться из виду в глубине галереи. Бдительная Мойра закрыла на ключ вход в бельведер, в котором Кейт провела подростком столько времени, высматривая на горизонте автомобиль Скотта.

– У тебя очень красивые дети, – добавила она. – У них твои глаза, глаза твоей матери.

Темно-синий цвет редкого оттенка – такой невозможно спутать ни с каким другим. Близнецам было три года; резвые и бойкие, они без умолку болтали с утра до вечера на английском и французском. С самого рождения Кейт разговаривала с ними на двух языках, и Скотт следовал ее примеру.

– Мы будем заниматься ими по очереди, вместе с Амели и Ангусом. Даже Дэвид намерен присоединиться к нам: он купил малышам пластмассовые грабельки! Хочешь, отдохни немного.

– Я бы предпочел долгую прогулку, давно мне не доводилось обойти Джиллеспи полностью.

– Давай, заодно пообщаешься с пастухами. Кстати, как там Джордж – справляется с фабрикой?

– Подожди немного, он приступил к работе только в начале недели!

– А что слышно о Джоне, черт бы его побрал?

После минутного колебания Скотт коротко ответил:

– Ничего хорошего.

Мойра внимательно посмотрела на него, но промолчала. Взяв на себя воспитание Скотта после смерти его матери, она успела хорошо его узнать. Если он не хотел говорить, настаивать было бесполезно.

– О Филипе я тебя не спрашиваю, потому что он приезжал на этой неделе.

– С Малькольмом?

– Да! Амели всегда морщится при виде этой пары, но от комментариев воздерживается. Вообще-то, мальчики приехали, чтобы получить урок кулинарии. Я показала им, как готовить суп из баранины с ячменем и овощами. Филип помнил его, но ему никак не удавалось сварить точно такой же. А Малькольма интересует точная рецептура приготовления омара в соусе из виски.

– Что ж, это радует, попрошусь к ним в гости!

Скотт подошел к окну и бросил взгляд вниз. Амели в длинном дождевике и непромокаемой шляпе наблюдала, как близнецы гоняют по лужайке на трехколесных велосипедах.

– Думаю, я могу отправляться, – заметил он. – Как по-твоему, прогулка соблазнит папу?

– Конечно. Но не торопи его, он ходит в своем темпе.

Мойра всегда заботилась о других, такой уж был у нее характер. Глядя на ее седые волосы и морщинистое лицо, нетронутое косметикой, Скотт почувствовал глубокое волнение. Она олицетворяла для него материнскую любовь, – воспоминания о родной матери были слишком смутными. Он помнил похороны: помнил, как отец крепко держал его за руку, пока шла месса, но своему детскому горю он дал выплеснуться только в объятиях Мойры. Она поддерживала его, холила и лелеяла, развлекала и закармливала лакомствами. Уверенная, что вкусная еда облегчает душевную боль, она каждый день пекла для него пирожные. А перед сном всегда оставляла включенным ночник, ни слова не говоря Ангусу. Может, она слишком баловала его до самого поступления в интернат, но он был ей за это благодарен. Без Мойры он замкнулся бы в себе и не научился бы контролировать свою вспыльчивость.

Скотт прошел весь первый этаж, чтобы попасть в отцовский кабинет, который теперь в основном выполнял роль курительной комнаты. Ангус постепенно отказывался от дел и передал их сыну. Он оставался акционером компаний Джиллеспи, но управление ими его

больше не интересовало. Новшества, привнесенные Скоттом, озадачили его, хотя и дали великолепные результаты.

Ангус с энтузиазмом откликнулся на предложение Скотта о прогулке, такая возможность – побыть с ним наедине – выпадала редко. Перед выходом оба – отец и сын – надели резиновые сапоги, картузы и охотничьи куртки. Как все шотландцы, они не боялись дождя, имея подходящую экипировку на любую погоду.

– Пройдем за домом, – предложил Ангус. – Если дети тебя увидят, они побегут за тобой, и Амели не сможет их удержать.

От прогулки, которую собирался совершить Скотт, трехлетние дети выбились бы из сил уже через пять минут. Дождь прекратился, сменившись ледяной изморосью.

– Амели обожает возиться с ними, – добавил Ангус. Он явно хотел похвалить ее, или хотя бы сказать о ней доброе слово, но его сын лишь коротко кивнул и спросил:

– Пойдем к морю? Если это слишком далеко для тебя, сделаем остановку...

– Я не настолько стар, Скотт! На площадке для гольфа я прохожу несколько километров. Не говоря уже об охоте.

Ангус старался поддерживать форму ради Амели, которая была почти на двадцать лет моложе, и ради внуков, которых обожал.

– В Гриноке все в порядке? – вдруг спросил он.

Из двух винокурен эта интересовала его больше, тогда как Скотт возлагал особые надежды на Инверкип – она была более скромной, но зато там он мог свободно реализовать самые радикальные новшества.

– Никаких особых проблем нет. Слушая тебя, я начинаю думать, что ты читаешь мои ежемесячные отчеты!

– Я их иногда просматриваю, – признался Ангус со смехом. – Мне же надо убедиться, что мои доходы не сократились.

Они прошли метров двести-триста, и Ангус обернулся, чтобы посмотреть на величественное здание Джиллеспи, возвышающееся на холме.

– Какая красота, правда? Надеюсь, что когда-нибудь Ханна и Люк будут жить здесь со своими детьми. Чтобы после нас жизнь продолжалась... Это мое самое заветное желание.

Скотт молча посмотрел на особняк и отвернулся. Он знал, что хочет услышать от него отец, и неотступно думал об этом со

вчерашнего дня. Голос Кейт по телефону выдавал ее страшную растерянность. Известие о том, что Джон оказался носителем такой ужасной болезни, потрясло ее, и Скотту захотелось немедленно сесть в самолет и отправиться домой, чтобы утешить жену. Он не мог видеть ее слез и был готов на все, чтобы к ней вернулась ее всегдашняя жизнерадостность. Что касается Джона, он ничем не мог ему помочь, но почему не дать Кейт то, о чем она мечтала?

Они возобновили прогулку, и Скотт пробормотал:

– Я знаю, что это важно для тебя.

– Да, я люблю представлять будущее, даже если меня в нем не будет. Ты подарил мне двух маленьких Джиллеспи, и я очень этому рад.

– И ты хотел бы, чтобы они навсегда поселились в этом доме?

– Мои желания не должны мешать тебе жить так, как тебе нравится.

– Кейт очень хочет вернуться сюда.

– Рад это слышать, а ты что скажешь?

Скотт засунул руки в карманы охотничьей куртки, стараясь идти не слишком быстро. Его взгляд блуждал по равнине, заросшей вереском и чертополохом. Вдалеке он заметил овец.

– Ты мне не ответил, – окликнул его Ангус.

– Амели не сделает ничего, чтобы облегчить мне жизнь. Думаю, ты это знаешь.

– Ты преувеличиваешь.

– Несколько лет назад она относилась ко мне так, как будто я незваный гость в моем собственном доме.

– Это все в прошлом, Скотт. После того как вы поженились, она смотрит на все иначе, особенно с тех пор, как стала бабушкой. Ты считаешь ее злой, но ты ошибаешься.

– Возможно. И возможно, ты необъективен.

– Ты тоже.

– Папа, вспомни! Ведь мы по ее вине чуть не поссорились!

– У тебя отвратный характер.

– Я унаследовал его от тебя.

Ангус засмеялся и шутливо ткнул сына в плечо.

Они долго шли молча, пока не достигли последней долины, которая полого спускалась к морю.

– Ты починил ограды, – заметил Скотт.

– Пастухи жаловались, что находят овец на дороге и даже на пляже! Впрочем, мне все равно больше нечем заняться на этих землях.

– И ты терпеть не можешь, когда тебе делают замечания по поводу твоего управления имением.

– Точно. Ты меня хорошо знаешь, но не забывай, что это взаимно.

Скотт заметил пень и предложил передохнуть. Пока его отец тяжело усаживался, он стоял перед ним.

– Я хочу доставить удовольствие Кейт, – нерешительно сказал он. – Я женился на ней, чтобы сделать ее счастливой...

– А что, она несчастна?

– Наоборот, счастлива! Во всяком случае, так говорит. Но я знаю, что она очень привязана к Джиллеспи, что...

– А ты нет?

– Перестань меня перебивать!

– Конечно. Прости. Думаю, нелегко признать за собой дурацкое упрямство.

Скотт слабо улыбнулся, и Ангус воспользовался этим, добавив:

– Возвращайся домой. Сделай хотя бы попытку, ты всегда сможешь уехать, если что-то не заладится.

Скотт молча кивнул. Кейт стояла любой жертвы, в том числе отказа от независимости. Семейная жизнь трех поколений, объединенных чудесной атмосферой Джиллеспи, успокоила бы ее. Если только Амели не устроит Скотту невыносимую жизнь.

– Хорошо, – вздохнул он, – попробую рискнуть.

Несмотря на все сомнения и оговорки, перспектива вернуться домой захватила его. До сих пор он сопротивлялся этой мысли, но в глубине души хотел того же.

Отец, обрадованный хорошей новостью, встал бодро, в отличие от того, как садился.

– Вперед, не будем тянуть время! – бросил он и пошел первым. – Заглянем в овчарню к Рою, а потом попробуем разыскать наших *black faces*^[4].

Шерсть этих овец использовалась для изготовления пальто и ковров, к тому же они легко поддавались стрижке. И вдобавок, не только приносили доход, но и являлись эмблемой Шотландии, что давало Ангусу дополнительный повод для гордости.

– Надеюсь, Кейт подробно расскажет нам о своей поездке в Париж! Амели не терпится узнать, как дела у Джона, потому что звонит он очень редко. По-моему, он очень неблагодарный, правда? Раз уж нашел свое счастье во Франции...

Мгновение поколебавшись, Скотт все-таки решил помолчать. Кейт скажет то, что сочтет необходимым, а он не должен вмешиваться. Для Амели, разумеется, новость о том, что ее сын ВИЧ-инфицирован, станет драмой. Как всегда, она свалит на Ангуса весь груз своих страданий, и в этих условиях собраться всей семьей и сплотить ряды будет очень своевременно.

– Поскольку я уже принял решение, – сказал он Ангусу, – думаю, мы не будем тянуть с переездом.

* * *

Как верные друзья, Грэм и его жена Пат предложили помочь с переездом. Они стали родителями близнецов еще до свадьбы Скотта и Кейт, и это совпадение сблизило пары. Более того, Скотт был крестным отцом их старшего сына Тома, и к своей роли он относился со всей серьезностью. Став неразлучными друзьями еще в интернате, Скотт и Грэм всегда, как могли, заботились друг о друге. Они не принимали жизненно важных решений не посоветовавшись и вместе переживали хорошие и плохие времена.

Грэм, в пору их учебы не такой блестящий ученик, как Скотт, был старше на два года. Теперь он работал в банке в качестве консультанта клиентов по имущественным вопросам, а Пат всецело посвятила себя троим детям. Для них было невозможно уехать из Глазго, однако они поддержали решение Скотта, потому что тоже любили Джиллеспи.

– Мы к вам нагрянем в выходные! – пообещала Пат. Она укладывала в чемодан вещи Кейт, сложенные стопками на кровати.

– Мы всегда вам рады, – объявила Кейт, – и дети будут играть вместе. То, что невыносимо в квартире, становится очень приятным в деревне. Там столько места! Я обожаю Джиллеспи.

– Когда ты сюда приехала, у тебя было совсем другое впечатление, насколько я помню.

– Тогда я была растерянна и угнетена. Ангус внушал мне страх, мне понадобилось время, чтобы понять его. Но когда я увидела Скотта, это место для меня волшебным образом преобразилось.

Кейт рассмеялась, вспоминая, какой застенчивой и неловкой она тогда была.

– Вы не берете ничего, кроме личных вещей? – поинтересовалась Пат.

– Ничего. Твой муж посоветовал Скотту сдать нашу квартиру вместе с мебелью. Так выгоднее, и нам будет проще, если мы захотим вернуться. Только мы не вернемся, я в этом уверена.

Пат закрыла чемодан и начала укладывать сумку.

– При условии, что вы уживетесь. Три поколения под одной крышей – это не так-то просто.

– Я надеюсь, что мама будет вести себя достойно. Ведь причина в ней.

– Она по-прежнему на ножах со Скоттом?

– Да, и не может взять себя в руки.

– Почему?

– Она невзлюбила его с самого начала. Рядом с ним мои братья проигрывали, они выглядели невоспитанными бездельниками. Не выдержала ее материнская гордость! А каково ему было, когда его родной дом захватили мачеха и четверо подростков... С самого начала все пошло не так...

Упомянув братьев, Кейт подумала о Джоне. Бетти мужественно и с достоинством приняла правду. Она не стала обвинять Джона, хотя он изменил ей и подверг опасности ее здоровье. Она всегда брала принятие решений на себя и сейчас тоже взяла дело в свои руки. Накануне отъезда Кейт она рассказала ей, что по сведениям, полученным от страховой компании, все расходы по лечению будут возмещены. Поэтому аргументы, которые Джон привел сестре, чтобы вытянуть из нее деньги, были безосновательны. Но как она могла его винить? Отныне над головой брата висел дамоклов меч, и конечно, он хотел пользоваться всеми радостями жизни. Бетти же чрезвычайно разумно и скрупулезно распорядилась их бюджетом. Грозная болезнь сделает ее еще более экономной, а Джон, возможно, стремился к некоторой финансовой независимости.

– Почему ты такая грустная? – удивилась Пат. – Я думала, ты радуешься возвращению! Прости, что я напомнила тебе о матери, но вот увидишь, она так обрадуется тебе и детям, что наконец оставит Скотта в покое. Впрочем, он способен за себя постоять и уже не раз доказал это.

– Я знаю. Я также знаю, что он сделает все возможное и невозможное, чтобы наша жизнь была приятной. Ты представить не можешь, как он внимателен ко мне.

– Просто он любит тебя. Грэм утверждает, что рядом с тобой он изменился. Когда они учились в интернате, Скотт был шумным, драчливым и иногда чересчур самоуверенным.

– А по словам Скотта, Грэм просто не терпел, когда ему противоречили!

Они засмеялись и, покончив с укладкой вещей, решили передохнуть. На кухне Кейт вскипятила воду для чая и достала коробку с печеньем.

– В Джиллеспи я смогу наконец печь сама. Здесь кухня слишком тесная, чтобы превращать ее в кондитерскую. А там я наготовлюсь всласть. Помню вечера, когда я возвращалась из школы, и Мойра в это время вынимала из духовки пирожные! Такой умопомрачительный запах! У Люка и Ханны тоже все это будет.

– Значит, ты собираешься после переезда выйти на работу?

– О да! Я сомневалась, хотелось подольше побыть с детьми, но все-таки вчера утром послала в ректорат резюме. Может быть, в этом году мне удастся поработать только на заменах, но как только появится вакансия, я подам заявку.

– Ты права. А я очень жалею, что уже давно не работаю. Я получила огромную радость от общения с детьми, но теперь у меня нет своей собственной жизни. Когда мы встречаемся с людьми, мне нечего рассказать. Мои дни похожи один на другой, я уже не узнаю себя прежнюю и знаю, что мне будет трудно найти интересную работу.

– А ты хочешь работать?

– Очень! Но в моем резюме есть перерыв в несколько лет, а работодатели особенно не любят матерей, которых надо отпускать, когда у них болеют дети или когда подвела няня.

– А что говорит Грэм?

– Ему не очень нравится идея, что меня не будет дома, но он смирится.

– А мне Скотт оставляет полную свободу выбора.

– Разница в том, моя дорогая, что Грэм меня любит, а тебя Скотт боготворит. Ваш переезд в Джиллеспи это доказывает, не так ли? Согласиться жить со своей тещей – это серьезная уступка. Чтобы Грэм пошел на такое...

Кейт слышался упрек в голосе Пат, и она сочла необходимым ответить.

– Не забывай, что Скотт родился в Джиллеспи, это его дом. Уступить его моей матери было совсем нелегко, и теперь он собирается вернуть свою территорию.

Кейт задумчиво откусила кусочек печенья и сделала глоток уже остывшего чая. Болтать с Пат, когда вокруг не визжат и не бегают дети, было здорово, но ее мысли занимали брат и этот переезд, который полностью перевернет их жизнь. Была ли она права, когда так настаивала? Что, если это просто эгоистическая прихоть? Скотт мог подумать, что ей недостаточно только его одного, что он не смог сделать ее счастливой, хотя с ним она готова была жить хоть в хижине.

– Продолжим? – предложила Пат. – Мы почти закончили, а мне надо уехать в пять часов.

Чемоданы загромоздили почти всю гостиную, и укладывать было уже нечего. Кейт обвела взглядом пустые поверхности, и на нее вдруг нахлынула ностальгия. В этих стенах она провела самый прекрасный период своей жизни: от первой их ночи со Скоттом до рождения близнецов. Свадьба, получение диплома, первые шаги Люка, за которым шла, неуверенно пошатываясь, Ханна... Воспоминание обо всех этих прекрасных днях, которые она оставляла позади, навели на нее грусть.

– Ты можешь уезжать, – сказала она Пат. – Здесь уже нечего делать. Спасибо, что нашла время помочь, мне было бы трудно справиться одной.

Провожая подругу до лифта, она пыталась улыбаться, но улыбка не получилась. Няня вернется только в шесть часов с близнецами, перепачканными с ног до головы после возни в песочнице. Прежде чем их искупать и приготовить им последний в этой квартире ужин,

надо будет обязательно попрощаться с няней, которая безупречно работала эти два года.

Кейт вздохнула, закрыла дверь и устало прислонилась к косяку. Она слишком чувствительна, ей нужно быть благоразумнее. Она пошла на кухню, включила радио и стала искать музыкальную волну. Холодильник был почти пуст, и Кейт решила сделать Скотту сюрприз. Она закажет суши и поставит охладиться отличное шампанское, привезенное из Парижа. Оно предназначалось для какого-нибудь важного события, ну так сегодняшней вечер идеально для этого подходил!

* * *

Скотт, расстроенный плачем Бетти, нервно вертел в пальцах ручку. Женские слезы всегда трогали его, ему хотелось сразу броситься на помощь. Как можно мягче он добавил:

– Вы были прекрасным сотрудником, все очень жалели, когда вы ушли с винокурни. Что касается меня лично, я испытываю к вам большую симпатию, очень ценю вас и считаю вполне естественным предложить вам помощь. К тому же мы с вами почти родственники – ведь вы – жена моего сводного брата! Кейт совершенно потрясена тем, что произошло с Джоном, и я хотел сказать, что вы можете на нас рассчитывать.

– Вы осуждаете Джона, я знаю...

– Не важно. Перед лицом болезни надо забыть о наших ссорах.

Бетти снова всхлипнула, а потом сказала уже более спокойным тоном:

– От разговора с вами мне стало лучше, Скотт. Во Франции я чувствую себя одинокой и очень скучаю по Шотландии. Но боюсь, Джон никогда не согласится туда вернуться. Знать, что в случае чего я смогу к вам обратиться, – это настоящая поддержка.

– Можете быть в этом уверены... Ваше новое место вам нравится?

– Да, я нашла интересную работу с достойной зарплатой. В этом отношении мне не на что жаловаться.

– А в других?

– Скажем... Я знала, что, бросая все и уезжая с Джоном, который моложе меня, я сильно рискую... Но мы почти сразу поженились, потому что он этого хотел, и мне показалось, что все устроится. Я была без ума от него, наверное, и сейчас тоже, но я, конечно, разочарована. Хотя он вовсе не плохой, как вы думаете, а просто слабый. Я его чуть ли не на руках ношу, а он непрестанно твердит, что работать и жить по правилам – это не для него. Я хотела родить ребенка, надеялась, что это сделает его более ответственным, но, увы, теперь об этом вообще речь не идет.

Она замолчала, а потом добавила с горьким смехом:

– Вам, наверное, надоели мои откровения!

– Вовсе нет.

– Вы из тех людей, которым хочется довериться, потому что вы умеете слушать. Наверное, на винокурне все девушки в вас влюблены?

– Что?

– Не будьте наивным, Скотт. В мое время они все прямо замирали от восторга, когда вы выходили из своего кабинета. Разве с тех пор, как вы женились, что-то изменилось?

– Вы можете считать меня полным идиотом, но я ничего не замечал.

– Тогда вы просто слепы! Или слишком влюблены в свою жену. В любом случае спасибо вам обоим. Кейт поступила замечательно: без нее я не узнала бы правду, потому что Джону не хватило бы мужества мне все рассказать. А ваш звонок сегодня вечером по-настоящему поднял мне настроение.

– Берегите себя, Бетти. И держите меня в курсе. Хорошо?

– Обещаю.

Скотт в задумчивости повесил трубку. Бетти хорошая женщина, но она сделала неудачный выбор, связав свою жизнь с Джоном. Чем он смог обольстить ее? Молодостью, своим заносчивым видом, французским акцентом? Может, она мечтала о Париже, о безумной романтической страсти? Теперь Бетти осталась у семейного очага одна и вдобавок с больным мужем, который не стеснялся изменять ей.

Взгляд Скотта упал на старинные настенные часы, украшавшие его кабинет, он вздрогнул. Было уже очень поздно: весь вечер он усиленно работал, чтобы высвободить завтрашний день для переезда, да и разговор с Бетти затянулся. Кейт, наверное, уже потеряла

терпение, или же она в одиночестве укладывает последние коробки. Он отключил компьютер и вышел в пустынный коридор. С утра до вечера здание гудело, как настоящий пчелиный улей: люди сновали между бухгалтерией, отделами маркетинга, продаж и поставок. Два года назад Скотт отремонтировал административные помещения, которые теперь выглядели ультрасовременными, и только его собственный кабинет не претерпел изменений. Деревянные панели, гравюры и медные светильники были теми же, что во времена Ангуса и предыдущих поколений. Скотт относился к этому месту как к святынищу, и с удовольствием представлял, как однажды сын или дочь займут его место, чтобы упрочить процветание марки Джиллеспи.

Спустившись на первый этаж, он поздоровался с охранником, который нес ночную вахту на винокурне с двумя собаками.

– Я дождусь, когда вы уедете, и сниму с них намордники! – сказал тот, указывая на бульдогов.

Скотт кивнул и сел в свой «Рейндж Ровер». Когда родились близнецы, он с сожалением расстался с джипом «Патриот» и купил для Кейт чрезвычайно маневренный японский автомобильчик. На нем она могла пробираться сквозь дорожные заторы Глазго или Эдинбурга, но переезд означал, что теперь ей придется ездить по сельским дорогам – узким, а зимой – еще и заснеженным.

Выехав за ворота, он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Собаки, освобожденные от поводков и намордников, носились по двору. Винокурню следовало надежно охранять, учитывая ценность содержимого в баках и медных перегонных кубах. Замена только одного из кубов создавала невыносимую проблему: большинство винокуров предпочитают ремонтировать их до бесконечности.

Скотт направился в Глазго, но сердце у него щемило. Со следующей недели он будет возвращаться в Джиллеспи по дороге, которую изъездил бесчисленное число раз, пока не отказался от собственного дома под предлогом, что ему нужна независимость, а на самом деле, чтобы сбежать от Амели.

– Все будет хорошо! – подбодрил он себя вслух. – Кейт будет довольна. В принципе, я тоже. Мне будет удобнее ездить в Гринок и особенно в Инверкип. Я смогу чаще заходить к Джорджу. Это прекрасная идея – вернуться домой.

Нельзя сказать, что собственные слова его сильно убедили, но он решил больше об этом не думать.

* * *

Сияющая Мойра последний раз прошлась тряпкой по комоду и осмотрелась. Всюду царили порядок и уют, а подоконник украшал букет из последних осенних роз.

– Ну вот, я закончил, – объявил Дэвид, входя.

Он устанавливал решетку наверху лестницы, пока Мойра готовила комнаты.

– Кейт правильно выбрала эту часть дома, – добавил он. – А там она только бы и делала, что ходила бы вверх-вниз.

Холостяцкая спальня Скотта – так же, как спальни Мойры и Дэвида, находилась на третьем этаже; Ангус с Амели размещались на втором, в правом крыле. Левое крыло было необитаемым с тех пор, как уехали Джон, Джордж и Филип, поэтому Кейт посчитала разумным переехать с близнецами туда.

– Для них это станет настоящим сюрпризом, – сказала Мойра. – Мы, конечно, здесь намучились, но оно того стоило!

С тех пор как Скотт объявил о возвращении в Джиллеспи, Мойра трудилась не покладая рук. Чтобы молодой паре было удобно, она попросила Дэвида вынести из комнат вниз одну мебель и поднять другую. Таким образом, к Скотту вернулся секретер из розового дерева, а к Кейт – ее туалетный столик. Выбранную для близнецов комнату перекрасили в бледно-желтый цвет, повесили новые шторы, положили большой мягкий ковер и поставили дополнительный обогреватель. Просторная угловая спальня Джона была переделана в игровую комнату. И наконец, в ванной комнате поставили новую ванну. Ангус за все заплатил не торгуясь, он был слишком счастлив приездом своих внуков.

– Когда они приезжали в прошлый уик-энд, это был какой-то бивуак, – вздохнула Мойра. – Теперь у них будет все как надо. Ты надежно установил решетку?

– Достаточно для детей такого возраста.

– Не хочу, чтобы возникли какие-то проблемы, и Скотт пожалел о своем решении.

– В любом случае, если ему будет здесь плохо, он не останется.

– Я уверена, что Амели постарается до этого не доводить.

– Будем надеяться.

– Она больше не воюет с ним. Какой ей от этого прок?

– Не знаю. Я никогда ее не понимал.

– Ее сыновей, которые сеяли склоки, здесь больше нет.

– И на том спасибо! Но ты все равно не убедишь меня, что она сменила гнев на милость. Не будь Скотта, все наследство Ангуса перешло бы к ней.

– Не говори таких вещей.

– Амели не может не думать об этом. Она женщина умная и с характером.

Он говорил спокойно, не повышая голоса, как человек, привыкший наблюдать за другими и делать умозаключения. Его место в семье было довольно неопределенным. Он был кузеном Ангуса и фактически управлял имением, но жалованья не получал. Ангус иногда давал ему наличные на карманные расходы, словно бедному родственнику. Дэвид, не претендовавший ни на какой статус, все-таки стал незаменимым человеком в поместье. Молчаливый, очень независимый, он был благодарен Ангусу за то, что тот взял его к себе много лет назад, когда он уже едва не стал бродягой и алкоголиком. С Мойрой он был очень дружен – всегда приветлив и услужлив, а Скотта, которого знал с детства, любил безгранично. По этой причине он с недоверием отнесся к Амели, когда она объявилась в Джиллеспи и привезла с собой четырех подростков. Потом он заметил, как эта француженка, свалившаяся им на голову, стремится взять в руки управление домом и отодвинуть Мойру на задний план. Он наблюдал за тремя невоспитанными братьями, которые сеяли вокруг хаос и раздор, в то время как Ангус делал вид, что ничего не замечает, лишь бы угодить своей молодой супруге. В тот день, когда она объявила, что беременна, Дэвид всерьез испугался за Скотта, представив, что теперь его окончательно вытеснят из семьи. Но у Амели случился выкидыш, и Скотт остался единственным сыном. Однако он все-таки уехал из дома, подальше от мачехи, которая приводила его в бешенство.

– Амели изменилась, – заметила Мойра. – С тех пор как она стала бабушкой, нрав у нее смягчился.

– Думаешь, она успокоилась?

– Вроде того. Скотт – ее зять, и, конечно, она больше не видит в нем врага.

– Дай-то бог.

Они обменялись долгими взглядами, а потом Дэвид отвернулся и взял свой ящик с инструментами. Прежде чем спуститься, он еще раз проверил, хорошо ли держится решетка. Когда ему поручали ответственное дело – а не только уборку опавших листьев или колку дров, – он выполнял его со всей тщательностью. На него можно было положиться, хотя никто не предоставил ему случая это доказать.

* * *

– Вот так! – торжествующе заключил Филип, закрывая багажник «Рейндж Ровера». – Надо просто правильно укладывать, и тогда все поместится.

Чемоданы и дорожные сумки были сложены в машину Филипа, а в машину Скотта загрузили детскую мебель и игрушки. Кейт выехала первая, с близнецами в автокреслах, которые заняли все заднее сиденье.

– Надеюсь, вы не передумаете и не вернетесь через две недели, уж больно эти сборы утомительны! – пошутил Филип.

Он вместе с Малькольмом вдруг сам предложил помощь в переезде. Мальчики были по-прежнему неразлучны, прожив вместе четыре года в абсолютном, ничем не омрачаемом, счастье. Объединенные страстью к рисунку и живописи, во время учебы они посещали музеи, выставки, галереи. Сейчас Филип пробовал себя в книжной иллюстрации, а Малькольм заканчивал свои первые картины.

– Я предупредил Мойру, что вы останетесь на ужин, – объявил Скотт.

– Теща будет весь вечер кукуиться – пообещал Малькольм.

Тщетно Амели при встрече испепеляла его взглядом: Малькольм не обижался, его это даже забавляло. Родители относились к нему с нежностью, и несмотря на его жизненный выбор, у них были

прекрасные отношения. Будучи единственным, притом любимым и избалованным ребенком в семье, он жил в полном согласии с собой и посмеивался, замечая чужие, подчас неодобрительные взгляды.

– Ты действительно так ее называешь? – спросил Скотт, раздражаясь смехом.

– Только когда она грубит Филипу. Это моя месть. А ты. Как ты ее называешь?

– По имени. До встречи в Джиллеспи?

– Послушай, ведь ты не собираешься выгружать весь этот скарб в одиночку? К тому же весь гардероб везем мы, так что если тебе завтра утром понадобится свежая рубашка, чтобы ехать на работу...

Как обычно, Филип и Малькольм бросили жребий, чтобы решить, кому садиться за руль, а потом плюхнулись в машину и рванули с места так, словно собирались устроить гонки со Скоттом, который с улыбкой смотрел им вслед. Их жизнерадостность передалась и ему, он был почти уверен, что впереди его ждет приятный вечер.

Скотт тронулся не спеша, задаваясь вопросом: правильно ли он поступил, предупредив о гостях Мойру, а не Амели. Роль хозяйки дома, за которую они исподволь воевали друг с другом, вообще-то принадлежала Амели. Однако речь шла о приготовлении ужина, что напрямую касалось Мойры. Какое место сможет занять Кейт рядом с двумя этими женщинами? Практические подробности не обсуждались, но кто будет заниматься покупками, составлением меню и кто за что будет платить? Скотт не собирался садиться отцу на шею. Им придется поговорить об этом вдвоем, чтобы в будущем не возникало никаких недоразумений.

Он въехал на шоссе М8, и его вдруг охватило дурное предчувствие, но прислушаться к нему он не успел, потому что на экране бортового компьютера появилось сообщение: «Приехала и совершенно здесь счастлива! Люблю тебя, К.». Его губы невольно расплылись в улыбке, и ему стало легче. Если он сделает Кейт счастливой, это вознаградит его за все, пусть даже у него возникнут какие-то проблемы. Интересно, что она сейчас делает. Может, поднимается по лестнице на бельведер, чтобы увидеть его машину издали, как раньше, когда она была пятнадцатилетней девочкой? А может, уже сбегала на кухню посмотреть, что готовит Мойра? Казалось, что Джиллеспи – ее настоящий дом, – каждый уик-энд,

который они проводили здесь в течение трех лет, подтверждал ее привязанность к этому месту. Все ее долгие уединенные прогулки в отрочестве по песчаным равнинам и в лесу помогли ей прекрасно узнать эти земли. Она беседовала с пастухами и помнила клички их собак. Она знала наизусть все тропинки и даже в темноте легко могла бы найти дорогу домой. С ее помощью Ханна и Люк будут расти настоящими помещиками, пусть и скромными! Как это было со Скоттом. Довольный этой мыслью, он начал весело насвистывать.

В конце ноября начались первые столкновения. Прошло три недели, прежде чем Амели поняла, что приезд Кейт в корне изменил жизнь поместья. Ее дочь больше не была послушной и скромной девочкой; став матерью, она приобрела уверенность в себе и без колебаний возражала Амели, если была с ней не согласна. По отношению к детям она оказалась гораздо более требовательной, чем была в свое время ее мать, особенно с сыновьями. Кейт следила, чтобы они вели себя воспитанно, вовремя ели и ложились спать; зато вне дома она позволяла им резвиться, сколько душе угодно, при условии, что они будут под присмотром кого-нибудь из взрослых. Дэвид с радостью взял на себя эту обязанность, увлеченно делясь с близнецами своими познаниями о природе.

Ангус, со своей стороны, с некоторым опозданием понял, что ему всегда не хватало терпения с маленькими детьми и что видеть их время от времени куда легче, чем жить с ними бок о бок. Он вспоминал, что Скотт тоже был невыносим в этом возрасте, так что позже пришлось отправить его в интернат.

Мойра, наоборот, была на седьмом небе от счастья. Она безоговорочно одобряла Кейт за ее методы воспитания близнецов: даже когда они шумели или капризничали, Кейт не теряла спокойствия, оставаясь все такой же самоотверженной и нежной матерью. Глядя на нее в эти минуты, Скотт понимал, что в детстве был вполне счастлив, и к нему возвращались тысячи воспоминаний, казалось, навсегда похороненных в памяти.

Кейт отправила свои документы в ректорат, собираясь стать преподавателем французского языка. Одна из учительниц уходила в декретный отпуск, и Кейт почти сразу предложили временно ее заменить.

Школа Хатчесонов в Глазго славилась своей репутацией и объединяла учеников начальной и средней школы из всех слоев общества, серьезно относившихся к учебе. Обрадованная, Кейт поспешила принять предложение, на которое она даже не надеялась. Ей не терпелось применить на практике все, чему она научилась в

университете, и проверить свои педагогические способности. Ее радовала перспектива наконец-то начать работать, особенно после разговора с Пат. Ждать по вечерам возвращения Скотта только для того, чтобы рассказать ему, как близнецы пописали и покакали, и ничего более, – теперь это казалось ей неприемлемым. Положив столько сил на получение диплома, она собиралась им воспользоваться на практике, но самым главным для нее было оставаться интересной для мужа. Удивлять его, интриговать, вызывать восхищение, остаться для него той самой единственной, в которую он был так влюблен.

* * *

– Тебе надо почаще тренироваться, – сказал Ангус, укладывая сумки для гольфа в багажник. – Ты такая способная, с тобой очень здорово играть!

– Ты же меня всему и научил, – с улыбкой ответила Кейт.

– Но нужно поддерживать форму.

– Обещаю, что буду выходить на поле хотя бы раз в месяц.

– Теперь, когда вы живете в Джиллеспи, это станет проще. Сядешь за руль?

Он протянул ей ключи от машины и сразу же уселся на пассажирское сиденье.

Кейт показалось, что у него усталый вид, но она благоразумно промолчала: Ангус был очень мнительным и ненавидел говорить о своем здоровье.

– Мойра, наверное, ужи кипит не хуже своих кастрюль, поехали скорее, – пробормотал он.

– Скотт уговорил ее приготовить хаггис^[5], она уже с самого утра занимается готовкой.

– Почему он не пришел поиграть с нами в гольф?

– Ему надо было немного поработать, – кстати, он оккупировал твой кабинет.

Ангус шутливо закатил глаза и ответил:

– Он начнет жаловаться на табачную вонь и открывать окна. Значит, когда я приду туда выкурить сигару, я буду мерзнуть. Почему

он не заведет свой собственный кабинет? Уж места-то в доме достаточно!

– Думаю, он не хотел, чтобы это выглядело так, как будто он отстранил тебя от дел.

– Правда? Я ведь сам от них отказался и прямо ему об этом сказал. Он отлично справляется без меня, я даже думаю, что он больше не потерпит моего вмешательства. На корабле не может быть двух капитанов.

– И все-таки ему всегда интересно твое мнение.

– При условии, что оно совпадает с его собственным!

– Не только. Он очень уважает традиции и выслушает тебя, даже если ты будешь с ним не согласен.

Ангус засмеялся и отечески похлопал Кейт по руке:

– Я знаю, что ты видишь в нем одни достоинства. И ты права: он вежливо *выслушает меня* и только потом сделает то, что задумал.

Она не смогла подавить улыбку, заметив:

– Яблоко от яблоньки недалеко падает, как известно.

– Несомненно. В любом случае я предложу ему перенести папки с документами из моей курительной в другую комнату. Это единственное место, где я могу спокойно отдохнуть, даже твоя мать меня там не беспокоит.

– Ты ей запретил?

– Попробуй запрети ей! Вообще-то, она похожа на Скотта – тоже не любит запаха сигар. Это единственное, что их объединяет...

На этот раз они засмеялись вместе, довольные друг другом и тем, что нашли взаимопонимание.

– Завтра утром я иду к мессе, – добавил Ангус. – Хочешь пойти со мной?

Когда Кейт была подростком, она часто составляла ему компанию, и по дороге они вели долгие теологические споры.

– Хочу. И возьму детей.

– Прекрасная мысль. Чем раньше, тем лучше.

– Но ты же знаешь, я предоставлю им самим выбирать религию, когда они станут достаточно взрослыми.

Ангус одобрительно кивнул и замолчал, глядя в окно на убегающие пейзажи.

– Сейчас охота в самом разгаре, – пробормотал он наконец. – Надо успеть с куропатками до десятого декабря, потом будет разрешено охотиться только на оленей и зайцев.

– Ты часто охотишься?

– Сейчас меньше, чем раньше. Меня утомляет ходьба, да и холод тоже. Мне ведь уже давно не двадцать, дорогая моя!

И горько усмехнувшись, он поспешил сменить тему:

– Ты заметила, что Люк все больше становится похож на Скотта?

– Надеюсь, мама этого не замечает! – ответила Кейт и засмеялась.

– Она не видела Скотта в детстве. А я отлично его помню, у него была точно такая же мордашка. Я бы очень хотел видеть, как маленький растёт, да и малышка тоже. Вы еще планируете детей?

– Пока нет. Я хочу сначала поработать в школе.

– Из тебя получится отличная учительница, я в этом уверен. Но я никогда не забуду ту девочку с косичками и в носочках, которая приехала сюда! Жизнь не стоит на месте, ты сама в этом убедишься!

Кейт медленно въехала на подъездную дорожку и, воспользовавшись моментом, бросила на Ангуса вопросительный взгляд.

– Все в порядке? Ты с самого утра какой-то мрачный.

– Извини. Я старею, приближается зима... Никогда не любил зимние праздники. Мэри, мать Скотта, попала в автомобильную аварию как раз в один из декабрьских вечеров. Представляешь, какое у нас было Рождество! С тех пор, как только приближается декабрь, мне становится грустно.

– Ты очень любил ее?

– Да. Хотя жить с ней было не так уж легко. Между прочим, с Амели тоже! Должно быть, я сам выбираю таких женщин. Хотя нет, я вообще никого не выбираю. Я никогда не был привлекательным, и если женщина показывала, что я ей нравлюсь, я немедленно влюблялся в нее.

– Так случилось и с мамой?

– Точно. И это продолжается. По-моему, она все так же красива, и даже стала милее. То, что мы теперь бабушка и дедушка, нас сблизило. Ну кто бы мог подумать, что у нас появятся общие внуки? Благослови вас бог за это, Скотта и тебя.

Казалось, он забыл о своей грусти, тем более что на крыльцо им навстречу вышла Амели.

Кейт смотрела, как мать спускается по ступенькам. Несомненно, она прекрасно выглядела в пятьдесят лет и казалась счастливой, а ее улыбка, обращенная к Ангусу, была искренней. И снова Кейт спросила себя, должна ли она рассказать ей о болезни Джона. До сих пор она хранила молчание, держа данное брату слово, однако не была уверена, что это правильно. Джон всегда был любимчиком матери и продолжал им быть, несмотря ни на что. Так, может быть, мать имела право знать, какая опасность угрожает ее сыну?

Глубоко задумавшись, Кейт вышла из машины и стала открывать багажник.

– Нужна помощь, юная леди?

Скотт появился сзади совершенно бесшумно и уже обнимал ее одной рукой, другой – хватая сумку для гольфа. Она прижалась к нему спиной, чувствуя его губы на своей шее.

– Ты не замерзла?

– Мы много ходили и согрелись.

– Ну а как гольф?

– Твой отец считает, что у меня очень неплохой уровень.

– Услышать от него такой комплимент дорогого стоит!

Скотт отпустил ее, взял еще одну сумку и пошел за ней к дому.

– Дети с Мойрой? – спросила Кейт.

– Нет, они с твоей мамой. Она решила, что в кухне слишком много опасностей, и усадила их смотреть мультфильмы. Когда я сказал ей, что есть и другие занятия, кроме телевизора, она меня прогнала.

Такие стычки происходили почти ежедневно. Амели щадила свою дочь и не высказывала ей свои критические замечания, приберегая их для Скотта. Он не жаловался и только подшучивал над этим, но сколько еще он выдержит? Кейт была готова приложить все усилия и даже пойти на компромисс, чтобы совместное проживание было мирным, однако в случае ссоры она всегда вставала на сторону мужа.

– Я сама погуляю с ними, когда они поспят, – пообещала она.

– Дэвид тоже вызвался погулять с детьми! А ты проведешь сиесту со мной!

Он казался отдохнувшим и довольным уик-эндом, хотя все утро работал и наверняка завтра тоже проведет утро в делах. Не важно, что

сегодня воскресенье – его мысли всегда были заняты винокурнями.

– Ты сможешь два часа обходиться без компьютера? – рассмеялась Кейт.

– Да хоть всю жизнь, если захочешь, но в таком случае нам придется жить любовью и чистой водой.

Он произнес последние три слова на французском почти без акцента. Он и до встречи с Кейт говорил на нем довольно бегло, но когда родились близнецы, стал уделять внимание произношению.

– Ты делаешь успехи, дорогой! – заметила Кейт, улыбаясь.

Их счастье нисколько не потускнело, они были влюблены так же сильно, как в тот день, когда впервые осмелились признаться в этом друг другу. Хотя у Кейт не было никакого опыта и Скотт был ее первым и единственным любовником, она прекрасно понимала, как ей повезло. Вокруг нее супружеские пары переживали взлеты и падения, разногласия и нередко – расставания. Но она с чисто детской наивностью поклялась себе, что с ней этого никогда не случится.

– Твой отец хочет, чтобы ты работал в своем собственном кабинете. Почему бы не устроить его в бывшей спальне на втором этаже? Тебе будет там спокойно: моя мать никогда туда не поднимается, дети тоже.

– Это его идея?

– По-моему, он воспринял это как вторжение на свою территорию.

– Но я же его терплю.

– Он больше слышать не желает о делах, ему хочется прийти и спокойно выкурить сигару.

– Почему он сам мне этого не сказал?

– Не хотел тебя обижать.

– Папа становится дипломатом? Нет, скорее, он стареет, и это меня огорчает.

Кейт не успела ответить: навстречу им с громким топотом неслись близнецы.

* * *

Джордж тщетно пытался вслушиваться в слова управляющего, он был в полной растерянности. Мысль о том, что скоро ему придется

самому возглавить прядильную фабрику, приводила его в ужас. Он обнаружил, что ее функционирование гораздо сложнее, чем ему сначала казалось, а главное, ему придется иметь дело не только с цифрами, но и с людьми. Запоминать их имена, семейные обстоятельства каждого, чтобы быть человечным, отзывчивым руководителем, близким к своим служащим. Дональд повторял, что это – ключ к управлению коллективом. Мать Скотта в свое время установила доверительные отношения с работниками, и это пошло на пользу компании. Поэтому и Скотта, который нечасто появлялся на фабрике, работники очень ценили.

Для Джорджа главная трудность состояла в том, чтобы добиться одновременно и любви и уважения. Его тайное желание стать похожим на Скотта, чтобы сравняться с ним, а потом и превзойти, стало казаться ему несбыточным. Теоретические знания не подготовили его ни к принятию быстрых решений, ни к тому, чтобы нести персональную ответственность за все. Он считал, что Скотту повезло: тот с самого детства знал, что когда-нибудь возглавит бизнес своего отца, и поэтому у него было время к этому подготовиться.

Каждый день Джордж собирался с духом и обходил все цеха, силясь сохранять на лице улыбку, которая, как он считал, очень располагает к нему людей. Он старался изучить этапы, через которые здесь ежегодно проходили тонны шерсти: чесание, прядение, ткачество, вязание, швейное производство. Некоторые загадочные машины – мотальная, например, – привлекали к себе его внимание, он осматривал красильные ванны и даже изучил от начала и до конца процесс изготовления кардигана.

Не подсунул ли ему Скотт троянского коня, возложив на него такую огромную ответственность? Может, он хочет его испытать? Или даже выставить на посмешище? Доказать Ангусу, что все сыновья Амели ни к чему не способны? Легкий привкус ревности превратился в назойливое ощущение. Однако он постарался отогнать от себя эти мысли. Чувствуя некоторую симпатию к Скотту, хотя она появилась совсем недавно, и зарождающийся в нем дух соперничества, он уже не знал, на что ему опереться. Тем более что перед Сьюзен, своей девушкой, он изображал молодого управленца, смело взявшего на себя новые полномочия. Чтобы не упасть в ее глазах, Джордж не стал доверяться ей, предпочитая в одиночку бороться со своими страхами.

Он мог бы поделиться с братом Филипом, но опасался его ехидства. Впрочем, неразлучные Филип и Малькольм полюбили Скотта, который принял их с самого начала как обычную пару, и никогда его не критиковали.

Ко всем профессиональным проблемам добавлялось настойчивое желание Сьюзен жить с ним в его служебной квартире. Если он согласится, она сразу увидит, что ему не удастся роль начальника, как бы он ни старался ее убедить. В случае отказа Сьюзен пригрозила, что расстанется с ним, а где он найдет такую же очаровательную девушку, если сидит здесь, как привязанный, с утра до вечера и с вечера до утра?

И в довершение всего, приезды Скотта только усиливали его растерянность. Обычные вопросы зятя казались ему каверзными, и когда он видел, как тот исчезает в кабинете Дональда, ему казалось, что оба смеются над ним за закрытой дверью.

В то утро появление во дворе фабрики «Рейндж Ровера» вызвало у него привычное чувство вины и досады.

– Опять приехал, – пробурчал он сквозь зубы.

С тех пор как Скотт вернулся в Джиллеспи, он стал чаще появляться на фабрике при возвращении из Инверкипа. Джордж вполне мог бы оставаться у себя в кабинете, но он счел необходимым спуститься вниз, чтобы поздороваться со Скоттом.

– Привет, Джордж! Ну и холодрыга с утра! Я заскочил на пять минут, у меня дел выше крыши. Есть какие-нибудь проблемы?

– Нет, все в порядке.

– Отлично. Я загляну к Дональду и уеду.

Вместо того чтобы пойти за ним, Джордж стал слоняться по двору, дрожа от ледяного ветра. Может, следовало обсудить со Скоттом недостаточные запасы шерсти на складе? Стрижка овец происходила один раз в год – весной, и в исключительных случаях – еще через три-четыре месяца, поэтому в конце ноября в регионе было невозможно купить шерсть. Дональд уже поделился с ним своим беспокойством по этому поводу, добавив, что продукция фабрики востребована и заказов поступает очень много. Но он не предложил никакого выхода из этого положения, и Джордж задавался вопросом, не ждет ли Дональд решения от него? Вот только невозможно научиться всему за несколько недель! Дональд собрался увольняться слишком рано, и

мысль о том, что он останется один на командном посту уже второго января, приводила Джорджа в ужас. Что, если ему придется просить Скотта о помощи каждый раз, когда возникнет проблема?

Он оперся на еще теплый капот «Рейндж Ровера» и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Он должен сохранять спокойствие, не робеть, но и не допускать развязности.

– Тебе лучше вернуться в офис, иначе околеешь от холода! – заметил Скотт, выходя во двор. – Я жду тебя и Дональда послезавтра к обеду. Я приеду за вами. Хорошего дня, старик.

Взвизгнули покрышки, и Скотт исчез, оставив Джорджа в полном унынии. К чему этот обед? Отчитать его за то, что он оказался плохим учеником? А если у Скотта изменились планы? У Джорджа мелькнула мысль о Джоне, который, появившись на винокурне несколько лет назад, мгновенно возненавидел свою работу. Тогда его неприязнь к Скотту превратилась в настоящую ненависть. Но Джон был на подсобной работе. Не имея диплома, он был вынужден начать с самого низа карьерной лестницы, тогда как Джордж сразу был назначен на важную должность. Вместо того чтобы жаловаться, он должен показать себя достойным своего места. И сохранить прекрасные отношения со Скоттом, а не считать его врагом. Это плохая стратегия.

Он почти бегом пересек двор, думая о том, что будет время от времени приезжать в Джиллеспи на ужин. За семейным столом атмосфера более непринужденная, и, если ему понадобится совет, он сможет вытянуть его в дружеской беседе. Вернувшись в кабинет, он сел около радиатора и достал смартфон, собираясь позвонить матери и сегодня же попроситься на ужин.

* * *

Джон был убежден, что сестра без колебаний дала бы ему деньги, не находясь она под влиянием Скотта. Но даже если бы эти деньги не пошли на оплату лечения (Бетти объяснила, что все покроет медицинская страховка), Джон все равно нуждался в деньгах. Будучи опытным бухгалтером, Бетти умело распоряжалась их бюджетом, ни единая мелочь не могла ускользнуть от ее внимания, и Джон чувствовал себя совершенным ребенком. Конечно, жена обожала его,

ограждала от проблем. Но такое поведение, в конце концов, напомнило ему то, как баловала его мать, вот только ему совсем не хотелось еще одной матери. В Бетти ему нравилось все: ее легкий характер, решительность в принятии решений, и особенно то, какими глазами она смотрела на него. Под ее взглядом он чувствовал себя красивым, притом что до сих пор большинство женщин не обращали на него внимания. Она была старше его на семь лет, и он даже не смел мечтать о том, чтобы очаровать ее. Но, однако же, она так легко упала в его объятия, что самомнение Джона подскочило до небес. Недолго думая, он заявил, что влюбился, и сообщил, что своей родиной считает Францию, по которой очень тоскует. Он спросил Бетти, поедет ли она с ним в Париж, прибавив, что они могли бы там пожениться, и она вмиг собрала чемоданы.

Уехав из Шотландии, Бетти словно вдохнула свежего воздуха. Благодаря ее сбережениям они сняли меблированную квартиру-студию. Молодая женщина без труда подтянула свой французский и быстро нашла работу. Воодушевленные планами на будущее, они поженились, но мало-помалу Джона настигла реальность: у него не было ни малейшего желания работать. Он должен был пройти какое-нибудь обучение, но ни к чему не проявлял интереса, должен был рано вставать, а это приводило его в ужас – словом, он должен был взять жизнь в свои руки, только для этого ему не хватало мужества. Безделье создало у него впечатление свободы, он мог празднично бродить по улицам своих излюбленных парижских кварталов, как во времена беспечной юности. Он не желал отказываться от искушений, которые возникали в его жизни. И пока Бетти зарабатывала им на жизнь, он развлекался. Иногда на него нападал энтузиазм, и он начинал строить разные экстравагантные планы, которые должны были привести его к успеху, но они так и оставались на стадии задумок. Не имея никакой сильной мотивации и даже просто каких-нибудь интересов, он продолжал бездельничать, а чтобы заглушить смутное ощущение вины, нередко баловался травкой и на время забывался.

В дождливые дни, когда он не выходил из дома, одним из развлечений становились карточные игры по интернету. Прилипнув к монитору компьютера, он часами резался в покер. К несчастью, его выигрыши полностью съедались проигрышами, и он начинал понимать, что таким образом никогда не разбогатеет.

Если он и изменил Бетти, то, скорее, от безделья, и наказание показалось ему слишком жестоким. Неужели ему действительно суждено умереть из-за пяти-семи минут сомнительного удовольствия? Как всегда, он горько сожалел о последствиях своих действий, но совершенно не задумывался о том, чтобы устранить их причину.

Написав Кейт эсэмэску, он знал, что обратился по адресу, – по крайней мере, сестра его выслушает. Преподав неизбежный урок морали, она не останется безучастной, он был уверен в этом. Кейт с ее упрямым характером была способна нарушить молчаливое вето мужа, если чувствовала свою правоту. Горе и сострадание, которые она испытывает к брату, заставят ее помочь ему – достаточно будет немного надавить на нее, чтобы она дрогнула. Когда она приехала в Париж, Джон тут же позвонил ей, и его жалобный тон тронул сестру. Он попросил скромную сумму, которая морально поддержала бы его в такой трудный момент, но которая никак не вписывалась в скромный бюджет Бетти. Он представил свою просьбу так, словно это маленький секрет между братом и сестрой, который надо хранить во имя семейной солидарности. Кейт вздохнула, но не отказала, и Джон понял, что эту партию он выиграет. С ухмылкой он сказал себе, что получит деньги, принадлежащие Скотту, и этот парадокс позабавил его. Ненавистный шурин будет спонсировать его покер и походы по пивным, даже не подозревая об этом! От этой мысли Джон расхохотался, но быстро опомнился: его преследовал призрак болезни. Когда у него появятся первые симптомы? При очередном гриппе? Через два года? Или никогда? Измученный этими вопросами, он рыскал по сайтам и форумам, посвященным СПИДу, жадно ища ответы, которые все равно не приносили покоя. В эти дни, когда Бетти приходила с работы, он бросался в ее объятия и вцеплялся в нее, как утопающий. Она успокаивала его, ласкала, и они занимались любовью, благо упаковка презервативов всегда была под рукой. Рядом с ней к Джону возвращалась уверенность, он слушал, как она говорит об их будущем, о достижениях медицины, и пытался ей верить. Однако он чувствовал себя несчастным, да и Бетти, конечно, тоже.

* * *

– Далась вам эта дисциплина, Скотт, вы прямо солдафон какой-то! Если сегодня дети лягут спать немного позже, ничего страшного не случится.

Не обращая внимания на недовольство Амели и возмущенные крики близнецов, Скотт выключил телевизор.

– Осталось всего двадцать минут, – вступилась его теща. – Вы прерываете их на середине истории.

– Вам пора спать, – ответил Скотт, обращаясь к детям.

Люк затопал ногами, а Ханна расплакалась.

– Ну вот, – проворчала Амели, – довели детей до слез!

Скотт взял близнецов за руки и присел на корточки между ними.

– Не капризничайте, вам пора в кровать. Скажите бабушке спокойной ночи и поднимайтесь к себе, а я приду и почитаю вам на ночь.

Его способность всегда сохранять спокойствие выводила Амели из себя.

– Ах, делайте, что хотите, – бросила она с раздражением.

– Я и делаю.

Она дала близнецам себя расцеловать и сама принялась обнимать их, пока Скотт стоял и ждал. Атмосфера между ними особенно накалилась в преддверии рождественских праздников. Амели собиралась отметить Рождество по французскому обычаю – вечером двадцать четвертого декабря, а в полночь разбудить близнецов и сказать, что Дед Мороз принес им подарки. Скотт, напротив, хотел праздновать так, как принято в Шотландии: дети повесят длинные носки в ногах кровати и лягут спать. И на следующее утро найдут в них подарки. А настоящий рождественский ужин и неизбежную индейку с каштанами нужно приготовить вечером. В результате спора и при поддержке Кейт Скотт настоял на своем, но Амели все-таки добилась своего «французского ужина» накануне Рождества. Мойра тут же пришла в ярость – ведь ей придется готовить праздничный стол два дня подряд! Чтобы всех утихомирить, Кейт пообещала, что одно из двух праздничных меню возьмет на себя. Обрадованный тем, что жена встала на его сторону, Скотт заявил, что таким образом будут соблюдены традиции обеих стран и все останутся довольны.

Амели наблюдала, как он выходит из комнаты, держа за руки обоих малышей, которые уже не протестовали и послушно шли с

отцом. Как же Скотт раздражал ее, буквально выводил из себя! Одиннадцать лет назад, когда они впервые взглянули друг на друга, она увидела в его взгляде холод, отстраненность и почти презрение – он явно принял ее за авантюристку. Впоследствии их отношения остались враждебными, и, несмотря на брак с Кейт, несмотря на рождение близнецов, они продолжали ненавидеть друг друга. Как Амели могла подумать, что его возвращение в Джиллеспи ее обрадует? По глупости она вообразила, что сможет прибрать Кейт к рукам, но дочь больше не была робкой девочкой, любовь к Скотту раскрепостила ее, и командовать ею было невозможно. Совместное житье оказалось труднее, чем ожидалось. Конечно, дети привязались к Амели, которая сильно их баловала и позволяла всякие шалости. В таких случаях Скотт был вынужден брать на себя неприятную роль надзирателя, противопоставляя, таким образом, отцовскую суровость бабушкиной снисходительности.

– Мама?

Кейт с решительным видом вошла в комнату, и, чтобы избежать упреков дочери, Амели сразу бросилась в атаку:

– Почему твой муж такой упертый? Он не дал детям досмотреть мультфильм до конца и довел их до слез!

– Правда? Думаю, причина в том, что им пора было идти спать.

– А тебе бы понравилось, если бы у тебя вырвали из рук книгу, когда ты жадно дочитываешь последние страницы?

– Ничего общего. Им всего три года, они толком не могут понять сюжет. А тебе следовало бы перестать постоянно противоречить Скотту.

– Дорогая моя, пока вы работаете, близнецами занимаюсь я. Думаю, вам тут не на что жаловаться, и я тоже имею право на свое мнение. Я не наемный работник вроде твоей няни, которой вы платите в конце месяца!

– Как ты можешь такое говорить! – гневно возразила Кейт. – Я работаю только три дня в неделю, и все остальное время провожу дома. А еще есть Ангус, Мойра, Дэвид – так что ты не одна занимаешься с детьми. К тому же ты сама говорила, что хочешь видеть их постоянно!

Перед гневом дочери Амели сочла разумным отступить.

– Ты же знаешь, что я их обожаю, я так рада, что они здесь. Но ты не можешь помешать мне время от времени высказывать свое мнение, даже если это не нравится Скотту. Конфликт поколений существовал всегда, для семьи это нормально.

– Ты так считаешь? Ты обещала сделать усилие, чтобы Скотт...

– Я стараюсь! В любом случае больше, чем он.

Кейт скорчила недоверчивую гримасу, и Амели рассмеялась:

– Пойдем ужинать, дорогая. Обещаю тебе быть любезной с моим зятем и пасынком.

Каждый раз она вспоминала об этом обстоятельстве с видимым удовольствием и подчеркивала, что поскольку является дважды родственницей Скотту, он обязан и уважать ее в двойном размере.

– Для меня ваши дети – настоящее благословение, – добавила она, кладя руку на плечо дочери. – Ты знаешь, как тяжело я пережила потерю ребенка. Это была поздняя и незапланированная беременность, но я хотела сохранить ее любой ценой. Увы, Бог не дал мне такого счастья. Но близнецы в каком-то смысле стали моим утешением, потому что в них течет кровь Ангуса и моя. Понимаешь? Это примирило меня с судьбой.

На лице Кейт отразилось недоверие, и Амели вздохнула:

– Я очень люблю Ангуса, дорогая. Точнее, я научилась его любить. Признаю, что вначале я восприняла его как удачный шанс, который нельзя упустить. Он взял на себя расходы на ваше образование – твое и твоих братьев, в то время как ваш отец подло бросил семью. Ангус сделал это, не высказывая никаких претензий и ничего не требуя взамен. Когда мы потеряли ребенка, он очень старался, чтобы я снова начала улыбаться. Со дня нашей свадьбы он не переставал меня баловать. Он хороший человек, и постепенно я привязалась к нему. Сейчас мое чувство к нему прочнее, глубже, искреннее. Это не та любовь, которая бывает в твоём возрасте; в ней нет страсти, во всяком случае с моей стороны, но это прекрасный союз. Общий ребенок сблизил бы нас еще больше, несмотря на то что он был бы поздним. Конечно, если бы он родился, многое изменилось бы, особенно в вопросе о наследстве Ангуса. Ты знаешь, что он готов был изменить завещание?

На последних словах Амели понизила голос, как будто говорила о чем-то запретном.

– Я не знаю, – добавила она еще тише, – что будет со мной после его смерти. И у меня нет ни малейшего желания зависеть от милостей твоего мужа!

– Так вот к чему ты вела весь этот разговор, мама?

Кейт сурово посмотрела матери в глаза.

– Я почти на двадцать лет моложе Ангуса, – возразила Амели. – По всей вероятности, он уйдет первым, и я останусь практически ни с чем.

– Если бы ты не считала Скотта чудовищем, ты бы меньше волновалась. А что тебе сейчас мешает поговорить об этом с Ангусом?

– Ты думаешь, разговоры о будущей смерти поднимут ему настроение? К тому же, я знаю его намерения: он хочет, чтобы Скотт унаследовал Джиллеспи и весь семейный бизнес. Подчеркиваю: *весь*.

– Это его решение. Но в любом случае мы здесь – Скот и я, – чтобы тебе...

– Какая же ты наивная, дорогая моя! Ты воображаешь, что браки длятся до самой смерти? Тысячи людей разводятся – я сама тому пример, – и нет никаких гарантий, что в один прекрасный день между вами не случится конфликта. А если это произойдет, я окажусь на улице, и ты тоже, дуреха!

Кейт выпрямилась и смерила мать взглядом:

– Дуреха? Спасибо! Я люблю Скотта всей душой, и он отвечает мне тем же. Я верю в него и в наше будущее, и это вовсе не значит, что я глупа. И если вдруг судьба нас разлучит, я смогу зарабатывать на жизнь, потому что у меня есть профессия. Но пока я не чувствую, что *завишу от его милостей*, и никогда не буду пытаться присвоить часть его *имуществва*.

– Сразу видно, что ты никогда не испытывала лишений и не опасалась за свое будущее! Ты судишь по опыту своих двадцати четырех лет: но у тебя был только один мужчина, и ты мало что знаешь о них.

Видя, что их препирательство рискует превратиться в ссору, Амели умолкла и, снова взяв дочь за плечо, со смехом поцеловала ее в щеку:

– Не будем больше спорить, Кейт. Я вспыльчивая, ты же знаешь... Мойра, наверное, уже заждалась нас и будет кукситься, если мы опоздаем!

Кейт не ответила на ее смех, но пошла следом.

* * *

В винокурне Инверкип Скотт в очередной раз порадовался тому, что с одобрения Грэма принял решение увеличить срок выдержки своего виски. Решение было довольно дерзкое, рискованное, требующее накопления запасов алкоголя, чтобы увеличить выдержку с двенадцати лет до пятнадцати. Выбирая этот путь, он шел против других производителей, которые делали ставку на вкус, а не на возраст виски. Скотт выбрал высокие и узкие перегонные аппараты, обеспечивающие возврат конденсата, благодаря чему дистилляция была более полной, а алкоголь обладал более тонким запахом. В Гриноке он, напротив, оставил обычные перегонные кубы, производя виски с богатым сливочным привкусом. Мысль о том, что он продолжает отцовское дело, воодушевляла его. Во времена Ангуса традиции соблюдались свято, весь процесс сохранялся в неизменном виде вплоть до мелочей. Таким образом поддерживалось традиционное качество, но здесь не было места ни новым, современным технологиям, ни смелым экспериментам. Со своей стороны, Скотт, закончив обучение, воспользовался поездкой в Европу, чтобы получить более широкое и современное представление о предмете. Уважая знания и умения предков, он тем не менее считал, что сможет улучшить ситуацию, если не будет пренебрегать техническими новшествами. Кроме того, понимая важность маркетинга, он воспользовался новым всплеском интереса к виски, который превратился в повальное увлечение. Повсюду в мире оно оттесняло с главных позиций аперитивы и ликеры.

– Виски действительно очень хороший, – подтвердил Скотт. – У него тот самый вкус, которого я добивался! В этих дубовых испанских бочках он достигает идеального созревания.

Грэм слушал его, улыбаясь: он любовался Скоттом, когда тот говорил о работе.

– Чтобы не слишком рисковать, я не стал перестраивать склад. В какой-то момент у меня возникла идея сделать его более современным – с бетонным полом и множеством стеллажей, но в конце концов я

решил оставить все как есть: с глинобитным полом, который дает влажность, и тремя стеллажами для бочек.

– Иными словами, ты сделал ставку, ничем не рискуя?

– Вроде того... Это первые бутылки, которые я смогу считать своими! До сих пор виски, который я продавал, производился при отце. Даже если он занимался своими винокурнями нерегулярно и многое доверял своим надежным сотрудникам, все решения он все равно принимал единолично. Когда я взял дело в свои руки, склады были еще полны его виски – и тем, что было готово к продаже, и тем, что еще созревало в бочках. А теперь я *произвожу все сам*. И в будущем это будет написано на каждой бутылке. Так что у меня нет права на ошибку.

Он улыбнулся Грэму и пододвинул к нему бокал:

– Давай дегустируй и скажи мне правду!

Грэм посмотрел на янтарную жидкость, наклонился и потянул носом, вдыхая аромат, а потом сделал глоток и замер в ожидании, когда его нёбо ощутит букет.

– У него пряный аромат и более сложный, чем раньше... он полнотелый, букет довольно богатый, во вкусе чувствуется кожа и гвоздика, а в послевкусии проявляются специи. Он действительно тебе удался, старик!

– Я рад, что тебе понравилось! – воскликнул Скотт, обрадовавшись, как ребенок. – А вот самое лучшее, сюрприз от шеф-повара...

И он торжественно водрузил на стол бутылку, которая до этого стояла у его ног на полу.

– Этикетка создана талантливым дизайнером для нашего пятнадцатилетнего виски, но, как видишь, она узнаваема и сохраняет дух Джиллеспи и Инверкипа.

– Она сразу привлекает внимание, – согласился Грэм, – и будет выделяться на фоне других.

Скотт в который раз взглянул на сине-золотую этикетку – такую знакомую, но все-таки другую.

– Самое большое изменение – это тисненая эмблема на бутылке. Стильно, правда?

Он вскочил с кресла и начал ходить по кабинету.

– Привлечь новых покупателей и не разочаровать наших преданных клиентов – вот моя цель. И я достигну ее, если увеличатся продажи, а чтобы узнать это, мне придется немного подождать.

Грэм сначала следил за тем, как Скотт ходит из угла в угол, а потом остановил его, схватив за запястье.

– Стой! У меня уже кружится голова. Это срабатывает, старик, я не переживаю ни за тебя, ни за это пятнадцатилетнее чудо.

– Я был уверен, что он недостаточно выдержанный, но ждать три года, чтобы получить доказательство, – это слишком долго.

– Да ты что? За это время ты женился, родил близнецов, и твоя жизнь всегда была чем-то наполнена. В каком-то смысле я даже немного завидую.

– Почему?

– Потому что ты увлечен своим делом.

Скотт вернулся в кресло и посмотрел Грэму в глаза.

– Тебе больше не нравится твоя работа? У тебя проблемы с Пат?

– Нет... Но я не испытываю вдохновения при управлении семейным имуществом. Это хорошая работа, к которой я отношусь серьезно, вот и все. Что касается моей маленькой семьи, мы счастливы, но из-за троих детей Пат перестала работать, и ее немного угнетает то, что она стала домохозяйкой. У нас действительно больше нет интересных бесед, потому что она сидит в четырех стенах, почти не общаясь с внешним миром. Вечером она уже измучена вконец, и я понимаю, что у нее нет желания показывать мне стриптиз. Я убеждаю себя, что все пары переживают периоды спада.

– Только не вы! Не позволяй рутине разрушить ваши отношения.

– А что тут поделаешь? У вас с Кейт есть семья, которая всегда поддержит и поможет, у нас ее нет. Мои родители в Южной Африке, родители Пат умерли.

– Ладно, оставь нам в следующие школьные каникулы Тома и близнецов. В Джиллеспи они будут играть вместе с Люком и Ханной, мы о них позаботимся. А вы устройте себе романтическое путешествие в какие-нибудь солнечные края. Прямо сегодня забронируй билеты на самолет и отель – это будет для Пат грандиозным сюрпризом! Поезжайте сразу после рождественских праздников, я уверен, что ты легко получишь отпуск.

В первую секунду Грэм выглядел ошеломленным, но тут же заулыбался.

– Если бы ты не был до сих пор моим лучшим другом, ты стал бы им теперь!

Воодушевленный неожиданным предложением Скотта, он указал на бутылку:

– Когда же это появится в продаже?

– Уже. Я начал поставки в наши торговые точки.

– Держу за тебя кулаки!

– Возьми эту бутылку и дай попробовать Пат.

– С удовольствием. Ангус уже протестировал?

– Нет, планирую ознакомить его вечером. Надеюсь, он не разнесет его в пух и прах...

– Иногда ему трудно угодить, но поскольку виски продается под его именем, меня бы это удивило. Во всяком случае, я тебе честно высказал свое мнение.

Многозначительно подмигнув, Грэм встал с кресла и взял бутылку. На пороге он обернулся и спросил:

– Я, кажется, забыл тебя поблагодарить?

– Не стоит благодарности.

– Нет, все-таки благодарю. За твой чистый солод и мой отпуск!

Скотт дружески помахал ему рукой, спрашивая себя: прав ли он, что, не посоветовавшись с Кейт, предложил Грэму привезти своих троих детей? Без сомнения, она собиралась воспользоваться школьными каникулами, чтобы отдохнуть, а теперь, конечно, в доме будет полный ералаш. И все-таки он знал ее доброту и верность в дружбе – конечно, она правильно поймет ситуацию.

При мысли о Кейт он, как всегда, улыбнулся. До сих пор их отношения не омрачались никакими разладами, и Скотт по-прежнему стремился к тому, чтобы его жена была счастлива. Кейт обладала цельным характером, добротой и решительностью. Она любила его так безоглядно, что он таял от счастья, но одновременно испытывал страх. Она не только всегда была желанна для него, ему хотелось защитить ее, уберечь от всех неприятностей. Если он будет бдителен, рутина повседневности, которая отравляет брак Грэма и Пат, не затронет их с Кейт. А значит, работа не должна занимать всю его жизнь! Скотт решительно выключил компьютер, хотя сначала хотел задержаться еще

как минимум на час. Он все позднее и позднее возвращался в Джиллеспи, и это грозило создать проблемы там, где сейчас их не было. Конечно, управление двумя винокурнями, находящимися в десяти километрах друг от друга, не облегчало дела, и на прядильной фабрике он бывал не так часто, как хотел бы. Он посмотрел на часы: нет, сегодня ему никак не удастся встретиться с Джорджем. Что касается завтрашнего дня, то его график был слишком плотным, так что об этом нечего было и думать. Однако он не должен упускать из виду своего шурина, который все пыжится в роли управляющего. Не ошибся ли он с этим назначением? Скотт уступил, чтобы уболаготворить Амели, и она перестала изводить Ангуса. Образование у Джорджа было приличное, его знания и умения вполне позволяли ему занять эту должность, но что-то шло не так.

Подходя к машине, Скотт решил позвонить Дональду и попросить его поработать еще несколько месяцев. Придется объяснить, что Джорджа пока еще нельзя оставлять одного.

* * *

Ангус отлично провел время с близнецами и очень гордился тем, что первым показал им, как великолепно собаки управляются с овцами. Пастух, понимая, чего от него ждут, заставил своих бордер-колли окружить отару и погнать ее вперед на глазах «маленьких наследников Джиллеспи», как он называл их. Раскрасневшиеся от холода и возбуждения, Ханна и Люк приплясывали, глядя на это зрелище. Вернувшись домой, Ангус был вынужден на руках отнести детей по очереди в дом, так их утомила эта экскурсия. Он и сам был без сил и вдобавок продрог от ледяного ветра, который пронизывал его даже сквозь плотную ткань охотничьей куртки.

– Мои ружья легче, чем твои ребята! – крикнул он, входя в кабинет, где его уже ждал Скотт. – Я жутко вымотался, но оно того стоило...

Его бил озноб, и вместо того, чтобы сесть, он подошел к дровяной печи и протянул к ней руки.

– Что это? – спросил он удивленно. На углу письменного стола стоял бумажный пакет, а Скотт выжидательно смотрел на отца.

– Это подарок мне? Мы что-то празднуем?

– Может быть. Вот ты мне это и скажешь.

Забыв про холод, Ангус открыл пакет, вынул бутылку и, с изумлением уставившись на нее, пробормотал:

– А, это твой пятнадцатилетний виски...

Рассмотрев этикетку, он провел пальцем по тисненой эмблеме:

– Упаковка, должно быть, дорого тебе обошлась! Надеюсь, клиенты не останутся внакладе.

– Разумеется, недешево. Имя, герб и основные цвета остались прежними. Наш виски всегда будут узнавать в витринах издалека.

– А что касается вкуса?

– Предоставляю судить о нем тебе. В любом случае двенадцатилетний никуда не денется.

– И на том спасибо, – проворчал Ангус.

Скотт достал бокал в форме тюльпана и поставил его на передвижной столик, уже загроможденный бутылками разного виски.

– Не торопись и честно скажи, что ты думаешь, – попросил он отца.

– Ты имеешь в виду, что я могу быть пристрастным?

– Это не исключено.

– Ничего подобного! Мое небо не потеряло чувствительности, и я не стану лгать.

Он смотрел, как сын откупоривает бутылку и наливает виски на самое доньшко бокалов.

– Приятный цвет... А золотистый блеск свидетельствует о его выдержке.

Поднеся бокал к свету, Ангус медленно взболтал его, разглядывая следы стекающего по стенкам алкоголя. Потом вдохнул его запах – сначала одной ноздрей, потом другой и наконец попробовал, сделав крошечный глоток и подержав жидкость на языке в течение нескольких секунд. Когда он поднял на Скотта глаза, его лицо ничего не выражало.

– Добавь немного воды, виски раскроется и высвободит другие ароматы.

Скотт послушался, и Ангус сделал большой глоток.

– Богатый и пряный! – наконец вынес он свой вердикт. – Теперь он раскрылся и оставляет долгое послевкусие. Мне очень нравится.

– О! Вот это комплименты...

Скотт, сияя от радости, взял второй бокал, чтобы чокнуться с отцом.

– За нас, за наш виски!

– Мое мнение для тебя так важно?

– Как ты можешь сомневаться? Ты доверил мне две хорошие винокурни, и моя цель заключается в том, чтобы сделать их превосходными. Твоя оценка всегда будет для меня самой важной. Ведь, несмотря на курение, у тебя тонкий вкус!

Взволнованный Ангус посмотрел на сына с нежностью:

– Я тебе их не просто доверил, Скотт. Теперь это твои предприятия, а не мои. Кстати, по этому поводу у меня была небольшая... дискуссия с Амели. Ты ее знаешь, она все время о чем-то беспокоится, вот сейчас – о будущем. То есть о своем будущем – когда меня уже не будет. Она хочет чувствовать себя защищенной на случай, если...

– Имеется в виду, на случай твоей смерти?

– Полагаю, да. Но как раз то, что она хочет, я ей дать не в состоянии.

– И что именно?

– То, что в нашем роду предназначается тебе, моим внукам, – словом, моим наследникам. Она не придает значения нашим принципам наследования, а я не хочу говорить о них, чтобы избежать сцен. Надеюсь, придет время, и она все поймет.

– Так ты вообще ничего ей не сказал?

– Ничего. Однако она прекрасно знает, что я ни за что не стал бы дробить Джиллеспи. Что касается винокурен, не беспокойся о них, после меня они позволят тебе получать средства на поддержание поместья, а при необходимости – расширять его, как это делал до меня мой отец. Когда я попытался напомнить Амели, как происходит наследование в нашей семье, она возразила, что если бы у меня было несколько сыновей, мне пришлось бы разделить Джиллеспи. Вот уж нет! Не для того мы расширяем родовое поместье, чтобы потом резать его на кусочки! Вот я и не знаю, как ее «обеспечить» – это ее словечко. На самом деле, у меня нет такой возможности, и тебе известно почему.

Скотт, нахмурившись, внимательно слушал отца, но под конец на его лице появилась слабая улыбка.

– Папа, а чего ты ждешь от меня?

– Ничего. Но Амели теоретически может прожить еще тридцать-сорок лет! Представляешь, что в этом случае значит – обеспечить ее до конца дней? Она все время упрекает меня в моем шотландском менталитете, то есть в скупости, потому что не дает себе труда подумать!

Ангус нервничал и говорил сбивчиво. Ему по-прежнему было холодно, и он зябко потирал руки.

– Плесни-ка мне еще немного виски, никак не могу согреться. Слушай, у меня нет запасного решения, и ты должен поклясться мне, что не бросишь ее на произвол судьбы. Она – твоя теща и бабушка твоих детей, и я хочу быть уверен, что ты позаботишься о ней. Можешь не любить ее, но поклянись мне в этом, глядя в глаза.

– Даю слово, – сказал Скотт твердо. – Однако она вряд ли удовлетворится моими клятвами, переданными через тебя.

– Я знаю.

– А почему бы нам не решить этот вопрос за счет прядильной фабрики? Я мог бы отдать ей часть акций или... Она хотя бы приглядывала за Джорджем.

– Прядильной фабрики? Это было детище твоей матери, Скотт! Это же безнравственно – отдавать мачехе дело рук твоей матери! И почему ты говоришь мне о Джордже?

– У него пока плохо получается. Но ничего: он молодой, научится.

Ангус осушил бокал, и, упершись локтями в стол, потер виски.

– Черт возьми! Эти разговоры о деньгах просто невыносимы!

– Можем вернуться к этому позже, ты же не собираешься завтра умереть, – пошутил Скотт.

– Нет-нет, давай уж покончим сегодня. Большинство людей воображают, что они бессмертны, и не решают свои дела вовремя. Я хочу уйти со спокойной душой. И предупреждаю тебя, Скотт: если ты не сдержишь свое обещание, я буду приходить в Джиллеспи с того света и дергать тебя за ноги.

– Дом с привидениями? В таком случае я пушу сюда туристов, они обожают привидения!

Ангус наконец улыбнулся и поднял голову.

– Приходится тебе доверять, – вздохнул он, – хотя я знаю, что ты не любишь Амели.

– Не важно, у меня есть чувство долга, и я держу слово.

– Что бы ни случилось?

– Да.

– Даже если ты поссоришься с Кейт или...

– Поссориться с Кейт? – такой вариант я даже рассматривать не хочу. Однако это все равно ничего не изменило бы. Если ты умрешь раньше, Амели станет твоей вдовой и будет пользоваться моим уважением.

– Правда? Знаешь, я безумно люблю ее. Я всегда старался этого не показывать, чтобы не выглядеть старым маразматиком, но она так скрашивает мою жизнь!

– Что ж, тем лучше для тебя. Наслаждайся, а я позабочусь об остальном.

Стараясь скрыть волнение, Ангус прочистил горло и тут же зашелся в приступе кашля.

– Я чуть не околел от холода из-за твоих сорванцов, – проворчал он.

– Никто не просил тебя гулять с ними часами. Может, они теперь тоже заболеют?

Скотт сказал это, улыбаясь, и Ангус шутливо воздел глаз к небу. Общение с сыном немного успокоило его. Конечно, Амели не удовлетворится устным обещанием Скотта, но для Ангуса все было улажено. В роде Джиллеспи никто никогда не нарушал клятвы. С легким сердцем или нехотя, но Скотт сдержит слово.

* * *

Кейт приняла решение, и, не посоветовавшись со Скоттом, чтобы избежать споров, перевела Джону деньги на счет. Помощь брату она считала естественным поступком, даже если это скрасило бы ему жизнь лишь на несколько дней. На его болезнь она никак повлиять не могла, зато у нее была возможность подарить ему маленькое утешение, возможность на какое-то время забыться, отвлечься – и она не собиралась от этого отказываться. Скотт утверждал, что уж если посылать деньги, то напрямую Бетти, которая распорядится ими разумно, но Кейт смотрела на это иначе. Бетти принимала во внимание

супружеские расходы, но не учитывала прихоти Джона. По мнению Кейт, если Джона ожидало развитие болезни и стремительное угасание, то можно было доставить ему хоть какое-то удовольствие. Будучи здоровым, он отличался эгоизмом, ленью и полной ничемностью; смертельная болезнь заведомо не исправит его характер, так что можно не обращать внимания на его недостатки и просто немного поддержать, не строя иллюзий.

Она выключила ночник, – близнецы засыпали только при его свете. Хотя они обожали новый дом и веселились в нем дни напролет, с наступлением темноты все вокруг казалось им слишком большим и пугающим. Темные углы, где они днем играли в прятки, ночью вызывали страх, коридоры становились бесконечными, а родители оказывались так далеко, что до них было трудно докричаться.

Кейт тихонько выскользнула из детской и вернулась к Скотту в их спальню. Каждый раз она входила в нее с радостью. Огромные размеры комнаты, высота потолков, камин в обрамлении деревянных панелей и два окна с внутренними ставнями восхищали ее.

– Ты сейчас потрясающе красивая, – заметил Скотт, глядя на приближающуюся жену.

– И счастливая, как никогда!

– Правда?

– Это твоя заслуга, дорогой. У меня муж, о котором я мечтала, дети, о которых я мечтала, и вся моя здешняя жизнь – мечта! И потом, меня увлекает моя работа, я обожаю преподавать. Я почти с нетерпением жду, когда закончатся каникулы.

– Они у тебя только начались.

– Но я скоро начну скучать по школе. Эта замена, которую мне предложили, – невероятная удача. Мои коллеги – очень славные люди, они сделали все, чтобы я чувствовала себя комфортно, особенно Крейг – другой учитель литературы, я тебе уже о нем рассказывала, и...

– Ты мне *слишком много* о нем рассказывала. Как он выглядит?

– Ему лет тридцать, и у него есть ученая степень.

– Ничего себе описание! – расхохотался Скотт. – Ты была бы очень плохим свидетелем в суде.

– Ну, он довольно привлекательный блондин с зелеными глазами, любимец всей школы. Ты удовлетворен?

– Скорее, встревожен.

– Ревнуешь?

– Конечно.

Кейт рассмеялась, скинула халат и скользнула под одеяло.

– И ночную рубашку тоженими, дорогая, – прошептал Скотт, обнимая ее.

Он бросил рубашку на кресло не глядя, и она упала на ковер.

– Промахнулся, – рассмеялась Кейт. – Послушай, тебе не нужно ревновать, в моем сердце место есть только для тебя.

– За последнее время ты произнесла имя этого типа раз двадцать.

– И что же? Крейг милый, и он очень облегчил мне жизнь, когда я только пришла в школу и чувствовала себя неуверенно. Ты хочешь, чтобы мне никто не помогал и никто на меня не смотрел?

– Это невозможно, ты слишком красивая.

– В любом случае я никогда не буду тебе лгать. Если бы он мне понравился, я бы тебе призналась. Кстати, о признаниях: я все-таки послала Джону деньги.

– Ему нужны деньги? Я же сказал Бетти, чтобы она не стеснялась и звонила мне.

– Деньги нужны не *ей*, а ему.

– Для чего?

– Не знаю. Чтобы сделать свою жизнь чуточку приятнее.

Видя сомнение на лице Скотта, Кейт почувствовала, что должна оправдать брата.

– Ты только представь себе, в каком страхе он живет! Сколько ему еще осталось, и в каком состоянии он будет доживать все это время? Дать ему забыть об этом хоть на короткое время – мой долг.

– Ты права, и тебе не нужно спрашивать моего разрешения. Но почему ты говоришь мне об этом постфактум? Мы могли бы обсудить, и я...

– Я же знаю, что он раздражает тебя, Скотт. Думаю, ты о нем невысокого мнения и не особенно ему сочувствуешь.

– Сочувствую, потому что это связано с тобой. И ты можешь оказать ему любую помощь, я согласен. Но, с другой стороны, – хоть это и не милосердно, у меня никак не получается жалеть его. Все его вечные проблемы – совсем не случайны, он всегда делал неправильный выбор. Обманывать Бетти от безделья, да еще не предохраняясь – это безответственно. И если бы не ты, он бы скрыл

правду, потому что он не только труслив, но и эгоистичен. Так как мне жалеть его после этого?

Кейт покачала головой; ее глаза щипало от слез. В словах Скотта была правда, и она чувствовала себя виноватой.

– Кейт, – мягко сказал он. – Прости, я не хотел причинять тебе боль.

– Мои братья всегда были для тебя головной болью!

– Да, раньше. Когда отец навязал их мне, чтобы заполучить твою мать. Тогда мне это казалось тем более отвратительным, что они все трое были невыносимы. До нашей свадьбы я не считал их членами семьи. Но все изменилось, когда я на тебе женился. Все, что связано с тобой, мне важно, и твои заботы – теперь и мои. Основная проблема – с Джоном, у Джорджа некоторые трудности, зато у Филипа, к счастью, все хорошо!

Кейт уловила в голосе Скотта легкое раздражение, однако он смотрел на нее с такой нежностью, что она предпочла не заикливаться на этом.

– А что такое с Джорджем?

– Ничего страшного. Ему не хватает уверенности в себе. Он это понимает, страдает и только умножает свои ошибки. Мне нужно будет лучше присматривать за ним.

– Почему ты мне этого не говорил раньше?

– Я думал, все быстро образуется. В принципе, у него есть необходимая квалификация, но... Когда я вижу, что он приезжает сюда обедать все чаще и чаще, с одной стороны – чтобы выклянчить советы, а с другой – поплакаться Амели, меня это выводит из себя!

– Но ведь это хорошо, что он советуется с тобой, разве нет?

– Я регулярно бываю на фабрике, мы можем разговаривать на рабочем месте. И рядом с ним всегда Дональд, ему нужно просто обратиться к нему. Я считаю, что он ведет себя очень инфантильно.

– Ты не очень доброжелателен, Скотт.

– Я ему все преподнес на блюдечке!

– Может, для него это слишком сложно.

Лицо Скотта омрачилось, и он отвернулся. Судя по всему, Кейт выбрала неподходящий момент, чтобы говорить о братьях. Муж лежал рядом с ней и был явно рассержен. Она сразу же почувствовала себя виноватой.

– Скотт, не отворачивайся, – сказала она, тронув его за плечо. – Я знаю, все хотят от тебя слишком много...

– Но не ты. Дорогая, ты можешь попросить у меня луну с неба, и я постараюсь ее достать.

Он снова склонился, впившись в нее взглядом темно-синих глаз.

– Я безумно люблю тебя, – прошептал он.

Откинув одеяло, он поцеловал ее между грудей. Она почувствовала его дыхание, прикосновение его волос. И ее мгновенно затопило страстное влечение к нему. Он был воплощением ее детской мечты, но теперь мечта была реальностью, и он держал ее в своих объятиях. Она могла коснуться его кожи, вдохнуть его запах, утонуть в его глазах и отдаться. Она выгнулась ему навстречу и забыла обо всем на свете.

Рождество позволило семье отдохнуть от ссор. Амели держалась приветливо со всеми, и дошло даже до того, что она пригласила Филипа и Малькольма остаться в поместье на праздники. В преддверии рождественского ужина «по-французски» – 24 декабря – она взялась готовить вместе с Кейт (которая почти все уже сделала сама) лосося, фаршированного морскими гребешками и торт «Сент-Оноре»^[6]. В качестве закуски единодушно было выбрано фуа-гра, которое заказали во Франции – оно было доставлено еще за два дня до праздника. Спать легли поздно, после долгих поцелуев и объятий. Поднявшись в свою комнату последним, Дэвид вылил молоко из стакана, предназначенное Деду Морозу, и убрал блюдо с морковью, приготовленное для оленей. Это дети по шотландскому обычаю оставили свои дары под елкой.

Увидев утром 25-го носки, набитые подарками, близнецы радостно завопили и большую часть дня провели в своей комнате с новыми игрушками. На дворе был трескучий мороз, и Дэвид обходил один за другим каминные в нижних комнатах, подкладывая в них дрова. Ангус ушел из кабинета и грелся в кухне, где Мойра в это время колдовала над индейкой с каштанами и черным пудингом^[7].

– А рождественский торт? – забеспокоился Ангус. – Что-то я его не вижу.

– Потому что он уже давно готов! – ответила она обиженно.

– С толстой глазурью?

– Не меньше сантиметра в толщину, как ты любишь.

– А каким виски ты его пропитала?

– Конечно твоим! Хотя, если бы я выбрала другой, ты бы ничего не заметил, так что не смей меня.

– А про соус ты не забыла?

– Коньячное масло, да. Я подам его отдельно.

Обернувшись, она ласково ему улыбнулась:

– Нечасто я вижу тебя на своей кухне. Обычно ты сюда не вторгаешься.

– Мне всюду холодно.

Он встал, подошел к окну и, посмотрев на термометр, свистнул сквозь зубы.

– Минус девять, а ночью будет еще холоднее.

– Дэвид уже несколько часов поддерживает адский огонь в столовой, нам будет жарко.

– Можно я выкурю здесь сигару?

– Даже не думай! Это *моя* кухня, и в ней должно хорошо пахнуть.

Покорно вздохнув, Ангус уселся в одно из потертых кожаных кресел, стоящих по бокам печи.

– А что делает Амели? – поинтересовалась Мойра. – Вчера они с Кейт на целый день заняли мою кухню, а сегодня я ее даже не видела.

От соперничества, которое существовало между Мойрой и Амели за право властвовать на кухне, ничего не осталось. Добившись, чтобы ей установили ее керамическую плиту вдоль стены напротив старинной дровяной печи Мойры, Амели вышла из игры. Она знала лишь несколько рецептов и готовила по ним довольно посредственно. Поначалу она пыталась навязать свои французские блюда, такие, как багеты из белой муки или рубленое мясо пармантье^[8], но Мойра упрямо держалась за свои печенья татти^[9], треугольные блинчики, которые она всегда подавала с сыром, и за свой знаменитый хаггис – фаршированный бараний желудок, который обожали все члены семьи.

– Она сидит на ковре и играет с близнецами! Рождество напомнило ей собственное детство!

Нежность на лице Ангуса красноречиво свидетельствовал о чувствах, которые связывали его с Амели. В конце концов Мойра смирилась с положением дел и даже начала испытывать что-то вроде симпатии к своей снохе – но только лишь если та не нападала на Скотта.

– Тем лучше, потому что у нас с завтрашнего дня будут гостить дети Грэма и Пат.

– Ах да...

Казалось, что предстоящий детский шум-гам уже заранее утомил Ангуса.

– Ты что-то неважно выглядишь, – заметила Мойра.

– Ты же знаешь, я не очень люблю праздники.

Он уселся поудобнее в кресле, откинул голову на спинку и закрыл глаза. Мойра не стала говорить, что несколько дней назад, несмотря на холод, ходила положить цветы на могилу Мэри. Она это делала каждый год, но никому об этом не говорила. Три года назад она столкнулась у кладбищенских ворот со Скоттом, и он тогда выглядел очень смущенным. Без сомнения, он приходил, чтобы рассказать матери, что тоже стал отцом и что ее кровь теперь течет в жилах следующего поколения.

– Куда запропастились Скотт и Кейт? – пробормотал Ангус. – Для Рождества в доме слишком тихо.

– Наверное, у них сиеста. Пользуются праздниками, чтобы отдохнуть.

– Полагаешь? А я думаю, они устроили себе новый медовый месяц.

– Ангус!

– Не жеманься, Мойра! Они молодые, влюблены друг в друга, и если им захочется сделать нам еще одного маленького Джиллеспи, я не буду в обиде. Тем более у нас полно пустующих комнат, так что семье есть где расположиться.

Мойра весело рассмеялась и заглянула в духовку, проверяя готовность индейки.

– Сядем за стол около шести, – решила она.

– А раньше никак? – воскликнул Филип, входя в кухню в сопровождении Малькольма.

Они сняли меховые куртки, повесили их в кладовке и уселись перед печью.

– Мы пораньше пришли с прогулки, потому что на улице жуткий мороз. Холодно, как на Северном полюсе, а если еще и снег пойдет, то мы покроемся льдом! Мойра, твоя индейка так благоухает, что мы не сможем терпеть до шести часов!

– Придется, – возразила Мойра, отстраняя Филипа от духовки. Малькольм оглядел кухню и наконец сел напротив Ангуса, который сердечно улыбнулся ему.

– Это помещение мы могли бы практически бесплатно превратить во дворец! – с энтузиазмом объявил он.

– Молодой человек, я совершенно доволен своим домом, – проворчал Ангус. – Все тут вечно хотят что-то менять! Впрочем, если

кому-то здесь не нравится...

– Наоборот! Джиллеспи – волшебное место, вы это сами прекрасно знаете.

– Не преувеличивайте.

– Правда-правда. И поверьте мне: во время учебы я насмотрелся на массу всякой архитектуры и декора – от уродливого до прекрасного.

– Только попробуй что-нибудь переделать в моей кухне! – строго предупредила Мойра.

– Добавим лишь несколько мелочей, – убеждал Малькольм. – Например, журнальную стойку и висячую лампу.

Ангус взглянул на грудку газет, торчавшую из плетеной корзины, и скорчил гримасу.

– Ну, разве что это...

– Действительно, освещение здесь оставляет желать лучшего, – заметил Филип. – Учитывая, сколько времени вы здесь проводите, можно было бы создать больше красоты.

– И вправду здесь всегда толчется слишком много народу, и мне это не нравится, – заявила Мойра.

– Вместо того чтобы возражать, лучше признайся, что уже испортила себе глаза за чисткой овощей.

– Красивые светильники на подоконнике добавят уюта, – предложил Малькольм. – А над печью повесим панель с лампочками.

– Панель с лампочками? – хмыкнул Ангус. – Сразу видно, что не вы платите за электричество.

– Это светодиодные, энергосберегающие лампы.

Ангус взглянул на него, молча кивнул и повернулся к Филипу.

– Итак, молодой человек, когда же ты приведешь к нам симпатичную девушку? В Эдинбурге их предостаточно!

Кусая губы, Филип лихорадочно подыскивал хлесткий ответ, но Малькольм его опередил.

– Послушайте, Ангус, вы же знаете, что он не любит девушек.

Не обращая на него внимания, Ангус продолжал:

– Ты хоть пытался?

– Боже сохрани! – яростно возразил Филип.

– Не впутывай сюда Церковь! – загремел Ангус, вставая. – Она против ваших извращенных однополых браков.

– Католическая церковь, но не шотландцы. Напоминаю тебе, что по результатам общественного опроса, шестьдесят процентов высказались за разрешение однополых браков.

– Я голосовал «за», – объявил Дэвид, который незаметно для всех оказался на кухне.

– Ты – разумеется, – рассердился Ангус. – Вечно строишь из себя бунтаря.

Он больше не стал развивать эту тему, опасаясь, что дискуссия станет слишком бурной. В сущности, ему было плевать на это. Он не испытывал неприязни к Малькольму. Ангус видел его первую выставку живописи, куда Скотту удалось его затащить, и он признал наличие у него некоторого таланта. К тому же Малькольм был воспитанным мальчиком, из уважаемой семьи, и с ним Филип, казалось, обрел душевный покой. Но представить их женатыми... Амели никогда на это не согласится! Она не терпела, когда ей противоречили, а ее дети как раз нередко поступали по-своему. Не говоря уже о Скотте, которого она просто ненавидела. Но, по крайней мере, в случае с Филипом Ангус не имел к этому никакого отношения и никак не мог на это повлиять. Невинная шпилька, которую он вставил в недавнем разговоре своему пасынку, была, конечно, лишней и просто отражала его дурное настроение. Да, Рождество делало Ангуса угрюмым, с каждым годом он все больше чувствовал старость, бессилие и тревогу. К счастью, Скотт снова жил в Джиллеспи. И когда последний час Ангуса пробьет, сын естественным образом примет на себя роль главы клана и никому не позволит превратить дом в поле битвы. Это ему предстоит руководить тещей, сводными братьями и заботиться о процветании семьи, не позволяя ей распадаться.

Ангус сел напротив Малькольма, заставив себя улыбнуться.

– Ваши родители не хотят, чтобы вы встречали праздники вместе с ними?

– Они уехали на зиму в Испанию. Моя мать не хочет оставаться на острове Арран во время холодов, а наш дом в Бродике закрыт. Но мы созваниваемся каждый день!

– Они чудесные люди, – добавил Филип. – И всегда очень тепло меня принимают.

Ангус понял, что последнее замечание было адресовано ему – ему и Амели. Если Филипа больше любят в Бродике, чем в Джиллеспи,

они будут видеть его все реже и реже. Почти полностью потеряв контакт с Джоном, Амели, конечно, не хотела, чтобы и Филип ее покинул, несмотря на то, что не одобряла его жизненный выбор.

В эту минуту в кухню вошла Кейт в сопровождении Скотта и Джорджа, которые вполголоса о чем-то спорили.

– А где дети? – удивилась Мойра.

– Маме только сейчас удалось посадить их в ванну, она с трудом оторвала их от новых игрушек.

– Амели скоро выбьется из сил, – проворчал Ангус.

– Дэвид отправился к ней на помощь, он обошел наконец все каминны. Нам необязательно тесниться в кухне, теперь везде тепло.

– О, спасибо тебе, дорогая, уведи всех отсюда!

Кейт улыбнулась Мойре и прошептала ей на ухо, что накрыла стол.

– Вчера вечером у нас был лиможский сервиз, поэтому сегодня я достала веджвудский, которым ты никогда не пользуешься.

– С темно-синими узорами? И с рогом изобилия?

– Да. Он тебе не нравится?

– Наоборот, он просто великолепен, – прошептала Мойра. – Это был свадебный подарок Ангусу и Мэри, но твоя мать его игнорировала, а теперь его наконец-то все увидят. Только надо обращаться с ним очень осторожно, чтобы ничего не разбить.

– Договорились! А еще я достала хрустальные подсвечники, если поставить их в центре стола, дети до них не дотянутся.

– А какую ты выбрала скатерть?

– Конечно рождественскую! Скотт повесил ветки омелы над каждой дверью и расставил в гостиной настольные игры. У нас будет прекрасный, настоящий шотландский вечер!

Казалось, она забыла о своем французском происхождении, в то время как для Амели это было предметом гордости. Полюбив Скотта, а затем и Джиллеспи, Кейт стала настоящей шотландкой.

– Ладно, – признал Джордж, обращаясь к Скотту. – Я ошибся в своих расчетах, но ведь это не конец света.

– Я считаю, что останавливать ткацкие станки на неделю из-за отсутствия шерсти – это очень плохое решение. Ты должен *предвидеть*, просчитывать последствия, Джордж. На нас посыпались

заказы, а ты оказался к ним совершенно не готов – что может быть глупее!

Ангус пристально смотрел на них, и Джордж, смутившись, отвернулся.

– Дональд согласен остаться до весны, – прибавил Скотт уже примирительным тоном. – Признаюсь, я не планировал платить ему еще три месяца, так пользуйся его присутствием, чтобы разобраться в деле.

– Хорошо, – пробормотал Джордж.

Было видно, что у него нет желания продолжать этот мучительный для него разговор. Кейт почувствовала к нему жалость. При его неумной гордости он, наверное, был очень уязвлен полученным выговором.

– Сегодня мы празднуем Рождество, – сказала она, беря Скотта под руку. – О делах поговорите в следующий раз.

Удивившись, муж улыбнулся ей и позволил увлечь себя к двери.

– Не делай ему выговоров при всех, – прошептала она.

– О, конечно, прости.

Кейт всегда удивляло, с какой легкостью Скотт соглашался с ней. Он был сговорчив, выслушивал ее аргументы и уступал, несмотря на то что нрав у него был крутой.

– Пойдем посмотрим поздравительные открытки, – предложила Кейт. – Некоторые просто великолепны, я разложила их на столике в гостиной. И сегодня пришло еще две!

По англосаксонской традиции, поздравления посылали на богато разукрашенных и усыпанных блестками открытках, и с начала декабря семья Джиллеспи получила их огромное количество – одна другой краше. Они были выставлены в ряд полуоткрытыми, чтобы была видна подпись отправителя, и Скотт с любопытством изучал эту выставку.

– Какая, однако, фантазия у издателей! Вот эта – более строгая, от кого она?

Он взял открытку в руки.

– Так... От Крейга. Тот самый коллега, зеленоглазый блондин?

– Вот это память! – расхохоталась Кейт.

– Можно прочитать?

– Конечно.

Новогодние пожелания выглядели вполне традиционными, но адресованы они были лично Кейт.

– Крейг хотя бы знает о моем существовании? – спросил он.

– Не валяй дурака, Скотт!

Она взяла открытку из его рук и беспечно поставила на место.

– А какая у него самого семья? – настаивал Скотт. – Женат, дети у него есть?

– Разведен и без детей.

– Все понятно.

– Ничего тебе не понятно. Ревнивец – слеп, неуклюж и неприятен. Я тебе уже говорила, что Крейг – преподаватель и очень милый человек, который облегчил мне жизнь на первых порах, когда я только пришла в школу. С ним я могу говорить о французской литературе. И ничего более. Я ведь не упрекаю тебя в том, что ты любезен со своей секретаршей или бухгалтером, вот и я тоже на своей работе имею право на приятные отношения.

– Да, но ведь ты такая красивая, Кейт, такая соблазнительная, что я уверен: ни один холостяк не может остаться к тебе равнодушным.

– Ну и что? Я-то равнодушна к другим мужчинам! Я люблю своего мужа, своих детей, свою семью, и мне безразлично, что кто-то бросает на меня нежные взгляды.

– Он бросает на тебя нежные взгляды?

В глазах Скотта промелькнул гнев, и это встревожило Кейт.

– Не надо устраивать глупые сцены, – тихо проговорила она.

Скотт уже собирался ответить, но сдержался; однако Кейт видела, каких усилий это стоило, и была ему благодарна. Но все-таки эта короткая размолвка оставила тяжелый осадок. Как Скотт мог сомневаться в ней? Ее любовь была всеобъемлющей, абсолютной, не омраченной ничем, она не могла давать никакого повода для ревности. Сама Кейт никогда не задавалась вопросом, смотрит ли он на других женщин, но, может быть, зря? Мать часто говорила ей, что она неопытна, даже называла ее *дурехой*, которая витает в облаках. Однако подозрения Скотта, хотя и необоснованные, навели ее на неожиданные мысли. Если он думал, что Кейт способна заинтересоваться другим мужчиной, может быть, он судил по себе?

В глубокой задумчивости она села перед камином, в котором жарко пылал огонь, разожженный Дэвидом. Невинное удовольствие,

которое доставила ей открытка Крейга, испарилось, уступив место смутному ощущению вины, хотя никакой вины не было. Она обернулась и увидела, что Скотт смотрит на нее с другого конца гостиной. Кейт выдерживала его взгляд до тех пор, пока он не подошел к ней со смущенной улыбкой.

– Ладно, я был немного несдержан... Не будем больше говорить об этом!

– У меня нет запретных тем, – возразила Кейт.

– Не обижайся, я же извинился.

– О, а я и не поняла, что это извинения!

Он рассмеялся и крепко обнял жену.

– Веселого Рождества, любимая, – прошептал он ей на ухо. – Если бы я уже не был твоим мужем, я бы сейчас попросил твоей руки.

– Вас невозможно оставить даже на пять минут! – возопил Филип. – Поднимайтесь в свою спальню, если вам уж так приспичило, а мы выпьем аперитив без вас.

Скотт оторвался от Кейт, но не выпустил ее из объятий.

– Ты всегда такой язвительный, мой милый шурин!

– Не называй меня так, это ужасно. А вот и ребятишки!

Филип встал на колени, чтобы быть одного роста с пришедшими близнецами.

– Поцелуете меня? – жалобно спросил он. – Вы так хорошо пахнете, обожаю этот запах!

– Он заставил меня купить детский шампунь и моется им каждый день, – заметил Малькольм.

В гостиную вошли Ангус с Амели, а за ними – Мойра и Джордж. Кейт заметила, как бледен Ангус, и знаком пригласила его сесть поближе к камину.

– Тебе все еще холодно? Садись, здесь ты быстро согреешься.

Пока он устраивался в удобном кресле, она пошла к окну, чтобы закрыть внутренние ставни. На улице уже сгустилась ночь, но несмотря на темноту она заметила, что пошел снег.

– Скоро дороги станут непроходимыми. Надеюсь, завтра Грэм не забудет про колесные цепи!

– Он уже купил их, – объявил Скотт. – Грэм очень предусмотрительный и ни за что на свете не откажется от отпуска

с Пат. Они уже давно никуда не ездили вдвоем, это пойдет им на пользу.

– А ты сможешь немножко побыть с Томом. Он же твой крестник, но ты совсем им не занимаешься.

– В сутках только двадцать четыре часа, – пробормотал Скотт.

Кейт мгновенно пожалела о своих словах. Скотт постоянно разрывался между винокурнями и близнецами, а еще ему хотелось побыть с ней наедине.

– Я пошутила, дорогой. Пат знает, что ты обожаешь Тома и балуешь его всегда, когда только можешь.

– Ну вот, есть чем утолить жажду! – объявил Дэвид, вкатывая сервировочный столик на колесах.

Амели настояла на том, чтобы кроме обязательного виски подали французское шампанское; присутствовало также ледяное шардоне, в которое можно было добавить каплю шерри.

– Скорее чокайтесь, – объявила Мойра, – моя индейка будет готова ровно через десять минут. Я перенесу ее на стол, а Ангус разделает.

Рождественский вечер шел своим ходом, как всегда, и никто, казалось, на это не ропщет, и только Ангус, тяжело вздохнув, устало откинулся на спинку кресла. Амели и Кейт в это время накрывали на стол, и глядя на них, Малькольм объявил, что сегодня вечером женщины ничего делать не будут.

– Вы все приготовили, теперь отдыхайте!

Он всунул в руки Джорджу поднос, где лежало овсяное печенье и крекеры с мягким сыром и с ломтиками чеддера, а потом вместе с Филипом обошел гостиную, наливая всем аперитив. Скотт и Кейт выбрали шампанское, что очень насмешило Дэвида.

– Какой же ты Джиллеспи! – заметил он Скотту. – Ты же должен быть страстным приверженцем собственного виски!

– Вечер длинный, к тому же я люблю пузырьки...

– Ты предатель, – проворчал Ангус.

Он явно остановил свой выбор на виски, но стакан стоял у его ног нетронутым. Скотт подошел к нему и присел на подлокотник кресла.

– Как приятно видеть тебя в окружении семьи!

– Мне тоже приятно. В конце концов все устроилось, и я очень этому рад. Амели тоже. Ты ее знаешь – она не подает вида, но я

уверен, что сейчас она совершенно счастлива. Вот только Джон не приехал...

– Но мы ведь это переживем, правда?

– Ты – разумеется.

– Он совсем не звонит матери, это очень печально.

– Я бы не перенес, если бы такое произошло с нами, Скотт. Чтобы мы настолько стали чужими – ты и я.

– Это невозможно. Мы ведь любим друг друга, правда?

Ангус поднял голову и внимательно посмотрел сыну в глаза.

– Да, – твердо сказал он.

Но его голос прозвучал хрипло, а глаза затуманились.

– Прошу к столу! – объявила Мойра. – Рассаживайтесь, я несу индейку.

Скотт протянул руку Ангусу, и тот тяжело поднялся с кресла.

– Черт возьми, сегодня я чувствую себя просто развалиной...

Он выпрямился и, отказавшись от поддержки Скотта, первым вошел в столовую, а за ним последовала вся семья. Кейт немного замешкалась, объясняя близнецам, что за столом им надо вести себя смирно, зато потом они смогут всю веселиться, потому что взрослые тоже будут играть.

Все расселись. Внезапно Ангус побелел и, схватившись за край стола, широко открыл рот, но не издал ни звука; его пальцы судорожно вцепились в скатерть, тело выгнулось, и он опрокинулся назад, перевернув стул и увлекая за собой посуду.

Амели застыла; Скотт вскочил и бросился к отцу. Вошедшая с блюдом в руках Мойра громко вскрикнула и уронила индейку на пол. Она с ужасом смотрела на Ангуса, распростертого на ковре, и на Скотта, который стоял на коленях рядом с отцом.

Пытаясь обойти стол, во главе которого она сидела напротив Ангуса, Амели споткнулась о горячую, жирную индейку. Близнецы, уверенные, что дедушка дурачится, радостно засмеялись, но Кейт поспешила увести их. Посреди общего замешательства Скотт растегнул Ангусу воротник и ослабил ремень.

– Папа, ты меня слышишь?

Не обращая ни к кому конкретно, он громко добавил:

– Немедленно вызывайте «Скорую»!

Взгляд Ангуса остекленел, и Скотт напрасно пытался нащупать у него пульс.

– Он в обмороке? – с трудом произнесла Амели.

Она стояла позади Скотта, словно не осмеливаясь подойти ближе.

Филип захлопнул крышку своего телефона и объявил:

– Мне сказали, что, учитывая состояние дорог, добираться сюда будут долго. Но «Скорая» уже выезжает.

Скотт наклонился над отцом, пытаясь уловить его дыхание.

– Попробуем его реанимировать! – воскликнул Малькольм. – У меня есть опыт оказания первой помощи, я знаю, что надо делать.

Отстранив остальных, он встал на колени напротив Скотта.

– Делай ему дыхание «рот в рот», а я займусь массажем сердца.

Он положил ладонь на грудь Ангуса, накрыл ее другой ладонью и начал считать. Прошло несколько долгих минут, пока они отчаянно пытались вернуть его к жизни, но безрезультатно.

– Пойди к Кейт и помоги ей с детьми, – шепнул Филип на ухо брату. – И скажи, что надежды мало.

Джордж тихо вышел и прикрыл за собой дверь столовой. Мойра, словно окаменев, стояла в стороне, глаза ее были по-прежнему прикованы к Ангусу. Дэвид потерянно смотрел на пропитавшийся соусом ковер, обхватив голову руками. Скотт поднял голову и обменялся с Малькольмом взглядами.

– Продолжаем, – решительно сказал он, понимая, что их усилия напрасны.

Когда через несколько минут Малькольм снова остановился и положил руку Скотту на плечо, тот медленно выпрямился, но остался стоять на коленях совершенно обессиленный. В комнате повисло тяжелое молчание, слегка нарушаемое потрескиванием пламени в камине. Все застыли; казалось, время остановилось. Скотт озирался вокруг себя, пытаясь что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова. Кейт наклонилась и осторожно коснулась его затылка.

– Все кончено, – с трудом произнес он.

– Нет, нет! – вскрикнула Амели за его спиной. – Сделайте же что-нибудь, попробуйте еще!

В ее голосе звучал ужас, граничащий с истерикой.

Кейт оставила Скотта и обняла мать.

– Мы больше ничего не можем для него сделать, мама.

Скотт и Малькольм наконец встали – вид у них был удрученный и потерянный. Из скромности Малькольм отошел в сторону, но Амели, вцепившись в Кейт, отказывалась подойти ближе. Дэвид, шагнув к Ангусу, пробормотал:

– Мы не можем оставить его здесь...

Он подошел к Скотту и, вопросительно посмотрев на него, добавил безжизненным голосом:

– Может, перенесем его в кабинет? Там большой диван, на котором он любит отдыхать после обеда.

Он не смог сказать «любил» и закусил губу. Скотт молча кивнул, с трудом сдерживая слезы. Он повернулся к Амели, потом к Мойре, ожидая их согласия, но обе женщины, казалось, вообще ни на что не реагировали.

– Ты прав, – ответил он Дэвиду. – Отнесем его туда.

Поднять тело по лестнице не представлялось возможным, тем более и речи не могло быть о том, чтобы положить его на супружескую кровать. Филип с Малькольмом присоединились к Скотту и Дэвиду, готовые помочь.

– Подождите, – вмешалась Кейт. – Не нужно, чтобы это увидели дети. Они сейчас в гостиной вместе с Джорджем, надо закрыть двери.

– Я пойду к ним, – пробормотала Мойра. – Не хочу на это смотреть.

– Позвони в «Скорую», – предложила Кейт. – Скажи им, что теперь нет необходимости мчаться сюда по таким дорогам.

Четверо мужчин терпеливо ждали, склонив головы, затем Скотт кончиком ноги отодвинул осколки разбитого блюда. Он все еще не мог поверить в эту внезапную смерть, чувствовал себя совершенно опустошенным, и даже не способен был думать о том, что последует за этим событием.

– Ну, давайте, – тихо сказал Дэвид.

Они с трудом подняли Ангуса и понесли, стараясь не сотрясать тело. Джордж шел впереди, открывая им двери. Дойдя до кабинета, они переложили Ангуса на диван, и Скотт, после некоторого колебания, закрыл ему глаза, застегнул ремень и сложил руки на груди. Потом наклонился и поцеловал отца в лоб.

– Спи спокойно! – прошептал он.

Все по очереди повторили эти традиционные слова. Скотт не мог отвести взгляд от лица Ангуса, все еще надеясь на чудо.

– Не мог бы ты принести свечи? – попросил он наконец Джорджа. – Просто возьми подсвечники со стола.

– Наверное, надо сообщить его врачу? – спросил Малькольм. – Филип, пойдём позвоним ему.

Оставшись вдвоем, Скотт и Дэвид открыли окна и притворили внутренние ставни.

– Если хочешь, я уйду, – еле слышно предложил Дэвид.

– Нет, давай посидим около него вместе.

Дэвид кивнул, и вдруг у него вырвалось:

– Проклятие, твою мать! Он ведь не был стар, не болел, какого же черта...

Он подавил всхлип, но не выдержал и разрыдался. Скотт отвернулся и украдкой вытер собственные слезы, которые он даже не чувствовал.

– Вот свечи, – объявил вернувшийся Джордж. – «Скорая помощь» развернулась на полпути, врача предупредили – он приедет вечером, чтобы выдать разрешение на захоронение.

Он поставил подсвечники на письменный стол, бросил удрученный взгляд в сторону Дэвида и, не зная, что делать, неловко похлопал Скотта по плечу. Потом собрался незаметно улизнуть, но на пороге столкнулся с Кейт. Она была очень бледна и явно колебалась, не решаясь войти.

– Можно мне его поцеловать напоследок? – несмело спросила она.

– Конечно, входи.

Скотт взял ее за руку и подвел к Ангусу.

– Сейчас он выглядит таким умиротворенным, – прошептала она.

Погладив Ангуса по волосам, она тихо прочитала молитву. Скотт вспомнил, что отец был верующим и регулярно посещал церковь. И только Кейт иногда сопровождала его туда.

– Как твоя мать? – наконец спросил он.

– У нее шок. Думаю, она не захочет входить в эту комнату.

– Даже не простится с ним?

– Она очень боится смерти.

– Наверное, думает, что это ее не коснется! – ухмыльнулся Дэвид и громко высморкался.

– А где близнецы?

– С ними сейчас Малькольм и Филип. Они умеют находить с детьми общий язык.

– Ты им что-нибудь сказала?

– Нет, они слишком маленькие и не поняли бы. Для них все – Рождество.

– Увы, только для них, – с горечью заметил Скотт. – Постараемся оградить детей... О, черт возьми, мне же надо позвонить Грэму!

Он отошел в дальний угол комнаты и достал телефон.

– Я тебе не помешал? – спросил он, услышав голос друга.

– Вовсе нет. Мы рано поужинали и теперь играем в «Монополию», а Том нас того и гляди разорит! А вы хорошо проводите Рождество?

– Нет.

– У тебя какой-то странный голос.

Скотту пришлось собраться с духом, прежде чем он смог ответить:

– Послушай, Грэм, у нас произошло несчастье. Папа... Он... в общем, он умер.

Эти слова ожидаемо отозвались в нем болью, и ему пришлось кусать губы, чтобы унять дрожь в голосе.

– Это произошло меньше часа назад, когда мы садились за стол.

– О, Скотт, как я тебе сочувствую! Но что с ним случилось?

– Думаю, сердечный приступ. Мы все перепробовали, но он так и не очнулся.

– Какой ужас! Разве Ангус болел?

– Последние дни чувствовал себя утомленным. Но никому не жаловался, ты же его знаешь.

– Могу я что-нибудь для тебя сделать?

– Мы справимся. Только, боюсь, что твой отпуск закончился. Атмосфера в доме теперь мрачная, и нельзя, чтобы это сказалось на твоих детях.

– И на твоих тоже! Ладно, меняем планы. Я вернусь завтра, как и планировал, но приеду один, чтобы проститься с Ангусом, а потом заберу близнецов с собой.

– Грэм...

– Ничего не поделаешь, такова жизнь. У нас с Пат достаточно воображения, чтобы придумать детям на неделю разные затеи.

– Я не могу просить у тебя так много.

– Ты ни о чем и не просишь, Скотт, это я предлагаю. Вот и Пат кивает, она со мной совершенно согласна. Нельзя оставлять близнецов в Джиллеспи, это будет слишком тяжело для них и для вас.

Скотт подумал, что ему предстоит хоронить отца на кладбище в соседней деревне, там, где уже давно покоится его мать. Конечно, при условии, что Амели согласится, а в этом он был совсем не уверен.

– Хорошо, я принимаю твое предложение. Но я в долгу перед тобой и Пат. Будь осторожен завтра по дороге.

– Жди меня к одиннадцати. А пока я мысленно с тобой, Скотт.

Он убрал телефон в карман, и Кейт спросила вполголоса:

– Они позаботятся о близнецах, да?

– Да, и даже настаивают на этом.

– Какие же они славные!

Казалось, она успокоилась при мысли о том, что ей не придется притворяться в ближайшие дни, изображая радость.

– Хочешь, я останусь с тобой, Скотт? Если нет, я пойду помогу Мойре. Она пытается навести порядок в столовой, но плачет, не переставая.

– Скажи ей, что я сейчас приду, – проворчал Дэвид. – Ковер, конечно, пропал, но какая теперь разница?

Он по-прежнему стоял около дивана, не в силах покинуть Ангуса. Скотт пододвинул ему кресло и заставил сесть.

– А ты? – спросил Дэвид, озираясь по сторонам.

– Возьму из своего кабинета. Но сначала мне нужно поговорить с Амели.

– Накинь мой пуховик, здесь становится холодно.

Скотт взглянул на окно и кивнул. Пока прибудет представитель похоронного бюро – а он, без сомнения, будет не скоро из-за плохой погоды, да еще посреди череды праздничных дней между Рождеством и Днем подарков^[10], сохранность тела будет зависеть от температуры в комнате. Скотт вышел, плотно закрыв за собой дверь. Идя по галерее, он услышал, как смеются его дети, но сейчас этот смех показался ему неуместным. Вероятно, Малькольм с Филипом придумывали для них

разные игры, чтобы занять близнецов до того момента, когда им придет время ложиться спать. Остальные члены семьи, скорее всего, собрались в кухне – самом теплом месте в доме. Войдя туда, он увидел, как и предполагал, Амели, которая опиралась на Джорджа, и Кейт, о чем-то тихо разговаривающую с Мойрой. В открытом мешке для мусора торчали осколки блюда, рядом с мойкой лежала индейка. В раковине отмокали тряпки и губки, а на столе беспорядочно громоздились тарелки с угощением, нетронутой праздничной трапезой.

Оттолкнув Джорджа, Амели с беспокойством спросила Скотта:

– Что с нами теперь будет?

– Надо подумать о похоронах. Я возьму это на себя, но хочу узнать ваши пожелания.

Судя по ее растерянному лицу, она не поняла его вопроса.

– Думаю, он хотел бы религиозную церемонию, – уточнил Скотт. – И у нас есть семейный склеп на деревенском кладбище. Если вы не против, то, по-моему, это самое подходящее для него место.

– Кто захоронен в этом склепе?

– Ну... его бабушка и дед, родители и... моя мать.

Амели выпрямилась и резким движением вытерла слезы.

– А где будет мое место, когда придет время?

Она смотрела на него с мрачным вызовом.

– Наверное, рядом с ним, – неохотно ответил Скотт.

Амели обернулась к дочери, словно нуждалась в ее поддержке.

– Не понимаю... Нам обязательно говорить об этом сегодня вечером?

– Когда приедет представитель похоронного бюро, обсуждать это будет некогда, – мягко ответила Кейт.

– Но я не знаю, что думал о таких вещах Ангус! Он ненавидел говорить о смерти. Может, он хотел, чтобы его кремировали или...

– Вы это серьезно? – перебил ее Скотт. – У нашей семьи есть традиции, и он первый соблюдал их.

– Перестань напоминать мне, что я вам чужая! – вскрикнула она. – Я была ему законной супругой, и мне это решать.

– Никто не оспаривает вашего права, – с трудом произнес он.

Она взглянула на него, и казалось, была удовлетворена ответом.

– Хорошо. Если ты уверен, что он хотел быть похоронен в земле, мы это сделаем.

Наступило молчание, и тут Мойра откашлялась и объявила:

– Амели, нужно выбрать для него одежду.

– Я принесу его серый костюм.

Скотт встретился взглядом с Кейт и покачал головой. Он больше не хотел спорить с Амели, но ему нужно было выяснить этот вопрос. Кейт мгновенно все поняла и немедленно вмешалась.

– Мама, слушай, я думаю, Ангус действительно гордился своим родом и корнями. Для людей его поколения принадлежность к шотландскому народу была очень важна. Даже если он почти никогда не надевал свой национальный костюм...

– Килт! – воскликнула Амели. – Вы хотите, чтобы он покинул этот мир в юбке, носках и с дурацким беретом на голове? Так вот, даже не думайте! Может, и волынку положить ему между ног?

– Не надо издеваться, он никогда на ней не играл, – возразила Мойра.

– Ладно, мама, не злись, – примирительно сказал Джордж.

– Я не злюсь! Я в такой горе, а вы меня мучаете!

– У нас у *всех* огромное горе, – тихо сказал Скотт. – Но надо принять решения. Выбрать псалмы, тексты, гроб, разослать уведомления... Потом, после похорон, здесь надо будет принимать людей. Подумайте об этом, не торопитесь. Из похоронного бюро приедут только завтра или послезавтра. Если хотите, примем их вместе.

Амели нахмурилась и замолчала.

– В любом случае, – объявила она наконец, – у меня нет сил на него смотреть. Предпочитаю сохранить его в памяти живым. Они его увезут?

– Не знаю. Возможно, в гроб его положат уже здесь.

– А...

Казалось, она ужаснулась, но все-таки сделала над собой усилие.

– Ты останешься с ним на ночь, Скотт?

– Да, таков обычай.

– Я тоже останусь, – твердо заявила Мойра. – Мой брат был для меня всем!

Этот вызов был адресован прежде всего Амели, но она его проигнорировала. Кейт воспользовалась паузой и встала со словами, что ей нужно приготовить поднос с едой для близнецов.

– Я покормлю их в гостиной, а потом уложу спать. Спасибо Грэму, что он завтра приедет за ними!

Она начала наполнять тарелки, и к ней тут же присоединилась Мойра, начав готовить бутерброды для ночного бдения. Скотт и Амели обменялись настороженными взглядами, и он вышел из кухни.

* * *

Близнецы заснули, и Кейт немного задержалась, чтобы тихонько прибрать детскую. Чувствуя облегчение от того, что скоро дети будут далеко от Джиллеспи, она одновременно грустила из-за предстоящей разлуки с ними. Глубокая печаль не отпускала ее при мыслях об Ангусе, который всего несколько часов назад сидел в гостиной, поставив стакан виски рядом с креслом, готовый провести веселое Рождество в кругу семьи. Ничто не предвещало такого внезапного и жестокого конца, особенно в такой день. Она с болью думала о том, что его больше не будет в доме.

Кейт взглянула на две собранные дорожные сумки и подумала, что если даже что-то забыла положить, Грэм с Пат как-нибудь выкрутятся. Она так устала, что хотела немедленно лечь спать, но не могла себе этого позволить: сначала нужно было заняться матерью, а потом побыть со Скоттом. Она понимала, что он сейчас испытывает, и очень жалела его, не зная, как помочь. Скотт слишком привык сам защищать, утешать и баловать Кейт и не готов был принимать это от нее. До сих пор он держал себя в руках из стыдливости или гордости, но, может быть, с Дэвидом он перестанет так себя контролировать, в таком случае, лучше их оставить на какое-то время вдвоем.

Она перешла в другое крыло, где находилась спальня Ангуса и ее матери, тихонько постучала и открыла дверь. Амели в халате сидела на краю постели, вид у нее был потерянный.

– Джордж дал мне свое успокоительное, – сказала она. – Я не знала, что он его принимает...

– Мама, тебе надо лечь.

– Нет, я не в состоянии. Лучше пойду в гостевую комнату. Или посплю в кресле.

– Ты замерзнешь.

– А снег все еще идет?

– Да.

– Наверное, до нас теперь трудно добраться?

– Немного труднее. Но я только что слышала, как подъехала машина, – вероятно, это доктор.

– Бедный доктор Грант! Он так любил Ангуса, играл с ним в гольф.

На секунду Кейт подумала о тележке, которую Скотт подарил отцу накануне, чтобы он возил в ней свои клюшки, но тут же отогнала от себя эту грустную мысль.

– Твой муж вел себя со мной отвратительно, – добавила Амели. – Ты могла бы хоть раз за меня заступиться.

– Не вижу ничего отвратительного в том, что он предоставил тебе решать все самой.

– Еще бы он не предоставил! Это ведь дело супруги – принимать решения!

– Вовсе не обязательно.

– Скотт никогда не верил, что я испытывала чувства к его отцу. Он с самого начала был высокомерен со мной.

– Мама...

– Ты всегда находишь для него оправдания, я знаю! Только не уверяй меня, что он питает ко мне хоть какую-то симпатию, я уже не говорю о сочувствии, хотя мне можно было бы посочувствовать! Я в отчаянии от того, что Ангус умер так внезапно! Он был так нежен, так добр ко мне! Понимаешь, он был идеальный супруг. И-де-аль-ный.

– Я знаю. Вы хорошо ладили.

– Скажу честно: он редко со мной не соглашался. Только в вопросе завещания, о котором и слышать не хотел. А теперь случилось то, чего я так боялась: я останусь без средств. А что еще хуже – в полном одиночестве.

– У тебя есть дети и внуки. Это не одиночество.

Казалось, Амели это не убедило – она тяжело вздохнула.

– Сначала развелась, потом овдовела – не везет мне с мужчинами! Но могу ли я на что-то надеяться в моем возрасте? Я слишком стара,

чтобы начать жизнь заново, но слишком молода, чтобы доживать свой век в одиночестве.

– Мы никогда не знаем, что нас ждет в будущем. Когда твое горе немного утихнет, ты устроишь свою жизнь, откроешь для себя новые интересные занятия. А до тех пор мы все рядом с тобой.

– Вы здесь *не все*. Думаешь, Джон соизволит приехать на похороны?

– Он не... Ладно, позвоню ему завтра утром и предупрежу.

Амели не знала об угрозе, нависшей над ее старшим сыном, и момент действительно был неподходящим для того, чтобы ей об этом сообщать. Кейт подумала, что у Джона, наверное, вызовет безумный смех известие о том, что случилось с его отчимом. Он жил в ужасе перед собственной болезнью, и вряд ли проявит желание вернуться в Шотландию на похороны того, кого он никогда не любил.

– Чувствую, таблетки Джорджа начинают действовать, – заявила Амели. – Пожалуй, отдохну немного.

Она откинулась на подушку и натянула на себя одеяло.

– Как вспомню, что мы только вчера говорили об этом Рождестве! Он хвалил мой торт «Сент-Оноре», с аппетитом ел все, что я приготовила. Бедный Ангус...

Ее голос звучал все тише и наконец затих, но Кейт постояла еще несколько минут у кровати. Когда в комнате раздалось легкое похрапывание, она потушила один из двух ночников.

– Спокойной ночи, мама, – прошептала она.

В полумраке лицо матери выглядело осунувшимся и сильно постаревшим. Ее горе было искренним, но, как всегда, она думала только о себе. И о том шатком положении, в котором оказалась. Конечно, она останется в Джиллеспи, но теперь будет жить у Скотта и уже не будет чувствовать себя как дома. Тем более что она никогда не стремилась подружиться с Мойрой и Дэвидом, считая их челядью при ней – хозяйке поместья. Скотту придется проявлять терпение и доброжелательность, но удастся ли ему это? До сих пор он делал над собой огромные усилия ради отца, но ситуация кардинально изменилась. Кейт пообещала себе сделать все возможное, чтобы не допустить раскола в семье, даже если при этом она наверняка окажется между молотом и наковальней.

Спустившись, Кейт увидела Филипа с Малькольмом, которые сидели на нижних ступеньках лестницы.

– Близнецы заснули, и мама тоже, – сказала она. – А где остальные?

– Дэвид и Скотт бодрствуют подле Ангуса, а Джордж помогает Мойре. В основном все убрали, но дом все равно имеет праздничный вид, и это ужасно...

Малькольм указал на рождественские украшения, развешанные в холле. Сквозь распахнутые двери гостиной была видна большая елка, на которой никто не догадался выключить электрические гирлянды.

– Посиди с нами, – предложил он Кейт.

– Здесь?

– Здесь не хуже, чем где-нибудь еще.

Она села между ними и внезапно почувствовала, что совершенно измучена.

– Что теперь будет? – спросил Филип. – Я имею в виду, с мамой.

– Она первая об этом побеспокоилась, но думаю, ничего нового не будет. Мама останется здесь, у себя дома.

– Тем лучше, потому что мы с Малькольмом не собираемся ее содержать. У нас своя собственная жизнь, понимаешь?

– Конечно.

– Я знаю, что она думает о моем поведении. Иногда она пытается выглядеть любезной, но не может надолго скрыть свое презрение, и это меня ужасно злит. Ангус хотя бы был откровеннее. Кстати, ты не знаешь, он предусмотрел для нее что-нибудь? Ренту или...

– Не думаю.

– А жаль, если она будет вынуждена просить у вас на карманные расходы, ее характер от этого не улучшится!

Эти слова заставили Кейт призадуматься.

У Амели ничего не было. Никакой собственности, никаких сбережений. Она никогда не работала, ушла от одного мужа к другому и всю жизнь занималась тем, что воспитывала детей. Имела ли она право на какую-нибудь пенсию, будучи вдовой, или останется ни с чем?

– Я пойду к Скотту, – решительно сказала Кейт, вставая.

Дела предстоящих дней пугали ее. Предупредить друзей Ангуса, организовать похороны, поддержать мать и не забыть Мойру, которая,

наверное, чувствует себя очень несчастной. И прежде всего помочь Скотту справиться с горем. Для него история повторялась ужасным образом, потому что он потерял мать как раз перед Рождеством, когда был совсем маленьким. Отныне этот праздник будет самым печальным в его жизни. И хотя ему еще не исполнилось тридцати пяти, он становится главой клана, единолично управляющим семейными предприятиями и собственностью.

По дороге к кабинету Ангуса Кейт охватило тяжелое предчувствие, от которого ей стало очень неудобно. Она сказала себе, что виной тому была эта ужасная ночь, но ей все равно не удалось от него избавиться.

Ангуса похоронили 30 декабря в дождливый день, который растопил последние клочки снега на холмах. Проститься с ним захотели многие: друзья, приехавшие издалека, работники с его винокурен. На кладбище, несмотря на ливень и ледяной ветер, соблезнующие выстроились в длинную очередь. Амели, которую поддерживали под руки Джордж и Филип, уже едва стояла на ногах, когда к ней подошла последняя супружеская пара. Не веря своим глазам, она замерла, а потом бросилась Джону на грудь.

Можно было подумать, что Амели ждала именно его, своего любимчика, чтобы наконец перестать плакать. Она словно забыла о своем трауре, так сияли ее глаза от радости при виде сына. За ним терпеливо ждала Бетти, лицо ее было серьезно. Джон представил ее, потому что мать до сих пор ни разу не видела его жену. Женщины расцеловались – без особого энтузиазма, потом Амели, забыв о Джордже и Филипе, повисла на Джоне, уже не обращая внимания на Бетти. Тогда Бетти подошла к Скотту и обняла его.

– От всего сердца сочувствую вам. Я знаю, вы были сильно привязаны к вашему отцу, и такая внезапная смерть ужасна! Когда Кейт нам позвонила, я сначала не могла поверить.

– Спасибо, Бетти. Я очень благодарен вам за то, что вы приехали.

– Это Джон предложил. Он хотел увидеться с матерью.

– Она по нему очень скучала.

Кейт прервала их, предложив вернуться в Джиллеспи: там они согреются, и их ждет накрытый стол.

– Ты не могла бы вернуться с Филипом? – спросил Скотт. – Я хочу ненадолго остаться.

Шел дождь, дул пронизывающий ветер, и Кейт было запротестовала, но тут же замолчала и, крепко обняв мужа, ушла. Скотт смотрел ей вслед в ожидании, когда вся семья выйдет за ворота. Оставшись один, он повернулся к могиле. Склеп был еще открыт, вход повторно замуруют завтра. Имена усопших Джиллеспи на стеле со временем стерлись, только имя Мэри не успело потускнеть. Резчик по мрамору высечет под ним имя Ангуса, и, таким образом, родители

Скотта воссоединятся. Он подошел ближе и увидел в глубине склепа гроб с бронзовым распятием, усыпанный розами.

– Почему ты ушел так быстро? – прошептал он. – Я не успел тебе все сказать... И где ты сейчас?

Он поднял голову к свинцовому небу, но дождь сразу стал заливать глаза. Пронзительное чувство одиночества напомнило ему похороны матери, горе, которое он испытал, стоя на этом же месте, когда ему еще не было восьми лет. Заботу о нем взяла на себя Мойра, потому что тогда он был осиротевшим маленьким мальчиком, но сегодня ему пришлось справляться с горем в одиночку. Несмотря на Кейт, которую он любил больше всех на свете, несмотря на детей, которые наполняли его душу счастьем, смерть Ангуса оставила ужасное ощущение пустоты.

– Я разочаровал тебя? – спросил он совсем тихо.

Не мешал ли он счастью отца, годами отвергая Амели? Не расстроил ли его своими новшествами на винокурнях? Почему не поделил отцовскую страсть к охоте или гольфу, что позволило бы им чаще бывать вместе? Да, наверное, он не был идеальным сыном, а теперь уже ничего не исправить. Но, по крайней мере, он никогда не шел на открытую ссору с отцом, их стычки всегда заканчивались примирением. Даже пощечина, которую Ангус отпустил сыну несколько лет назад, не смогла поссорить их надолго. Слишком сильны были узы, соединявшие их. Между ними царили доверие, уважение и скрытая нежность, которую оба не любили афишировать. Возвращение Скотта с женой и детьми в Джиллесли, по-видимому, стало последней большой радостью Ангуса.

– Оберегай нас, – прошептал Скотт и отвернулся. Уже давно не посещая церковь, он не был убежден, что сохранил веру, но в эту минуту ему показалось невозможным, чтобы после смерти ничего не было. Сохраняя для себя эту надежду, он, возможно, сумеет примириться со своим горем.

* * *

Когда родственники и друзья уехали, Амели поспешила проявить гостеприимство по отношению к Джону и Бетти, умоляя их остаться

на несколько дней. Вопреки ожиданиям, Джон согласился с явным облегчением.

– Нас больше ничто не связывает с Шотландией, – уточнил он, – но я знаю, что Бетти будет приятно побыть на родине.

Он бросил быстрый взгляд на Скотта, но не для того, чтобы получить его одобрение, а скорее, из опасения, что тот пойдет наперекор желанию Амели. Его враждебность не исчезла, несмотря на годы отсутствия, и смерть Ангуса ничего не изменила. Бетти же пыталась разрядить атмосферу и беспрестанно улыбалась. То, что Джиллеспи признали ее членом семьи, вселило в нее некоторую гордость и на мгновение смягчило тревогу, вызванную здоровьем мужа.

Пока Амели, забыв о своем трауре, надоедала Джону вопросами о Франции, Скотт вместе с Кейт и Бетти отошел в другой конец гостиной.

– Как он? – шепотом спросила Кейт.

– Пока никаких изменений. Лечение утомляет его, но он добросовестно принимает все, что прописано. В наше время благодаря новым лекарствам можно надеяться на выздоровление.

Кейт одобритительно кивнула, но Скотт промолчал. Неожиданный приезд Джона озадачил его. Действительно ли причиной было желание увидеться с матерью? До сих пор он проявлял к ней такое безразличие, что в это верилось с трудом. Тем более что его приезд совпал со смертью Ангуса. Отчима, которого он ненавидел, больше не было, и неужели болезнь так ослабила его, что ему захотелось побыть в кругу родственников?

– Амели была так любезна, что предложила пожить у вас, хотя, конечно, момент сейчас не самый подходящий, – нерешительно произнесла Бетти.

Она много лет работала у Скотта, хорошо знала его характер, и для нее не было тайной, что он думает о Джоне, поэтому ее немного смущало навязчивое гостеприимство свекрови. Как истинная шотландка, она не забывала, что теперь Скотт – глава семьи, а значит, решает все он.

– Добро пожаловать, – ответил Скотт, слегка улыбаясь. Он не хотел обижать ни ее, ни Амели, но главной для него была Кейт, которая не переставала волноваться за брата.

– Мы всегда готовы вас принять в комнате для гостей, – добавил он мягко. – И вы можете оставаться столько, сколько захотите.

В ответ он тут же получил благодарный взгляд Кейт.

– Снова идет снег! – воскликнул Малькольм, закрывая внутренние ставни. – Какой ужасный конец года...

Филип подошел к нему и положил руку на плечо. Заметив это проявление нежности, к ним подошел Джон.

– Ну что, голубки, когда свадьба? Во Франции геям разрешено жениться!

Его фальшивое дружелюбие было явной провокацией, но Филип спокойно ответил:

– Мы не собираемся уезжать из Шотландии, нам здесь *очень нравится*.

Кейт прекрасно помнила отвратительную реплику Джона: «Это должно было скорее произойти с Филипом, чем со мной». Она догадывалась, какую слепую злобу испытывает Джон, считая свое заражение ВИЧ огромной несправедливостью, и не хотела, чтобы Филип это заметил.

– Вы приехали с багажом? – спросила она Джона. – Надо его срочно принести, крыльцо скоро превратится в каток. Если хочешь, я тебя провожу.

Она вышла впереди него из гостиной и захватила пальто, брошенное на кресле в холле.

– Зимы здесь всегда такие суровые, да? – пробормотал Джон. – Ангус мог бы выбрать другое время!

– А ты действительно приехал на его похороны?

– В том числе. Я тебе уже говорил, Бетти очень этого хотела. Я бы предпочел отдых под солнцем, но это слишком дорого. А здесь у нас есть кров и стол.

– Не превращай все в шутку. Ты все-таки скучал по семье?

– Возможно... Я не такой, как ты, Кейт... Узы крови и все такое – мне наплевать на это. Но должен тебе признаться, что иногда мне страшно. Когда я думаю о том, что со мной случилось, я злюсь и паникую. Иногда на меня накатывает ярость на весь мир, включая бедную Бетти! Хорошо, что она меня не упрекает, но я все равно чувствую себя перед ней виноватым. Наша жизнь в Париже совсем не

сахар, но теперь, когда мама получит наследство и станет владелицей поместья...

Остановившись на нижней ступеньке крыльца, Кейт схватила брата за руку.

– Что ты там себе напридумывал, Джон?

– А что? Между прочим, я старший сын, и я болен!

– Дело не в этом. Мама ничего не наследует после смерти Ангуса. Джон смотрел на нее, вытаращив глаза.

– Ты смеешься?

– Нет, мне не до шуток.

Крупные хлопья снега, освещенные светом из окон, кружились и падали между ними.

– Значит, все получит Скотт? Но это чудовищно! Мама столько лет терпела эту старую калошу, а теперь у нее нет никаких прав?

– Джон! Ангус был хорошим человеком, я запрещаю тебе так говорить о нем!

– Ты не можешь мне ничего запрещать. Ты-то ко всему приспособилась и идешь по намеченному пути. Ты еще девчонкой вовремя все рассчитала и нацелилась на сына хозяина дома, bravo! Однако мама не должна безропотно позволять себя грабить. И не сомневайся, я встану на ее защиту!

– Ты несешь какую-то чушь, – вздохнула Кейт.

– Почему? Ты считаешь нормальным, что ее ограбят подчистую?

– Оставь эти громкие слова! Ты прекрасно знаешь, что с нами она ни в чем не будет нуждаться.

– Да ну? Ты и твой муж будете подкидывать маме на старость? Чтобы она жила на ваши подачки?

Кейт почувствовала, как в ней закипает гнев, но она слишком хорошо знала своего брата, чтобы углублять ссору. То, чего она опасалась, увидев его на кладбище, уже началось: он собирался устроить скандал. Недаром еще строптивым подростком он был всегда готов с кем-нибудь сцепиться. Действительно ли ее брата заботило только будущее их матери или он обманулся в собственных ожиданиях? Что он себе нафантазировал перед тем, как решил приехать?

– Пошли скорее, – сказала она, направляясь к машинам.

– Обойдусь без твоей помощи, – буркнул Джон.

Он обогнал ее, толкнув мимоходом, и она, поскользнувшись, упала в снег. Не глядя на нее, Джон открыл багажник и достал дорожные сумки. Кейт встала, надеясь, что Скотт не видел этой сцены из окна гостиной. Оставив брата, она вернулась в дом.

* * *

На следующее утро Скотт первым спустился на кухню, где уже вовсю хозяйничала Мойра. Даже не спрашивая его, она поставила перед ним тарелку с яичницей на поджаренном хлебе.

– Налить тебе кофе?

– Да, я готов выпить целый кофейник!

– Так устал?

– Не то слово!

– Полежал бы еще в постели.

Она протянула ему кружку с кофе и села напротив.

– Я тоже думаю об этом, – сказала она, печально улыбаясь. – Дом кажется грустным и опустевшим, хотя мы все здесь. И потом, Ангус был моим старшим братом, моим покровителем, а теперь старшая в семье я.

– Я буду таким же, Мойра.

– Я не сомневаюсь.

– Мы ничего не будем менять в доме.

– Хорошо. Какое счастье, что вы с Кейт вернулись в Джиллеспи, и теперь все будет, как надо.

– Да. И тебе не о чем волноваться. Ты – душа Джиллеспи, и я хочу, чтобы ты оставалась ею как можно дольше.

Мойра кивнула с грустной улыбкой, и, помолчав, продолжила гораздо спокойнее:

– Что будем делать вечером? Сегодня последний день года, но думаю, ни у кого нет настроения его праздновать.

– Наверно, достаточно простого ужина. Решай сама.

– Я посоветуюсь с Кейт... и с Амели.

После последних слов, произнесенных с некоторым сомнением, повисла тяжелая пауза. Скотт посмотрел Мойре прямо в глаза, пытаясь понять, что она имеет в виду.

– Делай, как всегда, – наконец сказал он. – Если она захочет вмешаться, не спорь с ней. Думаю, ей сейчас очень тяжело.

– Согласна. И вдобавок она сильно нервничает, если хочешь знать мое мнение.

– Кейт ее успокоит.

– Ах, Кейт, – вздохнула Мойра. – Ты не представляешь себе, как я рада, что вы оба здесь! И не я одна. Если бы не вы, то теперь, когда Ангуса нет, Дэвид предпочел бы уйти.

– Он тебе сам сказал?

– В этом нет нужды, я его хорошо знаю.

Она встала и взяла кофейник, чтобы сварить еще кофе.

– Как там дети?

– Ими занимаются Грэм и Пат.

– Они будут искать Ангуса, когда вернутся.

– В их возрасте все быстро забывается.

– А в моем нет, к сожалению, – вздохнула она.

Скотт поставил кружку и накрыл ладонью руку Мойры.

– Не надо ходить на кладбище каждый день, сейчас очень холодно. Послезавтра вернутся близнецы, с ними станет веселее, и ты будешь печь для них пирожные. Да, кстати... Как вы с папой планировали текущие расходы?

– Я показывала ему все счета в конце месяца. Хотя последнее время не ему, а Амели, потому что она пыталась все контролировать. Но деньги, конечно, переводил мне на карту Ангус.

Нахмурившись, Скотт сделал глоток кофе. Амели, Мойра, Кейт... Невозможно, чтобы домом управляли три женщины одновременно.

– Я считаю оскорбительным требовать у тебя счета, – объявил он. – Мы поступим иначе. Поскольку закупки делаешь ты, тебе нужно просто сообщать мне итоговую сумму, и я тут же буду тебе ее возмещать. Если хочешь, обращай с этим к Кейт: она – это все равно что я. Раз в месяц или раз в две недели – как тебе удобнее.

– А ты собираешься всех кормить?

– Наверное, да. А еще я раздумываю над тем, как платить Дэвиду. Ведь он взял на себя абсолютно все! А папа был с ним не слишком щедр.

– Они сами обо всем договорились, – возразила Мойра.

– Я знаю. Но это все равно несправедливо. Я поговорю с ним.

– Будь осторожен, он очень обидчивый.

– Это я уже давно заметил!

Впервые с того злополучного рождества Скотт рассмеялся. Груз ответственности вдруг стал чуточку легче – может быть, благодаря Мойре, которая была опорой Джиллеспи.

– Мне надо съездить на винокурни, – объявил он.

– Разве ты не закрыл их на праздники?

– Закрыл, но производство не останавливается полностью. Там остались охранники, и я хочу убедиться, что они на месте. А на обратном пути я заеду на прядильную фабрику.

– Джордж тоже предлагал съездить туда при условии, что ты дашь ему машину, на своей он опасается ехать.

– Тогда я вытащу его из постели и возьму с собой. Во всяком случае, хорошо, что он об этом подумал, значит, начинает чувствовать ответственность за дело.

– Спасибо за комплимент, – отозвался Джордж, стоя на пороге.

– Подслушиваешь за дверью? – спросил Скотт.

Это было сказано шутливым тоном, поэтому Джордж ограничился улыбкой. Из кухни они вышли вместе, обсуждая дела фабрики. Тартан, похоже, опять входил в моду, и Джордж, порывшись в коробках с архивами, нашел несколько подходящих эскизов.

– Некоторые сделаны в то время, когда у тебя работала Мэри. У нее явный талант.

Скотт молча кивнул, не расположенный говорить о Мэри, за которой он ухаживал несколько лет тому назад. В то время Кейт была подростком, и для Скотта – просто младшей сестрой, он практически не замечал ее. Как он мог не понять, что эта девчушка скоро превратится в очень красивую девушку? Включив зажигание, он вспомнил об этом и невольно улыбнулся.

– Ты меня слушаешь или нет? – настаивал Джордж. – Мы можем воспользоваться этими эскизами?

– Это собственность фабрики, мы имеем право копировать их и частично и полностью. Но я бы хотел, чтобы ты нашел какого-нибудь молодого дизайнера, чтобы мы могли запустить новую коллекцию.

– Мэри потрясающе умела сочетать цвета.

– Найди кого-нибудь такого же умелого.

– Я не знаю, можем ли мы себе это позволить.

– Новички не требуют много.

– Но как я узнаю, что он справится?

Скотт взглянул на него с удивлением.

– Это твоя работа, Джордж! Ты должен доверять себе. Доверяй своему вкусу или прислушивайся к советам товарищей – Сьюзен или еще кого-нибудь. Решай интуитивно, спрашивай себя: надену ли я свитер или шарф, который собираюсь производить?

Джордж озадаченно кивнул, но Скотт не дал ему времени на размышления.

– Я очень на тебя рассчитываю. Из-за всяких формальностей, связанных со смертью папы, я буду очень занят. С другой стороны, если эта кошмарная погода не изменится, Дональд не станет рисковать и не поедет сюда. У тебя, возможно, тоже не будет хватать работников – не важно, выкрутишься, если хочешь использовать свой шанс. Послушай, я буду с тобой честен: если фабрика не станет убыточной, я ее сохраню, в противном случае – продам.

Осознав услышанное, Джордж съежился.

– Ты никогда не упоминал этот вариант, – заметил он мрачно.

– Мне придется заплатить кое-какие налоги на наследство, но они небольшие.

– Меньше, чем во Франции?

– Не знаю. Собственно говоря...

Он замолчал, не решаясь продолжать, и Джордж воспользовался этим, чтобы спросить:

– Ты действительно становишься наследником всего?

До сих пор никто не осмеливался задать этот вопрос Скотту.

– Всего? Нет, что-то, разумеется, останется твоей матери. Но думаю, она все-таки подписала брачный контракт, который был ей совершенно не выгоден.

– Это было бы странно! Мама умеет считать.

– Возможно, она надеялась изменить его позднее. Они поженились, когда почти не знали друг друга, и пункт о раздельном владении имуществом было мерой предосторожности. Со временем папа мог переписать завещание в ее пользу, но он этого не сделал.

– Почему? Судя по всему, он искренне ее любил, и наверняка думал о том, что мама его переживет, ведь она гораздо моложе.

Скотт медлил с ответом, и только подъехав к воротам фабрики и заглушив двигатель, повернулся к Джорджу.

– На самом деле... есть одно обстоятельство – его никогда не упоминали, но ты должен о нем знать. В Шотландии вопрос передачи по наследству почти сакральный. И это касается главным образом не бизнеса, а владений, особенно если они издавна принадлежали роду. У нашего Джиллесли долгая история, и отец оформил на меня дарственную в день моего совершеннолетия. Его отец сделал то же самое для него – это способ обеспечить преемственность. Кроме того, прядильная фабрика принадлежала моей матери, и я унаследовал ее тоже. Все это произошло до свадьбы папы и Амели. С тех пор папа регулярно уступал мне доли в наших компаниях, не выходя за рамки закона, разумеется.

– Ах, вот как! А я думал, что ты был просто... его служащим.

– И да, и нет. Сам я не претендовал бы на такие подарки, и он это прекрасно знал. Но он предпочитал отказаться от некоторого имущества при жизни, а не бояться, что его продадут после его смерти, чтобы заплатить государству налоги. В любом случае я убежден, что он мне доверял.

Джордж на мгновение задумался, размышляя о том, что услышал, и объявил:

– То есть для тебя ничего не изменилось. А для мамы?

– На жизнь ей хватит, и, что бы ни случилось, Джиллесли навсегда останется ее домом.

– Если ты этого захочешь.

– Ничего подобного!

– Вы с ней все время спорите. Когда Ангус был жив, он немного разряжал обстановку.

– Кейт тоже умеет снимать напряженность.

– Ей придется проявить такт... Мама – не ангел, но она не злая. Она всегда считала, что с Ангусом ей повезло, и не скрывала этого. Когда они познакомились, она была в отчаянном положении, и не знала, как обеспечить наше будущее, да и свое тоже. Она все бросила и поехала за ним в Шотландию...

– Ты полагаешь, что кто-нибудь мог поверить в эту версию? Если вдуматься, Джордж, твоя мать ничего не бросала, потому что у нее ничего не было! Она хотела поставить вас на ноги, и ей это удалось –

что ж, тем лучше. Я даже уверен, что она в конце концов привязалась к моему отцу и полюбила наш дом. Но если она рассчитывала разбогатеть, то ее ждет разочарование, это уж точно.

Тон Скотта стал жестче. Все эти годы, когда он терпел агрессивность мачехи, ее враждебные замечания и попытки рассорить их с отцом, ему приходилось молчать. Несомненно, из уважения к Кейт он будет придерживаться этой же тактики, однако он мог сказать о том, что думает, Джорджу или Филипу. Они больше не были подростками и не жили в Джиллеспи, поэтому Скотт предпочитал быть с ними откровенным.

– Почему ты никогда не принимал нас, Скотт?

– Что? Я вас принял! Я даже уступил вам место, уехав из собственного дома. А вы, между прочим, вели себя отвратительно. Разве ты не помнишь?

– Обычные школьные проказы. А ты не хотел в них участвовать.

– У меня были другие дела.

– Ты вел себя как наследный принц, неприступный Скотт, преисполненный собственного достоинства. Конечно, мы завидовали тебе, но ты мог бы нас приручить.

– С Джоном попытка не удалась и превратилась в мучение для него и для меня. А теперь объясни мне, откуда взялось это неожиданное обвинение.

– Я тебя не обвиняю, а только пытаюсь понять, почему все сложилось так плохо.

– Потому что мой отец и твоя мать слишком поторопились со свадьбой, и ни один из нас не успел привыкнуть к мысли, что окажется в сводной семье. Нас всех поставили перед свершившимся фактом, обязав полюбить новых родственников. Эта затея была обречена на провал.

Скотт вынул ключ из замка зажигания и начал поигрывать с ним, словно не собираясь выходить из машины. Спустя минуту он пробормотал:

– Конечно, я тоже несу свою долю ответственности. Но теперь, хотим мы того или нет, нам удалось стать единой семьей!

– Ну да... В любом случае я рад, что ты решил поговорить со мной.

Скотт кивнул, но по-прежнему выглядел озабоченным. Он собирался поговорить с Амели, дать ей понять, что нет никакого вопроса о наследовании, все уже давно определено. То, что спокойно воспринял Джордж, совсем не понравится Джону, который поднимет крик о заговоре и обмане. Его присутствие могло спровоцировать взрыв, потому что он умел натравливать одних на других. К тому же Кейт возвела его из-за болезни чуть ли не в ранг святого. Она встанет на его защиту.

– Давай обойдем корпуса и убедимся, что все в порядке, – решил Скотт, открывая дверцу. По крайней мере, это место не напоминало ему об отце, который редко появлялся здесь в последние годы. Зато, когда они вышли на середину двора, он внезапно вспомнил тот осенний день, когда привез сюда Кейт, чтобы показать ей прядильную фабрику. Тогда она была этакой девочкой в носочках, но уже чрезвычайно милой и внимательной! В ту пору Скотт переживал бурный роман с Мэри, и впоследствии Кейт призналась ему, что в тот день она почувствовала себя смешной дурнушкой и ужасно ревновала к этой красивой, элегантной девушке, которая у него работала.

– Жизнь полна замечательных сюрпризов! – вырвалось у него.

– Ты так думаешь?

Даже если Джордж и удивился радости Скотта, который был постоянно мрачен со дня смерти Ангуса, то он не подал виду. Когда они подошли к цеху, он только спросил:

– Как ты думаешь, могу я пригласить к нам Сьюзен на сегодняшней ужин? Ей придется одной встречать Новый год...

– Конечно! Но предупреди Мойру, иначе она выцарапает тебе глаза. Даже если меню *несложное*, еще один гость может нарушить ее планы.

Перспектива познакомиться поближе с Сьюзен понравилась Скотту; попутно он сделал вывод, что имеет влияние на Джорджа. Его нужно было постоянно поддерживать, поощрять, несмотря на то что он постепенно проявлял себя с хорошей стороны, и Скотт больше не думал, что управляющий прядильной фабрики из него никудышный.

Пройдя в полумраке мимо остановленных ткацких станков, они разошлись в разные стороны, чтобы быстрее обойти корпуса фабрики.

Когда Джон без всяких предисловий сообщил Амели о своем положительном ВИЧ-статусе, она разразилась рыданиями. В ожидании, когда мать немного успокоится и он сможет продолжить разговор, Джон налил себе полный стакан виски.

– Налить тебе капельку, мама?

– Только не в пять часов вечера! Я бы выпила чаю.

– Попрошу Бетти, чтобы она принесла его сюда.

Они сидели в спальне Амели, поэтому он послал жене эсэмэску, чтобы не вставать лишний раз с места.

– Я потрясена, Джон! – вздохнула Амели.

Она судорожно сжимала в руке носовой платок, и казалось, вот-вот снова разрыдается.

– А что за лечение тебе... – начала она расспросы.

– Тройная терапия, вернее, множественная – современная и очень эффективная. Но на сегодняшний день полное выздоровление невозможно. Я заражен ВИЧ и могу заразить им других.

– Я не знаю, что это значит на самом деле.

– Вирус иммунодефицита человека. Нет защиты от инфекции, организм не способен сопротивляться. Можно подхватить любую заразу. Лекарства блокируют распространение вируса, но не убивают его. К тому же он коварен – все время мутирует. Уже двадцать лет ученые бьются над созданием вакцины, но все без толку. И кроме того, вакцинироваться надо до того, как заразился.

– Но ты молод, а наука быстро развивается, разве нет?

– Возможно. Вообще-то, мне ничего об этом не известно, мне только забили голову медицинскими терминами, протоколами лечения, расписанием. Врачи говорят со мной или как с ребенком, или наоборот – как будто я тоже врач. Мой чемодан заполнен лекарствами, и большую часть времени я провожу, прикидывая их суммарный побочный эффект. Больницы наводят на меня страх, но я бегу туда, как будто меня гонят. Каждое утро я осматриваю себя, вслушиваюсь в себя, взвешиваюсь... Бетти просто святая!

В ту же секунду после легкого стука в дверь вошла с подносом Бетти.

– Вы очень любезны, – сказала Амели, оглядывая ее зорким взглядом. У жены ее любимого сына было, по-видимому, много достоинств, но она была явно старше. Может, ее забота сродни

материнской? Эта мысль рассердила Амели, несмотря на то, что Джону эта забота была сейчас как нельзя кстати. С другой стороны, молодая девушка ужаснулась бы перспективе СПИДа и невозможности иметь детей, а Бетти, казалось, смирилась с этой ситуацией. Амели продолжала наблюдать за ней, пока та наливала чай, добавляла в него каплю молока и ставила на стол тарелку с песочным печеньем.

– Вы ведь работаете бухгалтером? – спросила она ласково. – Сколько дней отпуска вы взяли, чтобы приехать сюда?

– Неделю.

– Вы собираетесь увидеться с семьей, друзьями? Мы можем предоставить в ваше распоряжение машину и все это время будем заботиться о Джоне, не сомневайтесь.

Амели уже пыталась отдалить ее от сына, чтобы наслаждаться его присутствием единолично. Она так давно его не видела, так по нему скучала!

– Я была бы очень рада, – ответила Бетти, улыбаясь. Вот только снегопад...

– О, он прекратится! Кажется, с завтрашнего дня обещают потепление...

Бетти повернулась к Джону, и ее лицо осветилось нежной улыбкой.

– Хорошо. Тогда я пойду, если вам больше ничего не нужно. Мойра обещала дать мне рецепт приготовления лосося.

Как только она вышла, Амели поморщилась.

– У Мойры в голове одни кастрюли! Она только что потеряла брата, но это не мешает ей заниматься стряпней!

– Тем лучше для нас. Она отвлекает себя кастрюлями, и нам будет что есть на ужин. Ты по-прежнему с ней не ладишь?

– Скажу так: нам стало легче переносить друг друга. Со временем отношения более или менее наладились, но теперь с нами не будет Ангуса...

– И тебя это тревожит, да? Какое положение ты собираешься теперь занять?

– Ну...

– Не позволяй Скотту распоряжаться здесь по своему усмотрению.

– Вообще-то, он прислушивается к Кейт.

– Он делает вид, что прислушивается, а потом решает по-своему. Думаешь, я его не знаю? Не надо ждать от него подарков, надеюсь, ты это понимаешь. При Ангусе ему приходилось тебя терпеть, а теперь он – хозяин. Не питай иллюзий на его счет, он ничего не выпустит из рук.

Озадаченная, Амели следила за Джоном взглядом, пока он мерил шагами комнату.

– Первым делом, – продолжал он, – тебе надо посоветоваться с юристом, чтобы знать, какие у тебя права.

– Некрасиво затевать такой разговор сразу после похорон.

– Но ведь об этом все думают, значит, можно и вслух сказать? Слушай, не давай себе заговаривать зубы пустыми обещаниями, а твердо требуй то, что тебе положено, иначе останешься без гроша.

– Ты сгущаешь краски, Джон. Никто не выставит меня на улицу!

Она попыталась рассмеяться, но смех быстро угас.

– В принципе, мама, всегда существует какая-то доля в наследстве для оставшегося в живых супруга. Ты должна ее потребовать. А если Скотту из-за этого придется дробить имущество, пусть выплачивает тебе денежную компенсацию.

– Нет, я не хочу вынуждать его продавать что бы то ни было, он мне этого никогда не простит, да и Кейт тоже. К тому же я не так уж нуждаюсь в деньгах, мне...

– Ты, может, и не нуждаешься, а я – очень.

– Да, но ведь все твои расходы на лечение...

– Черт, дело не только в них!

Джон наконец дал волю своему гневу, разозленный тем, что ему приходится что-то доказывать. Мать была единственным человеком на свете, который никогда ему не противоречил, со всем соглашался и всегда защищал, что бы он ни натворил, и вот теперь, она, похоже, перешла на сторону врага. Яростно взмахнув рукой, он встал перед ней.

– Ты и правда не представляешь, как я себя чувствую сейчас? Как в камере смертников, мама! Но я слишком молод, чтобы умирать. И хочу воспользоваться тем временем, что мне осталось. В Париже мы с Бетти просто выживаем, не более того. А ты имеешь возможность нам помочь, и упускаешь из рук кучу бабла только потому, что не хочешь расстраивать Скотта и Кейт? Поверить не могу!

Амели смотрела на него с ужасом, и тогда он встал перед ней на колени и взял за руки.

– Мама, я всегда чувствовал, что ты любишь меня, и сейчас мне это особенно необходимо. Я страшно боюсь этой чертовой неизлечимой болезни. Под конец я буду мучиться непрерывно, исхудаю, превращусь в скелет, последние месяцы станут ужасными, и никто не сможет мне помочь. Но, прежде чем это произойдет, дай мне возможность как следует насладиться жизнью, хорошо? В последние годы я не очень часто навещал тебя, потому что думал, что впереди еще много времени, но как же я ошибался! Если я причинил тебе боль, прости, но продолжай любить и защищать меня, иначе я пропаду.

Неспособная устоять перед такой речью, Амели наклонилась и поцеловала его.

– Конечно, дорогой, – прошептала она, – я сделаю все, чтобы облегчить твои страдания.

– Тогда не давай обдурить тебя с наследством. Бетти найдет хорошего юриста.

– Хорошо.

– Есть этот дом с землей и овцами, есть две процветающие винокурни и прядильная фабрика, банковские счета, старинная мебель... Ты понимаешь, какими деньгами здесь пахнет? От всего, чем владел Ангус, тебе положена твоя доля!

От возбуждения его голос сорвался на визг. При перечислении богатств, которые могли достаться матери, а следовательно, и ему, у него закружилась голова. Но он не успел подробно остановиться на этом, потому что в комнату без стука вошел Джордж.

– Что это вы здесь делаете? – удивился он, увидев брата на коленях перед матерью.

– Утешаю маму и призываю ее отстаивать свои права на наследство Ангуса, – ответил Джон. – Начать с этого дома, который...

– Ничего ты не получишь, – перебил его Джордж. – Ни дома, ничего другого. Я вижу, вы уже решили, как и что будете делить? Плохо же вы знаете шотландцев!

Он говорил веселым тоном, и это взбесило Джона.

– Шотландцы они или нет, есть законы, над которыми жадность не властна!

– Ни к чему эта патетика, братец. Нет никакого наследства.

Обменявшись изумленными взглядами, Амели и Джон дружно уставились на Джорджа, который снисходительно объяснил:

– Все уже давным-давно улажено. Скотт уже пятнадцать лет назад стал собственником Джиллесли, то есть задолго до встречи мамы с Ангусом, и за это время постепенно произошла передача бизнеса. Если вы хотите что-нибудь получить, говорите с господином Единственным наследником, потому что он на законном основании владеет почти всем, что здесь есть.

Довольный произведенным эффектом, Джордж уселся в глубокое кресло лицом к матери.

– Не понимаю, – пробормотала она. – Ты имеешь в виду, что...

– Ты вышла замуж за человека, у которого почти ничего не осталось.

– Я не знала этого!

– Ну, разумеется. Если бы он сразу ввел тебя в курс дела, очень может быть, что ты не вышла бы за него.

Амелия качала головой, пытаясь собраться с мыслями.

– На самом деле... мне кажется, в тот момент я была далека от мыслей о наследстве. Моей единственной заботой было ваше будущее. К тому же он был добрым, заботливым и влюбленным. Нет, это ничего не изменило бы. Я смотрела фотографии Джиллесли, мне хотелось жить с вами в этом поместье. И я представляла, как все мы будем здесь счастливы.

Искренность, с которой она это произнесла, поразила Джона.

– Разве он не был тебе немного противен?

– Ангус? Ты, наверное, шутишь.

– В нем же не было ничего привлекательного.

– Ты ошибаешься. Меня трогала его доброта, особенно на фоне безразличия вашего отца.

– Какая там доброта? Это он только с тобой был уси-пуси!

– И что? Мне это нравилось, представь себе.

– Но это неприлично, мама! – взорвался Джон. – Утверждать, что ты его любила, что за чушь! И не говори мне, что ты не разочарована тем, что сообщил нам Джордж, я все равно не поверю. Ангус казался богачом, разве не это было частью его «обаяния»?

Повернувшись к брату, он пренебрежительно добавил:

– Когда я думаю о том, что ты работаешь на Скотта, всегда спрашиваю себя: что с тобой происходит? Неужели ты все забыл? Мы же его терпеть не могли, вместе над ним смеялись, для нас он был главный враг общества. А теперь ты ешь из его рук, и меня от этого тошнит.

– Он предложил мне хорошую работу, – возразил Джордж.

– Вязать свитера из овечьей шерсти – ты считаешь, это достойная работа для мужчины?

– Это лучше, чем вообще ничего. Сейчас везде безработица, поэтому я рад, что оказался при деле.

– Не заносись, Джордж...

Джон сделал паузу и сообщил о своем диагнозе, который, несомненно, должен была поставить его выше любой критики:

– У меня ВИЧ.

Брат недоверчиво уставился на него и пробормотал:

– У тебя? Но как ты мог...

– Минутная слабость.

– О боже! И ты... Ты как-то...

– Я лечусь, да, и не могу сказать, что это дается мне легко. Такая болезнь невольно заставит призадуматься, и вот почему я здесь. Мне хотелось увидеть маму, увидеть всех вас. Терять мне нечего, мне нужно было просто убедиться, что мама, по крайней мере, не будет ни в чем нуждаться до конца своих дней. Но я и представить не мог, что все уже заранее устроено этими тварями – отцом и сыном!

Джордж потерянно молчал. Наступила пауза. Наконец заговорила Амели:

– Надеюсь, Мойра приготовила что-нибудь незатейливое, я не очень голодна.

– В котором часу вы ужинаете? – со вздохом спросил Джон.

Он уже устал, и ему нужно было принять очередную порцию лекарств. Перспектива новогоднего, пусть даже скромного, ужина вызывала у него тошноту; ему хотелось остаться в одиночестве, чтобы подумать о неожиданно испарившемся наследстве. Разумеется, он не позволит матери молча проглотить это, обязательно должен быть какой-то выход. Он поклялся себе, что не уедет из Шотландии с пустыми руками. Как он только что сказал брату, ему терять нечего, и

он может без всяких угрызений совести спровоцировать в семье скандал и посеять в ней хаос, чтобы добиться желаемого.

Скотт и Дэвид шли дружным шагом, не обращая внимания на туман и зарядивший с самого утра дождь. Они уже встретили двух пастухов, и с каждым подолгу разговаривали. Скотт знал, что смерть Ангуса не только огорчила их, но и встревожила, и ему хотелось самому их успокоить. Дэвид, который прекрасно ладил с пастухами, мог бы взять это на себя, но Скотт справедливо решил, что его слово будет весить больше.

– Они, наверное, боятся, что ты будешь наводить здесь новые порядки, – заметил Дэвид. – Ждут каких-то несусветных перемен после похорон!

– У меня нет таких планов, потому что все идет как надо. Нам нужны овцы, чтобы не останавливать фабрику, и особенно – чтобы поддерживать луга в хорошем состоянии. Иначе тут будут джунгли...

Спустившись с последнего холма, они ожидали увидеть морскую гладь, но все тонуло в тумане.

– Твой отец любил расширять свои владения и всегда, как только предоставлялась возможность, прикупал землю. Даже Мойра стала участвовать в этом!

После смерти родителей Ангус наследовал винокурни, а Мойра получила денежную компенсацию, которая обеспечила ей финансовую независимость. Тем не менее она предпочла остаться при старшем брате в Джиллеспи.

– Мойра? – удивился Скотт.

– Ей принадлежало несколько гектаров на холме, где земля не очень дорогая.

– Но от них же нет никакой пользы, они ничего не приносят!

– Ну и что? Она – член семьи, она родилась в Джиллеспи и тоже хочет быть к нему причастной. Для нее это интереснее, чем хранить деньги под матрасом!

У самого Дэвида ничего не было за душой, но его явно волновали все эти имущественные проблемы, поскольку он не одобрял дробления семейного наследия.

– Папа был не очень справедлив с тобой, – начал Скотт, которому хотелось прояснить двусмысленное положение Дэвида.

– Ты смеешься? Если бы не твой отец, я бы сейчас просил милостыню в Глазго. Он протянул мне руку помощи, а я не из тех, кто кусает руку дающего.

– Согласен, но...

– Никаких «но», Скотт. Я ни в чем не нуждаюсь. Знаю, что приношу пользу и недаром ем свой хлеб. А деньги мне зачем? Люди идут на все ради них. В Джиллеспи я счастлив. Живу среди родных и счастлив. У меня хорошая комната, отличная машина, работа в большом парке, которая дает мне радость. Чего еще желать?

Обескураженный Скотт не знал, что ответить. Аргументы, которые он подготовил для разговора с Дэвидом, вдруг показались ему неуместными, даже глупыми. И все-таки он решился задать последний вопрос, самый важный.

– Дэвид, ты думал о своей пенсии?

– А зачем? Вы же не умрете раньше меня? Послушай, Скотт, я – как наши пастухи: не хочу никаких перемен.

– А я не хочу выдавать тебе деньги на карманные расходы – ведь ты не мальчишка и не бедный родственник.

– Правда? – рассмеялся Дэвид. – А кто же я тогда?

Пойманный на слове, Скотт смутился, но не отступал:

– Я буду переводить деньги тебе на карточку, хорошо?

– Вот упрямая голова! – вздохнул Дэвид. – У меня даже нет банковского счета!

На этот раз Скотт остановился как вкопанный посреди дороги.

– В каком мире жили вы оба – ты и папа? Ладно, ваши договоренности меня не касаются, но я больше не желаю тебя эксплуатировать. Мне нужно иметь возможность поручать тебе то или другое дело, не чувствуя себя при этом виноватым. В конце месяца ты будешь получать конверт, договорились?

– Ты и Мойре собираешься платить? – отозвался Дэвид. – На ней ведь буквально весь дом!

Его тон стал жестче, он уже не шутил.

Скотт вынул руку из кармана и положил ее на влажный от дождя рукав «Барбура»^[11] Дэвида.

– Прости меня, я сморозил глупость.

– Вот именно!

– Тогда забудь. Поступай, как считаешь нужным, меня все устроит. Ты прав: ты мой кузен, а Мойра – моя тетка, и у нас прекрасная семья.

Словно не замечая дождя, заливающего ему лицо, Дэвид пристально посмотрел Скотту в глаза и наконец объявил:

– Думаю, мы обошли все участки. Надо возвращаться, а то сляжем с простудой.

Они повернули назад, разочарованные тем, что так и не увидели моря, которое всегда было им наградой после долгих хождений по угодьям. Скотт обдумывал слова Дэвида, чувствуя облегчение от этого разговора и одновременно сожалея, что обидел его. Ему придется посоветоваться с Мойрой о том, как уладить этот вопрос и не оставить Дэвида без гроша.

Вот уже три недели со дня смерти отца он заставлял себя обращаться дипломатично буквально со всеми, особенно с Амели. Он дал ей слово, что ее положение не изменится, а Джиллеспи навсегда останется ее домом, и предложил ничего не предпринимать, пока не будет вскрыто завещание. Предупрежденная Джорджем о том, что ей не на что рассчитывать, она промолчала, однако Джон молчать не желал. Скотту пришлось призвать на помощь все свое хладнокровие, чтобы не реагировать на его агрессивность и грубость.

– Как ты думаешь, Джон еще долго здесь пробудет? – вдруг спросил Дэвид.

– Боюсь, что да. Он утверждает, что защищает интересы матери, и поручил Бетти найти адвоката. Ее очень смущает эта ситуация, но она обожает мужа и сделает все, что он скажет. А потом они затеют дорогостоящий процесс, который ни к чему не приведет...

– Несмотря на то что он болен, мне трудно ему сочувствовать. Как только он узнал, что Ангус умер, он тут же примчался сюда. Этот парень никогда не пытался заработать себе на жизнь, даже будучи здоровым, а тут вдруг решил, что теперь его мать разбогатела. Какая удача, и тут же – какое разочарование! Остерегайся его, Скотт. Он озлоблен, изворотлив и наверняка будет манипулировать Амели. Она всегда и все ему прощала, а теперь при мысли, что над ним висит угроза смерти, выпустит когти. И очень жаль, потому что за последние годы она стала заметно мягче.

– Я рад, что слышу это от тебя.

– Надо отдать ей должное – у нее есть не только недостатки. Я даже думаю, что она в конце концов полюбила Ангуса. Или она любила его с самого начала, а мы не хотели этому верить? Кстати, близнецы сильно ее изменили.

– Но они не потеснили Джона.

– Это верно.

– Мудрый ты человек, Дэвид, – тихо сказал Скотт.

Он любил своего странного кузена, они всегда были очень близки и сегодня снова убедились в том, что их мнения совпадают.

– Как хочется, чтобы уже наступила весна, – проговорил Скотт.

Через несколько месяцев смерть Ангуса будет восприниматься не так болезненно, и буря, которая сейчас сотрясала семью, возможно, утихнет.

Впереди на холме начали вырисовываться из тумана контуры Джиллеспы. Не сговариваясь, они замедлили шаг перед тем, как подняться на последний холм.

* * *

Кейт в который раз с интересом слушала своего коллегу. В учительской они остались вдвоем: Кейт ждала Скотта, и Крейг захотел составить ей компанию. Скотт собирался съездить с ней в Эдинбург, и там, после деловой встречи, повести в новый ресторан.

Стустились сумерки, и со двора ушли последние ученики. Крейг Макферсон ходил взад-вперед мимо темных окон, увлеченно рассказывая:

– Стивенсон – самый легкий для чтения писатель и самый популярный среди учеников. Для тех, кто любит приключения и пиратов, есть «Остров сокровищ», для любителей исторических романов – «Похищенный», и, конечно, всегда огромным успехом пользуется «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Когда в начале года я даю им список для внеклассного чтения, я вижу, как у детей горят глаза.

– Все же был период, когда Стивенсон переключился с волшебных превращений на драматургию.

– Это особенно интересно, но об этом мы будем говорить позже. Сейчас я выбрал «Путешествие с ослом в Севеннах» в знак уважения к французской коллеге!

Смеясь, он сделал вид, что снимает воображаемую шляпу.

– А что ты дала им для анализа?

– Мопассана.

– Он родился в том же году, что и Стивенсон! Ты выбрала «Милого друга»?

– Нет, «Орля»^[12].

– О! Безумие и страх... Не уверен, что это понравится нашему директору, однако я одобряю твой выбор. В любом случае мы изучаем один и тот же период, это прекрасно. А вот с моим старшим классом я думаю в конце года заняться авторами XX века. Может быть, послевоенного времени, такими как Трокки и Уайт, которые уехали из Шотландии и поселились во Франции. Если ты сможешь подстроить свою программу под мою, мы будем прекрасно дополнять друг друга.

И он сел напротив нее.

– Нам повезло получить такого преподавателя французского, как ты! У той, которую ты заменяешь, нет и половины твоих достоинств. Но есть хорошая новость: возможно, она не вернется в школу, потому что уедет вместе с мужем в Абердин. И тогда, я уверен, тебе предложат постоянную работу, а школа Хатчесонов будет только в выигрыше!

Кейт в ответ улыбнулась, тронутая энтузиазмом Крейга.

– Мне бы очень хотелось остаться здесь, – призналась она.

– Все хотят этого, и я в первую очередь.

Он помолчал и добавил:

– Ну как, ты немного пришла в себя после смерти свекра?

– Да, сейчас лучше, а тогда для меня это был удар. Во-первых, потому, что я его очень любила, а во-вторых, это произошло в ужасных обстоятельствах... В Рождественский вечер – что может быть хуже, и к тому же так внезапно, мы как раз садились за стол...

– Какое испытание для твоей матери!

– Для всех нас. Он был настоящей опорой семьи. Раньше я его побаивалась, уж очень он внушительно выглядел в глазах тринадцатилетней девочки, но несмотря на брюзгливый вид, он оказался очень добрым. Он учил меня играть в гольф, брал с собой в церковь, куда его никто не хотел сопровождать, и мы вели страстные

богословские дискуссии. Он всю жизнь провел в Джиллеспи и был как будто из другой эпохи, этакий глава рода, патриарх, шотландец до мозга костей! Довольно быстро – наверное, через несколько месяцев, – я почувствовала к нему полное доверие. Всегда доброжелательный, без тени высокомерия, он заменил мне отца. Мои братья отвергли его, а я нет, и более того – я переняла его духовные ценности, потому что он был достойным человеком.

Кейт говорила, с трудом сдерживая набегавшие слезы.

– Мне очень жаль, Кейт, – прошептал Крейг, беря ее руки в свои.

Его жест был настолько дружеским, что она даже не попыталась высвободиться, но тут же вздрогнула, услышав голос Скотта:

– Надеюсь, я вам не помешал?

Он стоял на пороге с непроницаемым лицом, в упор глядя на Крейга.

Кейт встала с ощущением, что ее застали врасплох.

– Мы говорили об Ангусе, – сказала она, чувствуя необходимость прояснить ситуацию.

Двое мужчин продолжали смотреть друг на друга; наконец, Крейг подошел к Скотту, протягивая ему руку.

– Крейг Макферсон. Рад знакомству, и позвольте выразить вам свои соболезнования.

– Благодарю, – бросил Скотт ледяным тоном, словно не замечая протянутой руки.

Потом заставил себя улыбнуться Кейт.

– Поехали?

– Ты не хочешь посмотреть нашу школу?

– Нет, я могу опоздать в Эдинбург. Если ты готова...

Она слишком хорошо его знала, чтобы не видеть, в какой он ярости. Но она не совершила ничего предосудительного, поэтому сначала тепло попрощалась с Крейгом, а потом последовала за Скоттом. В молчании они пересекли двор, Скотт открыл перед Кейт дверцу машины, а потом сел за руль.

– Что тебя так расстроило, дорогой? – сразу спросила она, чтобы избавиться от тягостной тревоги.

– Я увидел, как этот тип держал тебя за руки и пожирал глазами. И обнаружив вас наедине, почувствовал себя непрошеным гостем. Ты даже вздрогнула.

– Скотт, не говори глупости, это совсем не то, что ты думаешь! Крейг не «пожирал меня глазами», а ты был желанным гостем, потому что я тебя ждала! Я очень хотела показать тебе школу, мои классы, но ты был так разъярен и груб...

– Груб – с этим блондинчиком? Ничего, как-нибудь переживет.

– Ну уж нет! Крейг – мой коллега, а ты даже не захотел пожать ему руку. Твое поведение было оскорбительным, а ведь тебе не в чем его упрекнуть. И меня тоже!

Они впервые говорили на повышенных тонах. Сейчас Кейт тоже была в гневе и винила себя за свой глупый испуг.

– Я не знала, что ты способен ревновать на пустом месте, – сказала она с горечью.

– Когда тобой интересуется мужчина, которого ты все время цитируешь, и я вижу, как зачарованно ты ему улыбаешься, – да, я ревную.

– Ты хочешь, чтобы я вообще ни на кого не смотрела?

– Не смотрела на него.

– Но почему все-таки? Потому что он обаятельный?

– Ага, значит, ты считаешь его обаятельным!..

В раздражении она отвернулась к окну и сделала вид, что увлечена пейзажем, но уже стемнело, и любоваться было нечем. На трассе М8, которая вела в Эдинбург, они больше не сказали друг другу ни слова, каждый остался при своем мнении. Час спустя, когда они въехали в пригород, Скотт первым нарушил молчание.

– Мне надо заглянуть на пять минут в разливочный цех... у меня там небольшая поломка. Я ненадолго.

Он припарковался, включил аварийные огни и вышел из машины прежде, чем Кейт успела ответить. Она смотрела, как он входит в ангар, не зная, что и думать. Они давно запланировали этот вечер вдаль от Джиллеспи и семьи, предвкушая, что он станет их любовным свиданием, и было бы обидно теперь все испортить. Но неожиданная холодность Скотта показалась ей такой несправедливой, что она решила не делать первый шаг к примирению. Что могло стать причиной такой ревности? То, что Крейг взял ее руки в свои? Но это был простой жест сочувствия. Ощутила ли она особое удовольствие от этого контакта? Нет, только поддержку. Или все-таки...

Она вспомнила нежность во взгляде Крейга. У него были красивые зеленые глаза, обаятельная улыбка, проникновенный голос. Она любила говорить с ним о литературе – об этом она никогда не говорила со Скоттом. Кейт чувствовала себя с ним на равных, потому что они оба были учителями, и Крейг не знал ее тринадцатилетней девочкой в носочках и с косичками! Кокетничала ли она с ним, когда они вместе обедали в школьной столовой? Хотелось ли ей очаровать его, рассмешить? Была ли какая-нибудь двусмысленность в их отношениях? Конечно нет! Она была влюблена в Скотта, желала его, восхищалась им, наслаждалась супружеской жизнью. Зеленые глаза Крейга не могли соперничать с глазами Скотта неповторимого темно-синего цвета, и ничто не могло сравниться с его улыбкой, которую она обожала.

Поглядывая на вход в разливочный цех, она вдруг почувствовала, что с нетерпением ждет его возвращения. Но как себя вести с ним? Лучше всего перестать думать, забыть эту маленькую размолвку и сделать вид, будто ничего не произошло. Кейт опустила солнцезащитный козырек, чтобы посмотреть на себя в зеркальце. В ожидании ужина в Эдинбурге она слегка накрасилась и тщательно выбрала себе одежду. На ней была шелковая блузка, черный кардиган с серебряной вышивкой, короткая юбка, матовые колготки и сапоги на высоком каблуке. Ее утренний приход в класс был встречен гулом одобрения – может быть, из-за наряда или из-за пучка, легкой небрежности которого она добивалась кропотливой укладкой в течение полчаса. Ее старания предназначались Скотту и никому больше.

Наконец, Кейт увидела, как он выходит из здания; в каком-то порыве она распахнула дверцу, побежала навстречу и бросилась к нему в объятия. Он напрягся, но прижал ее к себе и прошептал:

– Тебя есть за что прощать?

Ее как будто окатило холодным душем. Отшатнувшись, она посмотрела ему прямо в глаза.

– Ты все еще об этом? Работа не помогла тебе выбросить из головы эти мысли? Если ты весь вечер будешь зациклен на этих нелепых подозрениях, нам лучше вернуться в Джиллеспи.

Казалось, Скотт колеблется, и она уже была готова повернуться и уйти, когда он схватил ее за руку.

– Кейт...

Свободной рукой он притянул ее за шею и поцеловал с такой страстью, что у нее прервалось дыхание.

– Я отвезу тебя в центр города, в Калтон-Хилл. Там есть очень необычный ресторан «Gardener’s Cottage»^[13] с собственным большим огородом. Теперь модно выращивать собственные овощи, даже в городе! Место восхитительное, ты увидишь: там приносят подряд шесть блюд, и все они приготовлены из овощей с собственных грядок...

Он все так же крепко обнимал ее, как будто боялся, что она уйдет.

– Прости меня, дорогая, – тихо произнес он.

– Ты себе напридумывал бог знает что, Скотт!

– Согласен.

– У меня есть право иметь друзей. И я даже хотела бы попросить тебя, чтобы ты проявлял к ним уважение.

– Ты права. Пригласи его на ужин в ближайшие дни.

Перед такой капитуляцией она сначала потеряла дар речи, а потом разразилась смехом.

– Как это ты из оскорбленного мужа сразу превратился в образцового?

– Ты меня оттолкнула и так посмотрела, что я испугался.

Его очевидная искренность потрясла Кейт. Скотт был не из тех, кого легко испугать, и от этого его признание выглядело еще трогательнее.

– Поедем скорее в твой ресторан, уже поздно, и я голодная, – весело сказала она.

Гроза миновала, и Скотт, казалось, успокоился, но Кейт пообещала себе позже поразмыслить над случившимся. С одной стороны – чрезмерная ревность Скотта, с другой – огромная власть, которую она имела над ним. Она всегда считала, что из них двоих она любит сильнее, потому что долгие годы боготворила его, не решаясь ему признаться в своих чувствах. Засыпая, она думала о нем, не надеясь на то, что ее мечта осуществится, и восприняла свой брак как неожиданный и незаслуженный подарок судьбы. Скотт был первым и единственным мужчиной в ее жизни, и она не переставала удивляться тому, что он выбрал именно ее. В то время, когда он видел в ней просто милую младшую сестренку, у него были любовницы. Среди прочих – Мэри, соперничать с которой она даже помыслить не могла.

Только сегодня вечером ей стало ясно, что Скотт любит ее, как не любил ни одну женщину.

Отступив перед гневом Кейт, забыв о своем собственном, он показал ей, что она для него важнее всего на свете. Но что делать с этим открытием? Опьяняло оно или пугало?

– Хотел бы я знать, о чем ты думаешь, – сказал он, медленно двигаясь в потоке автомобилей, заполонивших центр города.

Вместо ответа она положила голову ему на плечо.

– Как ты думаешь, это эгоизм – радоваться, что вечер пройдет без близнецов? – добавил он со своей неотразимой полуулыбкой.

– И без тещи...

– Точно! Ради такого праздника я поведу тебя после ужина в клуб.

– В клуб?

– Я хочу танцевать медленные страстные фокстроты со своей женой. Можно пойти в кабаре «Вольтер» в старом городе. Я целую вечность не был на дискотеке. Последний раз с Грэмом – еще до его свадьбы.

– А я – в университете.

Зажегся красный свет, он воспользовался этим, чтобы поцеловать ее, и тут же рванул с места так, что взвизгнули покрышки. Кейт улыбнулась и закрыла глаза, – она была счастлива.

* * *

– Адвокат настроен не очень оптимистично, – осторожно заметила Бетти.

Джон бросил на нее гневный взгляд, словно считал виноватой.

– Это неслыханно! – взорвался он. – Чтобы вдову оставили ни с чем!

– Никто не говорит, что она останется ни с чем. Но Джиллеспи было передано Скотту за много лет до брака с Амели, а прядильная фабрика является частью наследства его матери. Что касается винокурен, Ангус в свое время много акций отдал Скотту. Не все, конечно, но поскольку это инструмент управления, тут много сложностей с законом. Наконец, адвокат напоминает, что брачный контракт предусматривает раздельное владение имуществом. А с того

времени не было сделано никаких приобретений, кроме нескольких гектаров пастбищных земель, не пригодных для застройки, и поэтому не имеющих ценности.

– Все-таки, у Ангуса наверняка были какие-нибудь сбережения, банковские счета...

– Из-за постоянных подарков Скотту у него почти ничего не осталось.

– Вот негодяй! Так все подстроить, чтобы вдова осталась нищей после его смерти, – это подло!

– Но ведь у нее и не было никакой собственности, – возразила Бетти.

– Черт побери, ты на чьей стороне?

– На твоей, дорогой. Но только нужно быть реалистом. В Шотландии очень распространена прижизненная передача наследства от отца к сыну.

– Меня уже тошнит от шотландцев!

Бетти посмотрела на мужа с таким огорчением, что он поспешно добавил:

– Только не от тебя, конечно, ты же знаешь.

– Когда я работала на винокурне, у меня никогда не возникал вопрос, кому она принадлежит. Мы все думали, что Ангусу, но видели, что Скотт взял все в свои руки, получая при этом мизерную зарплату. Я это знаю, потому что составляла зарплатные ведомости! Я понятия не имела, что отец передавал сыну доли и акции, но в сущности, это совершенно естественно.

– «Когда я работала на винокурне...» – ухмыльнулся Джон, передразнивая ее. – Ей-богу, ты, кажется, жалеешь о том времени. Когда я там работал, я чуть не сдох от скуки.

– Мне нравилась моя работа, – мягко возразила Бетти.

– И видеть Скотта с утра до вечера тоже? Этот тип меня выводит из себя, я его ненавижу. Если бы не мама, я бы ни на секунду не остался под его крышей. У меня от этого дома только плохие воспоминания. Здесь однажды вечером Скотт ударил меня кулаком прямо в лицо из-за того, что мы с братьями слегка подшутили над Кейт. Этот удар я не забуду, и он мне рано или поздно за него заплатит.

Бетти давно знала о конфликте между двумя мужчинами, но по наивности надеялась, что со временем все образуется. Увы – с тех пор,

как они вернулись в Джиллеспи, Джон и не думал прекращать войну. Его ненависть разгоралась от любого слова или взгляда Скотта, которые он истолковывал по-своему. Бетти же была гораздо осмотрительнее. Она очень уважала Скотта, когда служила у него, и с тех пор продолжала испытывать к нему восхищение и симпатию. Она знала, что он самоотвержен в работе, любезен с сотрудниками и способен на сочувствие, которое проявилось в их телефонном разговоре. В то же время она понимала, как разочарован Джон отсутствием наследства, из-за чего все его ожидания разбились. Ужас перед болезнью толкал его на поиск удовольствий, словно каждый день мог стать последним, но у него не было на это средств. А Бетти, несмотря на все усилия, не могла удовлетворить это маниакальное желание. Их скромный семейный бюджет не позволял удовлетворять фантазии Джона, и это его злило. Узнав о смерти Ангуса, он тут же начал строить грандиозные планы, зная, что мать ни в чем ему не откажет, и теперь был разочарован, зол и сварлив, как никогда.

Бетти не сердилась на него. Вернее, считала, что не имеет на это право. Несколько лет назад она сбежала с ним во Францию, вообразив, что у них большая любовь. Недостатки Джона, о которых она знала, казались ей мелкими и легко устранимыми. Он плохо чувствовал себя в Шотландии, объяснял этим свои неудачи, и она надеялась, что к нему вернется энергия, как только он окажется на родине. Увы, она ошиблась. Постепенно ей пришлось смириться с очевидностью: он не изменится никогда. Останется таким же ленивым и слабовольным мечтателем, неспособным довести до конца ни одно дело. Сначала она ласково подталкивала его, убеждала, но безуспешно. А теперь, когда он подхватил эту ужасную хворь, над ним постоянно висела угроза смерти. И она не могла оставить его, это было бы бесчеловечно. Бетти попала в ловушку, но старалась не думать об этом. Ее единственным утешением стало возвращение в Шотландию, где их пребывание явно затягивалось. У своего парижского работодателя она выпросила месячный отпуск за свой счет, но что будет потом? Платить за квартиру придется по-прежнему, в Париже будут копиться счета. На все ее настойчивые вопросы об их ближайшем будущем Джон отвечал уклончиво. Может быть, несмотря ни на что, его утешало присутствие матери и близость братьев, или он только ожесточенно добивался денег?

– В любом случае, – заключила Бетти, – чтобы опротестовать завещание, нужно дождаться его вскрытия у нотариуса.

– Разумеется, и я его опротестую!

– Это будет долго, и адвокат обойдется нам дорого. Тот, с которым я говорила, успешен и выиграл много сложных дел, но он требует аванса.

– Лучше предложи проценты от того, что ему удастся отсудить.

– А твоя мать согласится?

– Она всегда со мной согласна, – самодовольно заметил Джон.

– А что мы будем делать до этого, дорогой?

– Останемся здесь! Иначе Скотт и Кейт обведут мать вокруг пальца. Надо застолбить территорию. Тем более у нас здесь бесплатное жилье и отличная кормежка!

– Не понимаю тебя, Джон. Ты только что сказал, что терпеть не можешь Скотта, а ведь видишь его здесь каждый вечер.

– Но не днем, слава богу! В любом случае я не дам ему покоя. Он должен понять, что я всегда буду мозолить ему глаза, пока не добьюсь своего.

– А если на это уйдет три месяца, полгода, год?

– Не важно.

– Тогда нужно принять меры. Отказаться от нашей парижской квартиры и найти хорошего терапевта в Глазго...

Такая перспектива как будто охладила его. Он нерешительно замолчал, а потом обхватил голову руками.

– Чувствую, начинается мигрень, – пробормотал он.

– Ты сегодня принимал лекарства?

– Да! Не разговаривай со мной, как с ребенком. Меня это утомляет.

Он отвечал ей грубостью все чаще и чаще, но она относилась к ней на счет болезни, как и все остальное.

– Сегодня на ужин придут Джордж и Сьюзен, – сказала она, чтобы сменить тему.

– Откуда ты знаешь? Это они тебя предупредили?

– От Мойры. Пойду помогу ей, обожаю смотреть, как она готовит.

Он равнодушно пожал плечами и ничего не ответил. Бетти тут же выскользнула из комнаты, довольная тем, что ей не пришлось терпеть дурное настроение Джона, которое теперь почти всегда было таким.

Она не осмелилась признаться ему, что ей очень нравится Джиллеспи и что она отлично ладит со всеми членами семьи. Даже Амели перестала разговаривать с ней свысока, войдя в доверительные отношения со своей невесткой. Проходя по галерее, Бетти любовалась выполненными пастелью рисунками с красочными морскими видами. Обстановка в поместье отличалась эклектичностью: казалось, что каждое поколение оставило на ней свой отпечаток, но при этом здешняя атмосфера очаровывала ее.

Топот и радостный визг в дальнем конце галереи заставили ее улыбнуться. Это близнецы возвращались после ужина в детскую и с хохотом гонялись друг за другом, несмотря на протесты Кейт. От их радости Бетти стало грустно. Никогда у нее не будет ребенка, ВИЧ-статус Джона это исключал. К тому же ей уже скоро сорок. А был ли у нее вообще выбор? Заметив Бетти, Люк и Ханна бросились к ней и притаились у нее за спиной.

– Не очень-то хорошо вы спрятались! – весело крикнула Кейт.

Прежде чем обнять малышей, она лукаво подмигнула Бетти.

– Сейчас расскажу им сказку и уложу спать. Я слышала, как приехали Джордж и Сьюзен, но думаю, что внизу нет никого, кроме Мойры на кухне. Не хочешь составить им компанию и предложить аперитив?

Довольная, что она участвует в жизни дома, Бетти поспешно согласилась. Она завидовала непринужденности Кейт, – казалось, та родилась в Джиллеспи, хотя приехала сюда лишь в тринадцать лет и была практически иностранкой. Впрочем, у нее не было французского акцента несмотря на то, что она преподавала в школе французский язык и литературу, и все, похоже, ее обожали. Отказавшись от приглашения Мойры взглянуть на только что приготовленную лососину, Бетти пошла в гостиную.

* * *

Малькольм купил бутылку шампанского, чтобы отпраздновать радостное событие. Он был так горд успехом Филипа, как будто добился персональной выставки или продал свою картину.

– За твой контракт! – сказал он, поднимая бокал.

Из всех художников некий модный сценарист выбрал Филипа и заключил с ним контракт на альбом комиксов.

Впервые в жизни у Филипа появилась возможность заработать благодаря своему таланту, и он был очень взволнован предстоящим проектом. Он уже начал работать над первыми рисунками, засиживаясь с ними до ночи и доводя до совершенства свои наброски.

Глядя друг на друга, они сделали несколько глотков, а потом Малькольм принес блюдо слоеного печенья с сыром.

– Ты его купил или сам испек? – спросил Филип.

– Сам испек. По рецепту Мойры – наполовину с чеддером, наполовину с пармезаном.

Они постоянно соревновались у плиты, стараясь удивить друг друга. Со временем их кухня обогатилась целой коллекцией затейливой кухонной утвари, отчего стала слегка напоминать лабораторию. Отделенная от гостиной высокой кирпичной стойкой, она была для обоих любимым местом в их прекрасной, уютной квартире, отделанной с большим вкусом. Родители предоставили ее Малькольму в первый год обучения, чтобы он жил так, как ему хочется. Вторая спальня оказалась ненужной, зато в ней было хорошее освещение благодаря стеклянной крыше, поэтому Малькольм оборудовал в ней мастерскую. Он проводил там светлую часть дня, пока Филип работал в гостиной за чертежным столом. Вопреки тому, что принято думать о совместном быте молодых начинающих художников, они вели довольно спокойную жизнь и покидали дом главным образом для того, чтобы пройтись по музеям или сходить в кино. В остальное время они любили приглашать друзей и специально составляли для них меню, готовя по очереди.

– Как приятно заработать наконец несколько фунтов! – воскликнул Филип со счастливой улыбкой. Хотя Малькольм никогда не интересовался его финансовой ситуацией, Филип втайне страдал от постоянного безденежья. Малькольм оплачивал все его счета, приглашал в рестораны, делал подарки, на которые тот ничем не мог ответить, и чувствовал себя от этого очень неловко.

– Это должно послужить мне трамплином, позволит добиться известности, – добавил он.

– Когда ты станешь очень востребованным художником-мультипликатором...

– А ты станешь знаменитым живописцем!

– Хм...

Малькольм так энергично замотал головой, что его длинные волосы взметнулись вверх. Он дважды выставлялся в Эдинбургской галерее, но без особого успеха. И все-таки его талант был очевиден, хотя он и не нашел еще свой стиль. Филип говорил ему, что его картины слишком пресны, слишком поверхностны и иногда даже слащавы, он должен дать волю своему воображению.

– Моя единственная проблема в том, что я не голодаю. Я вырос в благополучной семье, и для меня естественно быть воспитанным и учтивым даже в живописи. Если вдруг источником моего вдохновения становится что-то темное или жестокое, я его отвергаю.

– И ты не прав.

– Я знаю.

– Дай себе волю, пиши для себя самого! И не заботься о том, что подумают твои родители.

Они засмеялись, как смеются любящие друг друга, близкие люди. Малькольм по-прежнему был привязан к родителям и не хотел их разочаровывать, но они приходили в восторг от его нежных акварелей и отшатнулись бы от мрачных картин.

– Налей мне еще немного шампанского, – потребовал Филип. – Нам нужно съездить в ближайшие дни на ужин в Джиллеспи. Джон все еще там, и я думаю, что он собирается начать войну.

– Может, это его способ отогнать тревогу?

– Он всегда вел себя враждебно, даже в здоровом состоянии. Особенно по отношению к Скотту. И очень плохо, что он настраивает маму, потому что она в последнее время успокоилась. Помнишь в тот рождественский вечер – до того, как с Ангусом произошло это несчастье, атмосфера была вполне семейная.

– Но вы не можете выставить Джона за дверь! И уж тем более его мать!

– Хочешь сказать, что теперь его трогать нельзя, потому что у него ВИЧ?

– В общем, да. Скотт об этом знает, и ему будет еще труднее бороться с твоим братом. И я ему сочувствую, потому что обожаю Скотта.

– Эй! – возразил Филип – что значит: «обожаю» – ты не преувеличиваешь?

– Это просто фигура речи. Хотя твой шурин очень привлекательный мужчина. Кейт повезло – он без ума от нее, и это видно невооруженным глазом.

– И к тому же страшно ревнив. Кейт призналась мне в этом со смехом, но и с долей раздражения.

– Ревность – отвратительный недостаток, и мы почти все им страдаем. Кейт – цветущая молодая женщина, красивая, безумно обаятельная, и конечно, ее многочисленные коллеги-мужчины не могут быть к ней равнодушны, но такова жизнь – она полна встреч и соблазнов.

– Малькольм! Ты, случайно, не себя имеешь в виду?

– Нет. Я просто констатирую факт. А у Скотта тоже наверняка на прядильной фабрике и на винокурнях есть красивые женщины, и Кейт может это беспокоить.

– А я должен беспокоиться?

– Я только что сказал тебе, что ты – нет.

– Но ты подал заявку в университет на должность ассистента, будешь курировать учебу целой группы красивых молодых людей, значит...

– Значит, я не хочу всегда сидеть взаперти с кистью в руке. Как ты сам заметил, я увяз в живописи, которой не хватает мощи. Мне нужно видеть мир, дискутировать с преподавателями, у которых я учился, пробовать новые подходы.

Филип вскочил и уселся на канаве рядом с Малькольмом.

– Ты обиделся на мою критику, но это же глупо! Мне нравятся твои картины, и, между прочем, не только мне и твоим родителям, раз их покупают. Но твой талант намного мощнее того, что ты показываешь в них. У тебя в коробках есть потрясающие эскизы...

– Ты роешься у меня в мастерской?

– Естественно.

Малькольм в замешательстве посмотрел на Филипа и тут же рассмеялся. Ни от кого другого он не потерпел бы такого нахальства, а все, что исходило от Филипа, его совершенно не беспокоило.

– Я в восторге от твоей серии с лошадьми. Она потрясающая! Можно подумать, что это Жерико или Гойя.

– Скажешь тоже! Но спасибо за комплимент, хоть ты и преувеличиваешь.

Филип протянул руку и откинул со лба Малькольма прядь волос, которая падала ему на глаза.

– Прежде чем мы поедем ужинать в Джиллеспи, сходи к парикмахеру, иначе мама упадет в обморок.

– И не надейся. Даже Ангус не обращал на это внимания. И вообще, он не был таким упертым, как вы все думаете... Все-таки какой внезапный уход! На следующее Рождество будем присматривать друг за другом. Я предложу положить при входе в столовую тонометр, чтобы избежать неприятных сюрпризов.

Улыбнувшись, Филип вытянулся на канapé и положил голову Малькольму на колени.

– Я хотел вечером взяться за наброски, но теперь мне хочется допить с тобой шампанское... Обещай мне...

– И не проси. Не стану я стричься.

– Ты не дослушал. Обещай, что напишешь картину для меня лично. С лошадью.

– Может быть. Я не очень-то умею их рисовать.

– Нет, умеешь. Падающую лошадь.

– А-а... Ты видел этот этюд?

– Да. Движение передано великолепно! Напиши такую картину.

Кончиками пальцев Малькольм обвел контур лица Филипа. Почему он так легко освободился от общепринятой морали, но не может дать себе свободу перед мольбертом?

– Я постараюсь, – пообещал он не слишком уверенно.

* * *

Ледяной холод наконец отступил. Столбик термометра больше не показывал отрицательную температуру, но все равно не поднимался выше трех градусов. Непогоду усугублял еще и свирепый ветер с дождем. Дэвид каждое утро проводил в парке Джиллеспи, обрубая с деревьев высохшие ветки и собирая хворост, устилавший землю. Благодаря его упорству в поместье царил порядок, а в каминах и печах целыми днями гудел огонь.

Скотт купил для Кейт маленький внедорожник, чтобы она могла безбоязненно ездить по зимним дорогам, а сам ежедневно наведывался в Гринок, Инверкип или Глазго на своем «Рейндж Ровере». Джордж наконец позволил Сьюзен переехать к нему в служебную квартиру при фабрике. Жилье было в довольно запущенном состоянии, и Сьюзен пообещала его обновить, и теперь, облачившись в рабочий комбинезон, все дни напролет проводила в квартире в окружении банок с красками. Все это время Джордж работал без продыха. Приняв вызов Скотта, он стал чувствовать себя гораздо увереннее в роли управляющего. Семейная жизнь придавала ему солидности в глазах рабочих, и он часто задерживался по вечерам, чтобы регулярно готовить Дональду детальные отчеты. Убедившись, что ситуация улучшается, Скотт перестал его контролировать и лишь наблюдал за ним издали.

Амели все никак не могла прийти в себя после смерти Ангуса. С тех пор как она появилась в Джиллеспи, он был единственным, кто защищал ее, считал хозяйкой дома и выполнял все ее желания. Теперь же она лишилась всех привилегий. Глядя по вечерам на подушку Ангуса, она спрашивала себя, какой вскоре станет ее жизнь. Не будь здесь Джона, с его регулярными вспышками злобы, она, возможно, могла бы притерпеться к перераспределению ролей и стать вдовствующей королевой без всяких прав. Но старший сын толкал ее к конфликту, к развязыванию войны, которая казалась заранее проигранной и только расколола бы семью. Конечно, идея бросить вызов Скотту пришла бы Амели по вкусу, но только теперь рядом с ним была Кейт с близнецами. Жить с ними под одной крышей было приятно, но выходки Джона – то агрессивные, то демонстративно-пренебрежительные, в зависимости от настроения, – держали всех на грани взрыва. Даже Бетти чувствовала себя неловко и оказывала всем мелкие любезности, пытаясь сгладить агрессию своего мужа.

Мойра и Дэвид, ободренные теплым отношением Скотта, ничего не изменили в своих привычках. Они оба поддерживали согласие в семье, по крайней мере внешнее. Будь то Филип с Малькольмом, или Джордж со Сьюзен, или Пат с Грэмом, всех их по вечерам радушно встречали, и к ужинам постепенно возвращалось их прежнее веселье, а смех близнецов еще больше оживлял его.

В феврале, во время школьных каникул half term^[14] Кейт решила воспользоваться предложением Скотта и пригласила на ужин двух своих коллег. Ей хотелось убедиться, что неприятная сцена в предыдущем месяце произошла из-за плохого настроения Скотта. Мысль о том, что у нее чрезмерно ревнивый муж, была ей неприятна, и она надеялась, что этот вечер развеет ее опасения.

Крейг приехал в Джиллеспи вместе с Элизабет, преподавательницей истории. Эта молодая женщина с первого же дня прониклась симпатией к Кейт, и они стали почти подругами. Для поддержания дружеской атмосферы Кейт также пригласила Грэма и Пат, дружелюбие и задор которых всегда были залогом удачного вечера.

Скотт, задержавшись на винокурне в Гриноке, приехал последним, когда все уже собрались в гостиной с бокалами виски в руках. Сияющая Кейт представила ему Элизабет и тут же заметила, как сдержанно Скотт поздоровался с Крейгом.

– У вас чудесный дом! – воскликнула Элизабет. – Мы от него в восторге, правда, Крейг? Кейт рассказывала нам о нем, как о каком-то райском месте, но теперь я вижу, что она совсем не преувеличивала.

– Я влюбилась в Джиллеспи в день моего приезда сюда, а сразу после этого – в Скотта, – подтвердила Кейт с самым серьезным видом.

– Сколько лет тебе тогда было? – поинтересовался Крейг.

– Тринадцать.

Элизабет расхохоталась, но Кейт пояснила:

– Это была подростковая всепоглощающая любовь, в силу обстоятельств – платоническая и, конечно, безнадежная.

– Из чего следует, что никогда не нужно терять надежду.

Говоря это, Крейг понимающе улыбнулся Кейт.

Скотт посмотрел на него и отвернулся. Он дал себе обещание, что будет приветлив с друзьями Кейт, но ничего не мог с собой поделать – этот человек его раздражал. Он слишком афишировал свои доверительные отношения с «коллегой», игнорируя Скотта и избегая его взгляда.

– Давно этот дом принадлежит вашей семье? – спросила Элизабет.

– Очень давно! – воскликнула Мойра. – Здесь родилась я, мой отец и мой дед, надо посмотреть в семейном архиве дату, когда был заложен первый камень. Теперь у дома вполне викторианская

архитектура, но на самом деле это была уже реконструкция, а построили его гораздо раньше. Но в любом случае по проекту Джиллеспи!

Было видно, что ей приятно сообщать такие подробности и что она очень гордится своим родом.

– Какое все это имеет значение в наше время? – презрительно заметил Джон. – Неужели надо жить в каком-то медвежьем углу ради того, чтобы кичиться грудой старых камней!

– Уверяю вас, о такой «груде» мечтает немало людей! – спокойно возразила Элизабет.

– Это те, кто ничего другого в жизни не видел. Вы живете в вашем замкнутом мире, в глухих деревнях... Вот съездили бы в Париж!..

– Вы там живете?

– Да, и родился тоже там. Как и моя мать, сестра и братья. Кейт изображает коренную шотландку, но она новоиспеченная Джиллеспи!

Повернувшись к Кейт, Крейг выпалил:

– У тебя иногда проскальзывает восхитительный французский акцент, который всем очень нравится.

Похоже, он был ошеломлен словами Джона и явно не знал семейных подробностей. Скотт с облегчением подумал, что Кейт хотя бы не посвящала его во все, иначе это указывало бы на душевную, почти интимную близость.

– Прошу в столовую! – объявила Мойра.

Согласно английскому обычаю Амели села во главе стола между Крейгом с правой стороны и Грэмом – с левой, а другой конец стола возглавил Скотт, оказавшись между Элизабет и Пат. Место Амели осталось прежним, а Скотт занял место Ангуса. Кейт, сославшись на требования этикета, которые она обсудила с Мойрой, не разрешила лишать мать ее места, а сама теперь садилась на разные места, рядом с гостями. Конечно, в этот вечер она села на свободное место рядом с Крейгом и сразу же начала с ним болтать. Скотт, считая своим долгом проявлять любезность, завязал разговор с Элизабет. Тогда Пат повернулась к Джону и поинтересовалась, что он собирается делать в Шотландии.

– Ничего особенного, – ухмыльнулся тот. – Я остаюсь здесь только для того, чтобы поддержать маму, а вообще я не особо люблю здесь бывать.

Элизабет бросила взгляд на Кейт, которая смеялась вместе с Крейгом и ничего не слышала. Казалось бы, Скотт должен был радоваться, что его жена весела, но он выглядел раздраженным.

– Наши близнецы зовут в гости ваших, – шутливо сказала ему Пат. – Проведя неделю вместе, они теперь скучают друг без друга. Особенно Том, который был заводилой!

Скотт не ответил, и Пат порывисто взяла его за руку:

– Что с тобой, Скотт?

– Прости. Да, Ханна и Люк тоже без конца говорят об этом. Так что приезжайте все к нам на уик-энд, будет весело.

Кейт встала, чтобы вместе с Мойрой пойти на кухню за очередными блюдами, и впервые за вечер Скотт и Крейг обменялись взглядами.

– Осторожней, у тебя очень неприветливый вид, – шепнула Пат.

Скотт с трудом отвел глаза и виновато пожал плечами.

– Ничего не могу поделать, – сказал он тихо, – он мне неприятен.

– Возьми себя в руки, это нехорошо по отношению к Кейт.

– О да! – подтвердила Элизабет, которая услышала обрывок последней фразы. – Кейт такая хорошая! Ученики ее обожают, более того – она пользуется у них большим авторитетом. Жалко, что вы, Скотт, не можете тихонько, как мышка, пробраться в класс: вы бы увидели, какова она в роли учителя.

– Я бы с удовольствием побыл мышкой в вашей школе, – ответил Скотт.

Кейт вернулась и села, и Мойра начала разливать крабовый суп. Грэм завел с Крейгом разговор о недвижимости в Глазго, которая дорожала день ото дня, и это вернуло Скотта к мысли о том, чтобы продать свою квартиру. Грэм убедил друга купить ее задолго до его женитьбы, и теперь арендатор платил сумму, сопоставимую с взносом по кредиту. Но Скотту нужны были деньги, потому что, несмотря на все предыдущие операции по передаче имущества при жизни отца, он должен был заплатить налог на наследство. Как бы то ни было, теперь он жил в Джиллеспи и больше не собирался отсюда уезжать. Скотт снова посмотрел на Кейт и подумал, что его жена невероятно красива. Сегодня она собрала волосы в высокий хвост, перехватив его небесно-голубой лентой в цвет своего платья. Легкий макияж подчеркивал ее белоснежную кожу и глаза с золотыми искорками. Она была такой

свежей, такой радостной, что Скотт не мог оторвать от нее глаз. Ей скоро исполнится двадцать пять, но она по-прежнему выглядела юной девушкой. По сравнению с ней очаровательная Элизабет казалась бесцветной, как почти все женщины, которых Скотту случалось видеть. Может, он больше никогда и не посмотрит в сторону других женщин?

– Вот сейчас ты просто идеальный муж! – расхохоталась Пат.

– А ты не следи за мной! – запротестовал он с улыбкой. – И скажи мужу, что я хочу с ним увидеться на этой неделе, чтобы поговорить о делах.

– Кстати, как движется оформление наследства? Грэм говорит, что с этим возникла проблема.

– Амели наняла адвоката. Разумеется, это идея Джона. В среду мы все идем к нотариусу, но думаю, что до тех пор лучше избегать этой темы.

Мойра поставила перед Скоттом блюдо с бараньим окороком и протянула ему длинный нож.

– Разрежь его, пока я буду раскладывать овощи, – попросила она.

От дымящегося мяса исходил восхитительный аромат чеснока и розмарина. Джон наклонился, взглянул на баранину и объявил, что его мутит. Не извинившись, он вышел из-за стола под встревоженным взглядом матери. Бетти сидела, понурившись и глядя в пустую тарелку. Уход Джона сопровождался молчанием, а потом Грэм возобновил разговор, обращаясь к Дэвиду.

– В этом сезоне тебе еще попадались грибы?

– В последнее время очень мало, слишком холодно. Зато осенью я собрал полно подберезовиков, а Мойра их засушила и засолила. Вы как раз вечером их попробуете.

– Я пообещал себе, что схожу как-нибудь на денек в лес с тобой, и ты меня научишь разбираться в грибах.

– «На денек» – недостаточно. Поверь мне, в грибах лучше не ошибаться! И если не считать сморчков, есть много грибов, которые легко спутать друг с другом!

Кейт пошла на кухню за соусом, но, вернувшись, споткнулась о ножку своего стула и, пытаясь удержать равновесие, взмахнула рукой. Крейг, увидев, что она сейчас уронит соусник, хотел ей помочь, но их руки столкнулись в воздухе, и соус выплеснулся на скатерть и на

Крейга, который тут же отскочил в сторону. Кейт вскрикнула и в отчаянии схватила салфетку. Затем, поняв, что она не может промокнуть брюки Крейга ниже пояса, так и застыла с салфеткой в поднятой руке, красная от стыда.

– Какая же ты неловкая! – воскликнула Амели.

Смерив презрительным взглядом дочь, которая невнятно лепетала какие-то извинения, она встала из-за стола. Мойра бросилась было помогать, но после секундного колебания решила заняться испачканной скатертью.

– Не расстраивайся, Кейт! – мягко сказал Крейг. – Это моя вина – я хотел помочь и толкнул тебя. Скажи мне, где кухня, я сам все отчищу.

– Отчистите *это*? – иронически отозвалась Амели. – Ну, желаю вам успеха!

Даже если Крейг смутился, он не подал виду и только нежно улыбнулся Кейт.

– Прости, – повторил он, касаясь ее руки.

С его брюк продолжал капать жирный соус.

– Пойдемте ко мне, – сказал Скотт, вставая из-за стола.

– Ну, слава богу, – пробормотала Амели, довольная тем, что ее зять сумел вывести всех из затруднительной ситуации.

Скотт вывел Крейга в холл, и они поднялись по лестнице в его комнату.

– Думаю, мои джинсы вам подойдут?

– Вы немного выше меня.

– Можно подвернуть штанины.

Скотт достал из шкафа черные джинсы и полиэтиленовый пакет.

– Положите брюки сюда. Я покажу вам ванную комнату, если вы хотите принять душ. Полотенца там же в шкафу.

Он открыл дверь ванной, включил свет и пропустил Крейга вперед. Не чувствуя в себе сил быть любезным, он надеялся, что его голос звучит хотя бы нейтрально.

Скотт вернулся в комнату и подошел к окну. Снаружи все тонуло во мраке, лишь на лужайке лежали прямоугольники света, льющегося из окон. Почему его привел в такую ярость жест Крейга, когда он успокаивающе коснулся руки Кейт? Был ли он слишком нежным, свидетельствовал ли об особой близости? В ожидании Крейга он

заглянул в детскую: близнецы мирно спали. При переезде в Джиллеспи Кейт решила, что они уже достаточно большие и им нужны взрослые кровати. Поскольку теперь детей не разделяли решетки, их часто находили спящими вместе, но сегодня каждый лежал в своей кровати в окружении плюшевых игрушек.

Скотт осторожно закрыл дверь детской и вернулся к себе. Крейг как раз выходил из ванной комнаты, держа в руках пакет с грязными брюками.

– Большое спасибо, так мне гораздо приятнее! – весело сказал он. – Я постираю ваши джинсы и передам их Кейт. Мне правда очень досадно, что я прервал ужин, я...

– Вам нравится моя жена, Крейг?

Этот внезапный вопрос, заданный спокойным тоном, мог бы смутить Крейга, но он не выказал никакого замешательства.

– А как она может не нравиться? – возразил он без тени улыбки.

Они мерили друг друга взглядами, и наконец Крейг примирительно сказал:

– Мне нужна только ее дружба, Скотт.

– Тем лучше. Потому что если вам нужно что-то другое, вы будете иметь дело со мной. Я говорю достаточно ясно?

Должно быть, ожесточенность в голосе Скотта или в выражении его лица насторожила Крейга, потому что он только молча кивнул.

– Прекрасно. Пойдемте скорее есть баранину, она, наверное, уже остыла.

Сознавая свою агрессивность, Скотт тем не менее ни о чем не жалел. Присутствие Крейга в их с Кейт спальне, в их ванной комнате только усилило его дурное настроение. Но вечер грозил закончиться катастрофой, и он как глава дома должен был исправить ситуацию, а не усугублять неловкость.

В столовой царило веселье. Даже Амели и Бетти оживились, несмотря на уход Джона. Мойра, снова став серьезной, объясняла им, как ей удалось заново сделать соус из остатков на дне кастрюли благодаря тому, что она не стала заливать ее водой. На скатерти, в том месте, где выплеснулся соус, лежало несколько полотенец, а Дэвид разрезал бараний окорок, который разогрели в духовке. Кейт бросила признательный взгляд на Скотта, а Крейг, усаживаясь с ней рядом, тихо произнес:

– Ну вот, все в порядке.

Обед продолжался без происшествий, особенно благодаря Грэму и Пат, чью жизнерадостность не могли поколебать никакие происшествия. Выпив в салоне по последнему бокалу виски, гости к полуночи разъехались. Мойра, как всегда, навела порядок и ушла спать. Амели, Бетти и Дэвид ускользнули еще раньше; так что Скотт и Кейт остались в салоне вдвоем.

– Посидим немного? – предложил Скотт, указывая на камин, где еще тлели угли.

– Если хочешь, но мне надо посмотреть, спят ли дети.

– Я заходил к ним, все в порядке.

– Тогда налей мне что-нибудь, я почти не пила за ужином, настолько была расстроена. Я чуть не умерла от стыда, когда уронила этот соусник! Надеюсь, скатерть отстирается... Во всяком случае, я убедилась, что Крейг стойко переносит неприятности.

– Да ну?

– Представь, что он испытал. Ведь соус был очень горячий и жирный, к тому же пролился на самое неподходящее место. Он мог почувствовать себя смешным и обидеться.

– И что дальше? Вылил бы на тебя в отместку стакан воды?

– Без твоей помощи он не смог бы остаться на ужине.

– Честно говоря, у меня не было желания ему помогать.

– Почему? Он кажется тебе несимпатичным?

– Я бы этого не сказал.

Кейт пригубила виски с содовой и подняла на мужа глаза:

– Ты все-таки его недолюбливаешь, и мне очень жаль, что это так. Но ты даже не пытался разговаривать с ним.

– Не думаю, что ему это было бы интересно. Его внимание сосредоточено исключительно на тебе.

– Скотт... – вздохнула она.

– Надо быть слепой, чтобы этого не видеть! Ты приводишь его в восторг, и он пытается тебя очаровать, хотя я сижу напротив!

– Ты опять начинаешь?

– Опять. Я не могу равнодушно смотреть на то, как тебя охмуряют.

– Но это неправда! Он не охмуряет меня, – я ведь тоже могла бы сказать, что Пат пытается тебя обольстить, потому что шепчется с

тобой и улыбается! А еще я могла бы обидеться, услышав, как ты воркуешь с Элизабет, говоря, что хотел бы побыть мышкой в нашей школе!

– Не лукавь, дорогая, это совершенно разные вещи.

– Ох уж эти мужчины! Что за манера вечно считать себя правыми...

– Ты мало что понимаешь в мужчинах, – сухо отрезал Скотт. – Это меня и беспокоит.

– Ты бы предпочел, чтобы я коллекционировала любовников прежде, чем выйти замуж за тебя?

Побледнев от гнева, Кейт встала и посмотрела ему прямо в глаза.

– Все упрекают меня в наивности, в неопытности, даже моя мать! Но упреки от *тебя* – это в голове не укладывается! Хочешь, оставайся здесь, а я пойду спать. Этот отвратительный вечер и так слишком затянулся. И можешь мне поверить – я больше никогда не приглашу сюда друзей.

– Подожди, Кейт. Попытайся хотя бы понять. Я люблю тебя и не хочу, чтобы за тобой волочились мужчины. При мысли о том, что в школе вы с Крейгом все время вместе, я схожу с ума.

– Правда? И что мне теперь делать? Уволиться, потому что ты что-то там себе нафантазировал? Найти работу в другой школе и ждать, когда это повторится с кем-нибудь из новых коллег? Если ты собираешься страдать от ревности, предупреждаю – я этого не потерплю.

– Ты все утрируешь!

– Почти нет.

– Ты не можешь не замечать, что Крейг прямо поедает тебя глазами.

– Ну, где уж мне это заметить, я ведь круглая дура!

– Кейт, я ненавижу этого типа.

– А мне плевать! – крикнула она.

Никогда еще он не видел ее в таком гневе. Настаивая, он мог спровоцировать взрыв, который будет трудно забыть – и ей, и ему. И, однако, он невольно подумал, что причиной такой неадекватной ярости Кейт была искренняя привязанность к Крейгу.

Он догнал ее, когда она уже выходила из гостиной, и, схватив за руку, повернул к себе.

– Дорогая, пожалуйста...

Он хотел обнять ее, но она резко его оттолкнула.

– Я никогда не думала, что у нас будут ссоры, Скотт. Но это уже вторая, и по тому же поводу. Твои подозрения оскорбительны для меня, ты хотя бы это понимаешь? Я буду вспоминать о них каждый раз, входя в учительскую! Я не знаю, чего ты ждешь от меня. Может, я должна следить по возвращении из школы за каждым своим словом, чтобы, не дай бог, не разозлить тебя и не вызвать новый приступ ревности? Я не хочу так жить!

И она разрыдалась, утирала слезы кулаками, как ребенок. Обескураженный, Скотт попытался привлечь ее к себе и успокоить, но она вырвалась из его объятий. Он услышал, как она бежит по коридору, а потом поднимается по лестнице. Скотт бросился за ней, перепрыгивая через несколько ступенек. Догнав Кейт уже наверху, он обхватил ее сзади и прижал к себе.

– Умоляю тебя, – тихо сказал он, – не убегай...

Обнимая ее, Скотт чувствовал ее тяжелое дыхание, бешеный стук сердца. Он поцеловал ее в шею, за ухом, в плечо. Она была такой уязвимой, такой чувствительной, какое право он имел доводить свою жену до слез? Сквозь ткань платья он чувствовал жар ее тела, напряженные мышцы. От растрепанных волос все еще исходил аромат духов. Его внезапно охватило страстное желание. Ему хотелось овладеть ею прямо там, на верху лестницы, и он прижал ее к себе еще сильнее.

– Отпусти меня, Скотт, – холодно сказала Кейт.

Сделав над собой усилие, он позволил ей высвободиться. Она обернулась, ее лицо было замкнутым, загадочным. Поняв, что она ждет от него чего-то конкретного, он сдался.

– Ладно, – вздохнул он, – прости меня, я был отвратителен. Обещаю больше не говорить об этом.

Он заметил, как она сразу расслабилась и даже попыталась улыбнуться.

– Ты говоришь так, потому что хочешь заняться любовью?

– А еще потому, что это правда. Я свое слово держу.

– Если забудешь, я тебе напомню.

Теперь она сама подошла к нему и обняла. Скотт нагнулся, поцеловал ее, и так они долго стояли, обнявшись.

Когда он приподнял край ее платья, она только прошептала:

– Здесь?

– Все спят. И мы все-таки женаты.

Во мраке галереи ее глаза блестели, и он понял, что она не будет против.

«Что касается имущества, которое будет принадлежать мне на день моей смерти, я желаю, чтобы оно было разделено между моим единственным сыном Скоттом и моей супругой Амели согласно действующему законодательству, за исключением ружей, которые я завещаю моему двоюродному брату Дэвиду, и карманных часов, принадлежавших моему отцу, которые я завещаю моей сестре Мойре».

Нотариус поднял голову и обвел взглядом собравшихся. Амели сопровождали адвокат Брюс Форбс и Джон, которого она попросила поддержать ее морально. Скотт приехал с Кейт в надежде, что она утихомирит мать в случае конфликта. И наконец, здесь были Дэвид и Мойра, поскольку они были упомянуты в завещании.

– Удалось ли вам составить список имущества, которым владел сэр Ангус Джиллеспи? – поинтересовался адвокат.

– У меня есть полный список. Наличные деньги на сберегательном и текущем счетах, сельскохозяйственные угодья, приобретенные в последнее время, а также некоторая часть акций винокурни в Гриноке.

– Некоторая?

– Точные цифры указаны в документе, который я вручу каждому из вас.

– А винокурня в Инверкипе?

– Она не являлась акционерным обществом.

– А прядильная фабрика?

– Она ему никогда не принадлежала, это собственность мистера Скотта Джиллеспи, который унаследовал ее от своей матери – Мэри.

Адвокат закатил глаза, а потом с вызовом заявил:

– Я хотел бы ознакомиться со всеми документами по передаче акций винокурни, с указанием сумм, дат и уплаченных пошлин.

– Я подготовлю вам копию, – бесстрастно ответил нотариус.

– Полагаю, вы понимаете степень потрясения и разочарования миссис Амели Джиллеспи. Тот факт, что покойный супруг почти

полностью лишил ее имущества, завещав все сыну, но никогда не сообщал о таком намерении, выглядит очень странно.

– Но не противозаконно.

– А это надо проверить!

– Проверяйте.

Нотариус сделал паузу и продолжил читать документы.

– В банке также находится сейф, и я вскрыл его в присутствии судебного пристава и мистера Скотта Джиллеспи. Мы насчитали в нем девять женских украшений.

– Вместе с чеками об оплате? – прервал его адвокат.

– Чеков не было.

– Если не доказано, что они были приобретены до второго брака сэра Ангуса Джиллеспи, вы должны включить их в наследство.

– Это драгоценности моей матери, – вмешался Скотт.

– У банка обязательно должен быть реестр посещений депозитария клиентами, – настаивал адвокат. – Когда ваш отец посещал его последний раз?

– В день моей свадьбы с Кейт. Он приходил за обручальным кольцом моей матери, чтобы подарить ей.

– Значит, у него был доступ к этому сейфу, когда он был женат на миссис Амели Джиллеспи. Украшения могли быть помещены туда именно в этот день и предназначены в будущем его супруге.

Ошеломленный, Скотт посмотрел адвокату прямо в глаза. Едва заметно усмехнувшись, тот добавил:

– Предварительно мы произведем их оценку.

Не глядя на Скотта, Кейт положила руку ему на запястье. Все, что касалось матери, трогало его за живое, и мысль о том, что часть этих украшений будет принадлежать Амели, вызвала у него возмущение.

– Надеюсь, вы не будете возражать? – пренебрежительно бросил адвокат. – Вы получаете такие привилегии по завещанию, что...

– Я не получаю никаких привилегий и не собираюсь их добиваться. Я уважаю вдову моего отца и не ущемлю ее прав ни на йоту. Но я считаю, что многие вопросы можно уладить полюбовно, и вы напрасно подливаете масло в огонь, мэтр Форбс.

– Мне нравится, когда в делах есть порядок, мистер Скотт.

– Они в полном порядке! – запротестовал нотариус.

– Будут, когда я все проверю по пунктам. Я вижу огромную диспропорцию между законными ожиданиями моей клиентки и этим оскорбительным завещанием.

Нотариус откинулся в кресле, показывая, что он внимательно слушает.

– Получается, – с ухмылкой продолжал адвокат, – что моя клиентка вышла замуж за бедняка, который только казался богатым землевладельцем.

– Разумеется, если бы она вышла замуж ради его состояния, это было бы очень печально, но поскольку это не так...

Замечание, сказанное вполголоса Дэвидом, который до сих пор не проронил ни слова, вызвало бешеную реакцию Джона.

– А тебя никто не спрашивал, ничтожество!

– Успокойся! – прикрикнул на него Скотт.

– Господа, прошу вас, – вмешался нотариус. – Если есть другие вопросы, я готов на них ответить.

– В этом сейфе было только девять украшений?

– Да.

– Ладно, думаю, я составлю их список, чтобы решить, стоит ли подавать судебный иск, – высокомерно заявил Брюс Форбс. – Теперь же я прошу вас составить полную опись всего движимого имущества Джиллеспи в присутствии судебного оценщика.

Мойра заерзала на стуле, пытаясь привлечь к себе внимание Скотта, которому Кейт по-прежнему сжимала запястье. Но он не сводил глаз с нотариуса.

Тот медленно переспросил:

– Опись?

– Именно так. Я полагаю, что передача в дар Джиллеспи не подразумевает передачу обстановки, в том числе предметов искусства, которые, предположительно, могут там находиться. Возможно, что дарение относится только к дому и участку земли, составлявшим поместье в то время, без упоминания всяких подробностей. Если это так, то все, что находится внутри, считается собственностью Ангуса Джиллеспи на момент его смерти и, следовательно, является частью наследства.

После этого заявления наступила тишина.

Мойра казалась потрясенной, а Скотт теперь смотрел на ковер.

– Так что скоро вы вызовете нас снова, – заключил Форбс, вставая. – Заранее благодарю вас за передачу всех необходимых документов в мой кабинет.

Он протянул руку Амели, чтобы помочь ей встать с кресла, показывая этим жестом, что она действительно «его» клиентка.

– Моя секретарша вас проводит, – сказал нотариус, нажимая на кнопку звонка.

После минутного колебания Джон решил идти за матерью и адвокатом. Как только все трое вышли, Кейт испустила вздох облегчения.

– Объясните же мне, что из всего этого следует? – спросила она.

– Форбс будет во всем копать, выискивать ошибки в каждом слове. Но на сей раз, несмотря на свою репутацию успешного адвоката, он выбрал плохую тактику. В этом завещании нет ничего противозаконного, к тому же миссис Амели Джиллеспи не останется с пустыми руками, так как активы у нее немалые. Она также получит часть акций винокурни в Гриноке, которые я посоветовал бы вам у нее выкупить, Скотт, иначе она может продать их постороннему лицу. Что касается инвентаризации, у меня нет оснований в ней отказать.

Кивнув, Скотт молча взял из рук нотариуса кипу бумаг.

– Ин-вен-та-ри-за-ци-и? – повторила Мойра, отчеканивая каждый слог. – Чайных ложек и наволочек тоже?

– Боюсь, что да.

– О господи! Ангус, наверное, сейчас в гробу переворачивается!

Улыбнувшись, нотариус обратился к Кейт:

– Ваша мать наслушалась плохих советов. Такая семейная вражда ни к чему хорошему не приведет. Форбс пойдет на все, лишь бы заработать на этом деле как можно больше, ведь он получает не гонорар, а процент от выигранного. Это – хищник, для него человеческие отношения не имеют никакого значения.

– Простите за эту... безобразную сцену, – произнес Скотт сдавленным голосом.

– Не переживайте, я здесь и не такое видел. И подозревал, что это дело будет непростым!

Нотариус сам проводил их к выходу и попрощался с ними уже на улице – возможно, в знак сочувствия, но скорее, желая показать свое уважение к Скотту, который стал одним из его главных клиентов.

Они вчетвером сели в «Рейндж Ровер», но перед тем как тронуться, Скотт глубоко вздохнул и сказал:

– Наш нотариус сообщил мне, что это непростое дело... Поэтому не будем препятствовать, пусть проводят свою проклятую инвентаризацию... Что касается маминих драгоценностей, то я просто возмущен, но с этим можно подождать. Для меня сейчас главное – выкупить акции винокурни.

– Джон будет всячески противиться, просто из мести, – пробурчал Дэвид. – Он скорее продаст их одному из твоих конкурентов. Я хоть и «ничтожество», но точно знаю, что будет дальше.

Скотт обернулся к нему и ответил:

– Кузен Дэвид, ты мудрый человек, я всегда это говорил.

Он заставил себя улыбнуться, но когда отвернулся, улыбка мгновенно сошла с его лица, и оно вновь стало серьезным.

* * *

Сьюзен наконец убрала последнюю банку с краской и стремянку. Унылая служебная квартира, которую она полностью перекрасила, совершенно преобразилась и приобрела элегантный вид.

– Ты проделала адскую работу! – повторял Джордж.

Он разложил ломтики поджаренного бекона вокруг яичницы, положил сбоку треугольные тосты и поставил тарелки на стол.

– Теперь благодаря тебе здесь будет приятно жить.

Служебная квартира давала возможность неспешно завтракать, а эту трапезу он особенно любил. Сьюзен разлила кофе по чашкам и огляделась.

– Предыдущие жильцы были жуткие неряхи.

– Когда живешь в чужой квартире, тебе на нее наплевать.

– Мне не нравится такой подход. Для меня окружающая обстановка очень важна.

– Ну, для тебя конечно! – рассмеялся он.

У Сьюзен была довольно редкая среди женщин профессия: ремонт квартир. Многому она научилась у своего отца – мастера на все руки, живущего в Глазго; умела штукатурить и красить, чинить неисправные трубы и менять электропроводку. Джордж оплатил

материалы, но всю работу она сделала сама. Далеко не красавица – курносая, со впалыми щеками, – Сьюзен тем не менее выглядела очаровательно благодаря своей неотразимой улыбке и живым миндалевидным глазам. Она была воплощением доброты и жизнерадостности. Если Джордж в самом начале их отношений был не очень влюблен в Сьюзен, то через несколько месяцев просто не мог жить без нее. Единственная проблема заключалась в том, что Сьюзен не хотела бросать работу. Отдав много времени служебной квартире, она не успевала ремонтировать другие помещения прядильной фабрики и возвращалась поздно вечером совершенно измученная. Однако Джордж совсем иначе представлял себе совместную жизнь. Он хотел, чтобы она встречала его, когда он возвращается домой на ланч, и проводила с ним вместе долгие вечера. В будущем эти разногласия грозили перерасти в проблему, и это удерживало Джорджа от мыслей о браке.

– Как прошла встреча у нотариуса? – спросила она, и глаза ее загорелись любопытством.

– Плохо, по словам Джона.

– Это было ясно заранее. Твой брат *всегда* недоволен.

– У него есть оправдание... По крайней мере, сейчас. Но он и раньше был таким. Разумеется, мама во всем ему угождает. Она всегда его оправдывала, что бы он ни вытворял. Вот только ее ненависть к Скотту с годами поутихла, и ей действительно больше не хочется доставлять ему неприятности. И она довольно неоднозначно относится к адвокату.

– Почему? Если у нее есть право...

– Это еще предстоит доказать. Ангус совершенно законно передал свою собственность Скотту, но тогда он еще не был женат на маме.

– Судя по тому, что ты мне о нем рассказывал, он был жуткий ретроград и очень дорожил своими владениями, предками и званием землевладельца.

– Чтобы получить такое звание, достаточно купить участок земли!

– Здесь речь идет о родовой собственности. Когда земельные владения переходят от отца к сыну. Вот как сейчас Джиллеспи.

Джордж собрал остатки яйца с тарелки последним кусочком тоста.

– Адвокат будет затягивать дело. Он говорит, что готов бороться за каждую чайную ложку. Мойра в ярости.

– Надеюсь, она не устроит забастовку на кухне!

Сьюзен засмеялась, как всегда, радостно.

– Мне нравится твоя семья, – добавила она.

Это означало, что она готова стать ее частью.

– Мне пора на работу, – объявил Джордж, взглянув на стенные часы.

Скоро должны были прийти работницы, а ему нравилось наблюдать за началом производственного процесса. Он смотрел, как включаются ткацкие станки, как движется ленточный конвейер к трепальной машине, как мотки с ровницей вращаются на своих цилиндрах, как нить вытягивается из них, наматываясь на бобину. За несколько минут корпуса оживали и начинали гудеть, словно ульи, и только тогда он поднимался к себе в кабинет. Дональд появлялся на фабрике всего раз или два в неделю, поскольку Джордж больше не нуждался в его советах. Теперь он чувствовал, что у него достаточно опыта, чтобы самому принять решение о будущей коллекции, которая увеличит их оборот. Скоро он представит Скотту свой проект с цветными эскизами и сметой. Тартаны для пошива килтов и шарфов, свитера пастельных тонов, клетчатые пледы – он целыми днями анализировал возможный ассортимент. Осталось восстановить прежние каналы сбыта и найти новые.

– Хорошего дня, господин управляющий! – пошутила Сьюзен.

– Смеешься?

– Вообще-то, ты мне нравишься в костюме и с галстуком, у тебя такой импозантный вид!

И она снова рассмеялась. На ней самой был свитер, а поверх него рабочий комбинезон. Нельзя сказать, что его раздражала эта униформа, в которой Сьюзен выглядела каким-то сорванцом, но все-таки ему очень хотелось видеть ее в платье или в юбке.

Они по очереди спустились по внешней лестнице, и Джордж проводил ее до машины, а потом пошел открывать ворота. На востоке занималась заря, чистое небо обещало морозную, ясную погоду. Как только Сьюзен отъехала, впереди на дороге показалась машина с включенными фарами. Начиналось рабочее утро, и Джордж был к нему готов.

– Скотт, милый, уже поздно, – прошептала Кейт.

Выйдя из душа, он, вместо того чтобы выбрать рубашку и галстук, растянулся рядом с ней в постели и закрыл глаза.

– Ты устал?

– Да, – вздохнул он.

– Ты слишком много работаешь.

– Ты очень красивая утром, и мне хочется остаться с тобой. Провести бы весь день под одеялом – вот было бы блаженство!

Но он все-таки встал и начал одеваться. Кейт могла не торопиться – сегодня у нее не было занятий. Она собиралась накормить близнецов завтраком, а потом принять ванну с пеной – удовольствие, которое она редко себе позволяла.

– Поешь что-нибудь перед отъездом, – посоветовала она.

– Мойра об этом позаботится!

Скотт послал ей воздушный поцелуй, надел куртку и вышел. Сбегая по лестнице, он вспоминал, какие дела запланировал на сегодня, и оказалось, что их очень много. Однако профессиональные обязанности не тяготили его в отличие от семейных проблем.

– Похоже, ты сегодня в свое удовольствие повалялся в постели! – пошутил Дэвид, когда Скотт вошел в кухню.

– Сейчас только восемь часов! – возразила Мойра.

– Поздновато для меня, – признал Скотт.

Он махом проглотил тост, даже не успев намазать его маслом, и стоя выпил кофе.

– Судебный оценщик начинает инвентаризацию в десять утра, – напомнила Мойра притворно-небрежным тоном.

– Пусть делает свою работу.

– Конечно...

– Я не могу отменить утренние встречи – у меня важный клиент в Инверкипе. Вы справитесь сами?

– Не волнуйся.

Однако Мойра помрачнела, явно оскорбленная тем, что ей придется открывать постороннему все шкафы в доме. Пока Скотт в холле надевал пальто, его окликнула Бетти, которая в это время бегом спускалась с лестницы.

– Скотт, у вас есть минутка? Мне надо с вами срочно поговорить.

Запыхавшись, она облокотилась о стойку перил, которую украшал большой резной шар из хрусталя.

– Я вынуждена говорить с вами, потому что просто не знаю, к кому обратиться. Когда я спрашиваю Джона о его намерениях, он мне не отвечает, но мы должны срочно принять решение. Мой шеф во Франции отказался предоставить мне отпуск за свой счет и потребовал, чтобы я вернулась на работу. Мне придется уволиться – другого выхода нет. И выехать из арендованной квартиры, пока не вмешался судебный пристав, потому что нам нечем платить за аренду. Как вы думаете, смогу я найти здесь работу, хотя бы временную? Мне надо что-то делать, бездействие сводит меня с ума. И потом, нам будут нужны деньги, потому что Джон должен продолжать лечение. К сожалению, у нас нет медицинской страховки в Шотландии, для меня все это слишком сложно...

Ее подбородок задрожал – было видно, что ее нервы на пределе. Очевидно, она одна боролась с трудностями, а Джон показал свою полную неспособность помочь ей. Он, как всегда, рассчитывал на то, что его мать или жена со всем справятся сами.

– Я наводила справки повсюду, – продолжала она, борясь с волнением, – и выяснила, что нам придется ехать в Эдинбург. Там есть специализированная больница. Не знаю, какие действия надо предпринять, чтобы Джона туда приняли, но я добьюсь этого. Его лечение нельзя прерывать ни при каких обстоятельствах!

– У него по-прежнему двойное гражданство – французское и шотландское, так что все должно получиться. Запишите его на прием к врачу, Бетти, и пойдите вместе с ним. Если вам понадобятся деньги, мы вам поможем, пусть вас это не беспокоит. Что касается работы, сейчас мне нечего вам предложить, но я поговорю со знакомыми.

На лице Бетти выразилось такое облегчение, что Скотт был искренне тронут.

– Спасибо вам от всего сердца, Скотт. Я знаю, что Джон ведет себя с вами отвратительно, и опасалась вашей реакции. Вы могли бы послать меня к черту, я бы это поняла.

– Нет, только не вас, Бетти.

Этими словами он дал ей понять, что она его друг, в отличие от Джона. Помогать ему – больному или здоровому – у него не было ни

малейшего желания. Джон оскорблял Скотта по любому поводу, и его возвращение во Францию восстановило бы в семье мир. Приехав сюда ради своих личных интересов, он неустанно сеял раздор между родственниками. Его влияние на мать ничуть не ослабело, и он пользовался им без зазрения совести. Поэтому, хоть он и был братом Кейт, Скотт не питал к нему никакого уважения. Джордж и Филип за несколько лет изменились в лучшую сторону, и оба нашли свой путь, в то время как Джон постоянно терпел неудачи и озлоблялся все сильнее. Что касается его болезни, то он сам пошел на риск, занимаясь сексом без презерватива, и теперь злился на весь белый свет, особенно на Скотта, не признавая собственной вины. Он бродил по Джиллеспи с выражением глубокой скуки на лице или шушукался с Амели в ее комнате, откуда всегда выходил очень возбужденный. Он считал нормальным жить на иждивении семьи, которую открыто презирал. Даже при встрече с близнецами, которые очаровывали буквально всех, он не выказывал ничего, кроме равнодушия или раздражения. Его поведение выводило Скотта из себя, но что он мог сделать? Невозможно было выгнать его вот так, без гроша в кармане – от этого прежде всего пострадала бы Бетти. К тому же эта ситуация явно ее мучила: она сильно изменилась с той поры, когда работала бухгалтером на винокурне в Гриноке. Тогда она была улыбчивой и открытой молодой женщиной, а теперь выглядела потухшей, разочарованной, раздавленной свалившейся на нее ответственностью. И все же Бетти хотела бороться – то ли из любви к мужу, то ли из чувства долга – и хотя бы этим заслуживала уважения.

Скотт спешил в Инверкип, пытаясь разобраться в своих противоречивых мыслях. Амели, с которой он не хотел вступать в конфликт, отчаянное положение Бетти, и, наконец, нависшая над Джоном угроза смерти – все это мешало ему высказать обвинения шурину. Оставалось только терпеть – и неизвестно, как долго. Но, по крайней мере, он собирался ответить ударом на удар заносчивому Брюсу Форбсу. Может, ему тоже стоит нанять адвоката? Мог ли он представить, что передача наследства будет полностью остановлена? Что драгоценности его матери попадут к Амели? Что серебро и утварь его предков будут разделены на части, и некоторые проданы? Что какой-нибудь его конкурент на рынке виски станет акционером винокурни Джиллеспи? Было от чего прийти в ярость. Он вовсе не

хотел оставлять Амели ни с чем. Наоборот, он хорошо помнил обещание, данное отцу, и собирался его выполнить. Скотт даже рассматривал возможность выделить ренту для своей тещи, если сумма, которую она получит, окажется недостаточной. Он всегда воспринимал ее как хозяйку Джиллеспи, в полном согласии с Кейт. Все могло бы прекрасно устроиться, если бы не вмешался Джон. А теперь Скотт чувствовал себя загнанным в угол. Даже если ему удастся быстро продать квартиру, получит ли он за нее достаточную сумму, чтобы выкупить акции Амели? И согласится ли она их продать, целиком находясь под влиянием Джона?

Погруженный в эти мысли, он чуть не пропустил поворот и сразу же притормозил. Если он попадет в аварию, это не решит его проблем. И он был единственным, кто мог найти им решение. Кейт не сможет ему помочь, ведь речь идет о ее матери и брате. Подъезжая к винокурне, он решил на время забыть о семье и посвятить себя делам.

* * *

Стоя около Мойры, Филип и Малькольм следили за ее действиями.

– Я вывернула рубец, хорошенько его промыла и оставила на ночь в соленой воде, – напомнила она. – А два часа назад поставила томиться на маленьком огне потроха и почки.

– Потроха – это печенька, сердце и легкие? – спросил Филип.

– Совершенно верно. Теперь я вынимаю их из воды и удаляю хрящи и трахею.

– Ужас какой... – заметил Малькольм. – Но потом это будет так вкусно!

– Не закрывай глаза, смотри, как это надо делать, – возразил ему Филип, смеясь.

– Ты провернешь все в мясорубке, Мойра?

– Нет! Я всегда рублю ножом. Этому надо научиться.

Они зачарованно следили за тем, как ловко она разделяет бараньи потроха.

– Мальчики, вы почистили мне лук? Тогда мы его сейчас забланшируем, а луковую воду сохраним. Пусть один из вас возьмет

сковородку и поджарит на ней овсяные хлопья, чтобы они хрустели.

Этим занялся Малькольм, а Филип спросил:

– А что с инвентаризацией, Мойра?

Застыв на мгновение с ножом в руке, она вдруг с размаха воткнула его в деревянную доску.

– Возмутительно! Оценщик не грубил, он даже пытался вести себя скромно, но я прямо заболела, глядя на то, как он всюду роется. Это вторжение в нашу частную жизнь. Он пооткрывал все ящики, несколько часов все записывал, а с ним еще были два стажера! В галерее на втором этаже его заинтересовала серия пастелей. Кажется, они имеют определенную ценность, так же как и мебель в спальне Ангуса и два комода в холле. А напоследок он пошел в сад составлять опись садовых инструментов – ну, ничего не упустил: ни косилку, ни кусторез – я даже испугалась, что Дэвид не выдержит и сорвется.

– Зато теперь вы будете знать стоимость всего, что вас окружает, – с иронией заметил Малькольм.

Потрясенная, Мойра бросила на него подозрительный взгляд, но увидела, что он шутит.

– Ладно, сменим тему, – предложила она. – Теперь мы это смешаем, добавляя луковую воду. Надо все как следует растереть, чтобы масса была густой и однородной.

– Можно я попробую? – спросил Филип.

– Конечно, только не халтурь. Это будет первый хаггис, который делаю не я!

Она достала из воды овечий рубец и тщательно его вытерла.

– Когда Филип закончит месить, мы его наполним, но только на две трети. Удалим воздух и зашьем посередине, а потом проткнем рубец иглой, чтобы он не лопнул во время приготовления.

– А сколько он готовится?

– Три-четыре часа.

– Боже! Это когда же мы будем ужинать?

– А вы рассчитывали его есть? Я-то думала, что вы здесь ради рецепта...

Она увидела их расстроенные лица и улыбнулась:

– Ладно, не волнуйтесь, здесь хватит на всех, и вы можете остаться до вечера. Скотт вернется поздно, и мы сядем за стол не раньше половины девятого.

Амели, которая считала, что шотландцы едят слишком рано, уже давно навязала семье свой режим. Зато ей так и не удалось стать хозяйкой на кухне, и в конце концов она полностью предоставила ее Мойре.

Джон ворвался в кухню в ту минуту, когда Мойра накрывала кастрюлю крышкой.

– Что это за мерзкий запах? – спросил он, поморщившись от отвращения.

– Мы готовим хаггис, – объяснил Филип.

– Как вы можете это есть?!

Землистый цвет лица и темные круги под глазами придавали ему изможденный вид. Жалостливая Мойра предложила ему другой ужин:

– Если хочешь, я сделаю тебе омлет.

Пожав плечами, он отказался:

– Ограничусь твоим пюре. Ты ведь его приготовишь в качестве гарнира к этой гадости?

– Не груби, все обожают хаггис. Даже твоя мать оценила его.

Джон достал из кармана коробочку с таблетками. Он должен был принимать их в определенное время, и каждый раз это было для него пыткой. Запив их водой прямо из-под крана, он объявил:

– В конечном счете эта халупа оказалась настоящей сокровищницей! У оценщика вырисовывается порядочная сумма!

Мойра ничего не ответила на эту провокацию, только уменьшила огонь под кастрюлей. Филип и Малькольм обменялись взглядами, что не ускользнуло от Джона, и он грубо окликнул их:

– Ну что, голубки, вас это шокирует? Тебе, Филип, наплевать на маму с высокой колокольни: если бы я не приехал, защитить ее было бы некому. Джордж пляшет на задних лапках перед Скоттом, я уж не говорю о Кейт!

– Все можно уладить спокойно, мы не такие агрессивные, как ты, – сдержанно сказал Филип.

– Потому что вы здоровы! Это у вас вся жизнь впереди, а не у меня!

Джон так кричал, что его голос на последних словах сорвался. Он вышел из кухни, хлопнув дверью с такой силой, что задрожали стекла.

Все подавленно молчали, а потом Малькольм пробурчал:

– Вау! Судя по всему, ему очень паршиво. Думаю, его можно понять и даже пожалеть.

– Теперь я жалею, что ответил ему, лучше уж помалкивать.

– Не знаю, как бы мы себя вели на его месте, – вмешалась Мойра. – Ему, наверное, очень тяжело.

– Его окружению тоже, – заметил Филип. – Достаточно посмотреть на Бетти...

Их недавнее веселье исчезло без следа, уступив место смутному беспокойству.

– Черт! Когда же изобретут вакцину от этой проклятой болезни!

Один из близких друзей Малькольма умирал от СПИДа, что объясняло его ярость, хотя обычно он был очень сдержан в выражениях.

– Пока идут поиски чудодейственного средства, наука не стоит на месте. Если Джон продолжит терапию, его состояние может стабилизироваться и болезнь не будет прогрессировать. Я знаю, что на этой неделе он едет к врачу в Эдинбург, Бетти сделала невозможное, чтобы записать его на прием.

Мойра взглянула на карманные часы – они достались ей в наследство, и она теперь с ними не расставалась. Вернувшись домой после визита к нотариусу, она сразу достала их из письменного стола Ангуса, боясь, что их могут по ошибке включить в инвентаризацию.

– Мальчишки, займите себя чем-нибудь до вечера.

– Я захватил с собой альбом для рисования и угольный карандаш, – сообщил Малькольм. – Поднимусь на бельведер и сделаю несколько набросков.

– Достань ключ из этого ящика. Я закрыла решетку наверху, чтобы близнецы туда не забрались. Никогда не знаешь, что может прийти в голову этим детям.

– Когда Кейт была девочкой, бельведер был ее любимым местом, – с улыбкой вспомнил Филип. Там она ждала приезда Скотта, как принцесса в башне!

Он подмигнул Малькольму и добавил:

– Надеюсь, пейзаж тебя вдохновит. А пока ты рисуешь, я почищу картошку.

– А ты не хочешь воспользоваться случаем и тоже поработать?

– Я не захватил планшета, сегодня у меня творческий отпуск.

Когда Малькольм вышел из кухни, Филип достал из корзинки для газет старый выпуск «Дейли рекорд^[15]» и разложил его на столе.

– У парня потрясающий талант, но он об этом не знает...

– Вы оба очень талантливы, – возразила Мойра.

– Не сравнивай. Рядом с ним я – просто ремесленник. Рядовой рисовальщик.

– Ты себя недооцениваешь.

– Нет, Мойра, я смотрю на себя трезво. Наверное, я смогу хорошо зарабатывать на жизнь комиксами, и мне нравится эта профессия, а вот Малькольм станет настоящим художником... который, может быть, не продаст ни одной своей картины.

– Жизнь несправедлива, кто ж этого не знает, – вздохнула Мойра. На мгновение она задумалась, а потом решила приготовить торт, чтобы побаловать близнецов. У них единственных в этом доме пока что не было никаких забот.

* * *

– Нет, – повторил Крейг, – он спросил меня именно так: «Вам нравится моя жена?»

Он вернул Кейт выстиранные и выглаженные джинсы и теперь с улыбкой описывал свой короткий разговор со Скоттом.

– С твоим мужем нелегко разговаривать, когда он раздражен! Как я ни уверял его, что мне не нужно ничего, кроме твоей дружбы, он готов был полезть в драку.

– Да, Скотт очень ревнив, – с грустью призналась Кейт. – А я не переношу ревность.

Они сидели в учительской и пили из пластмассовых стаканчиков обжигающий кофе. Тьма быстро сгущалась, по запотевшим оконным стеклам хлестал шквальный дождь.

– Совсем не похоже, что скоро весна, – добавил Крейг, взглянув в окно.

Кейт рассеянно кивнула. Скотт не упомянул об этом кратком разговоре, очевидно, опасаясь ее реакции. Впрочем, он в тот же вечер пообещал больше никогда не говорить о Крейге. Но пока она была в школе, воображение, наверное, рисовало ему разные сцены. Хотя

ничего такого не происходило – ну, *почти* ничего. Крейг и вправду искал ее общества, часто предлагал выпить кофе или чая между уроками, а когда она сидела в учительской и проверяла домашние задания, заходил туда под разными предлогами. Действительно ли только ради удовольствия поговорить о литературе? Она начинала в этом сомневаться. И может ли вообще идти речь о дружбе между мужчиной и женщиной одного поколения, к тому же очень привлекательных? С тех пор как Скотт обнаружил свою ревность, она стала внимательнее приглядываться к поведению Крейга и теперь замечала его пристальные взгляды и обольстительную улыбку. Он вел себя с ней совсем не так, как с другими коллегами, его безудержный смех или приступы лирического вдохновения, когда он декламировал стихи шотландских поэтов, предназначались только ей одной.

– Когда Скотт задал тебе этот вопрос, что ты ответил? – поинтересовалась она.

– Я сказал: «А кому она не нравится?» Звучит провокационно, согласен, но и вопрос был не лучше. Ты, конечно, заметила, что я ему неприятен. И я убежден, что любой мужчина, который к тебе приблизится – если только он не полный урод, – встретит от него такой же прием.

Кейт хотелось заступиться за мужа, но она все еще не забыла его приступов ревности, да и Крейг, вероятно, был прав.

– Скотту сейчас приходится решать сотни вопросов, – все-таки возразила она. – Он выпустил на рынок новый виски пятнадцатилетней выдержки и пытается его продвигать. Его секретарша ушла в декретный отпуск, и он не может найти ей подходящую замену. Не успел он доверить управление прядильной фабрикой моему брату Джорджу, как появился Джон и создал ему кучу проблем с наследством. Адвокат мамы вцепился в нас как бешеный бульдог, и если все будет продолжаться в том же духе, судебные приставы наложат на Джиллеспи арест! Скотт пытается сохранять спокойствие, потому что он уважает мою мать и знает, что Джон болен, но в душе он весь кипит. В каком-то смысле это война моей семьи против его, а я нахожусь между ними.

– Бедная Кейт...

– Нет, меня не за что жалеть! – возразила она, улыбаясь.

Крейг умел слушать и сочувствовать – это ценное качество, но оно подталкивало Кейт к признаниям, что было ей совершенно несвойственно.

– Мы опять уходим последними, – заметила она, указав на большие настенные часы.

Струи дождя казались цветными в свете прожекторов, горевших на школьном дворе. Кейт сняла с вешалки плащ, и Крейг помог надеть его.

– Ты всегда вынуждаешь меня говорить о себе, а вот я совсем немного знаю о твоей жизни, – добавила она. – В следующий раз рассказывать будешь ты!

– Неужели тебе это интересно? – шутливо спросил он.

И положил ей руку на плечо. Он часто делал это, но сейчас Кейт вдруг почувствовала смущение. Дружескую фамильярность, установившуюся между ними, можно было интерпретировать по-разному. Она вдруг поняла это и сразу пожалела, что позволила ситуации зайти так далеко. Однако она не могла внезапно оставить Крейга и убежать, потому что обычно они возвращались к своим машинам вместе.

– Я уже опаздываю, дети, наверное, заждались меня.

Схватив портфель, Кейт вышла первая и торопливо пересекла двор.

– До завтра, Крейг! – крикнула она ему, садясь за руль.

Ее сердце билось немного быстрее обычного, как будто ей только что удалось избежать опасности. Но она сама была виновата и прекрасно это понимала. Почему она не устояла перед соблазном понравиться ему? «Ведь дело только в этом», – убеждала себя Кейт. Безумная любовь к Скотту возникла в ее жизни так рано, что она не успела заинтересоваться другими мужчинами. Если не считать злополучного «жениха», у нее не было ни малейшего опыта флирта с молодыми людьми. Ее ровесницы развлекались, пока она неотступно мечтала о Скотте, и до их первой ночи Кейт была девственницей. Неопытная в игре обольщения, она не знала и ее правил, однако ясно видела, что отношения с Крейгом принимают опасный оборот.

Кейт медленно ехала в Джиллеспи, пытаясь припомнить все случаи, когда они оставались наедине, – а их было много! Его комплименты отличались такой непосредственностью и

искренностью, что она позволила себе поддаться на его лесть. Может, она этим подала ему надежду? И разве ей самой общение с ним не доставляло удовольствия?

– «Я должна положить этому конец, – думала она. – Это ловушка, и я рискую в нее угодить. У Скотта не зря возникло такое предчувствие, и может быть, он не болезненный ревнивец, а мудрый муж?»

Ей не терпелось узнать, вернулся ли он домой, и, припарковав машину, она торопливо поднялась на крыльцо и направилась на кухню, где обычно в этот час собиралась вся семья. Однако на кухне оказалась только Мойра, которая была занята приготовлением крошечных тостов с огурцом и лососем.

– А у нас гостья! – объявила она. – Скотт с ней в гостиной, это его новая секретарша.

– А где дети?

– Твоя мать их сейчас купает.

– Почему она никогда не ждет меня?

– Потому что она обожает заниматься ими сама.

– Я тоже, – сердито заметила Кейт.

Войдя в гостиную, она увидела Скотта, Филипа с Малькольмом и очень красивую молодую женщину, которая сразу же подошла к ней, приветливо протянув руку.

– Добрый вечер! Вы – Кейт, не правда ли? Эти господа только что говорили о вас. Меня зовут Грейс, и ваш муж сегодня утром взял меня на работу вместо своей бывшей секретарши.

Кейт машинально улыбнулась:

– Рада познакомиться...

Грейс оказалась выше ее, на ней был элегантный черный костюм, который оживляли ярко-красная блузка и туфли-лодочки на умопомрачительных каблуках. Кейт, в своем повседневном «школьном» свитере с высоким воротом и в мокасинах на плоской подошве, почувствовала себя бедной Золушкой. К тому же у Грейс были красивые серые глаза, которые она умело подкрашивала, тонкие черты лица и белокурые локоны до плеч. На такую женщину, наверное, оборачиваются все мужчины.

– Мы дегустировали пятнадцатилетний виски из Инверкипа, – продолжала Грейс, – он совершенно замечательный...

Так-так, значит, она еще и разбирается в виски?

– Я бы сказала, что он *полнотелый*, у него богатый букет. Аромат пряный, с ноткой кожи, а травянистый оттенок, наверное, дает гвоздика?

Радостное лицо Скотта говорило о том, что Грейс не ошиблась. Он счел нужным пояснить:

– Грейс три года работала в Гленфиддих^[16].

– Я ушла оттуда, – подхватила Грейс, – потому что устала от Хайленда^[17] и Спейсайд^[18]. Там рядом нет большого города, а мне хотелось быть поближе к Глазго или Эдинбургу и, если возможно, по-прежнему работать на винокурне. Объявление Скотта появилось как нельзя кстати!

Повернувшись, она благодарно улыбнулась ему и поставила пустой бокал на столик. Кейт молчала, и Филип, должно быть почувствовавший ее замешательство, объявил:

– Сегодня мы готовили вместе с Мойрой хаггис! Так что вечером будет пир!

– Пойду загляну к детям, – сказала Кейт и заставила себя улыбнуться.

Почему ее так встревожило неожиданное появление этой женщины? Полностью поглощенная близнецами, домом, работой в школе, она редко бывала на винокурнях и почти не знала тех, кто работает у Скотта. Его предыдущая секретарша была серенькой мышкой, а эта Грейс – настоящая красotka. Устоит ли он, если она все время будет рядом?

– Хочешь, я поднимусь с тобой? – спросил он ее, обняв за талию.

– Нет, я ненадолго.

Он прижал ее к себе, потом отпустил. Никогда Скотт не упускал случая поцеловать ее, обнять, сказать комплимент. Встречаться с ним дома по вечерам было настоящей радостью, так почему же у нее так испортилось настроение?

В ванной комнате плескались и хохотали близнецы: Амели, сидя на краю ванны, смеялась вместе с ними. Увидев мать, дети радостно закричали и начали брызгаться водой. Кейт позволила себе ненадолго включиться в игру, а потом начала вытирать Ханну, пока Амели занималась Люком.

– Дэвид сделал им кегли из пенопласта – их теперь не оторвешь от этой игры! Так что нечего тратиться на игрушки! Разумеется, теперь у них в комнате полный кавардак! Но сегодня полдня шел дождь, и я не смогла вывести их на улицу.

– Тогда я пойду приберу у них, – предложила Кейт.

– А я пока надену на них пижамы.

Кейт постоянно удивляла безудержная любовь матери к близнецам. Она не помнила, чтобы Амели так возилась с ней в детстве. Правда, в то время Амели приходилось иметь дело с проказами старших сыновей, и к концу дня она была уже без сил. Войдя в детскую, Кейт поспешно собрала плюшевые игрушки и маленькие машинки, разбросанные среди тех самых кеглей. Перестелив кровати, она приоткрыла окно, неотступно думая о Грейс, о ее светлых локонах, о ее сногшибательных лодочках. И особенно о том, с каким апломбом она говорила о виски. Если не считать шампанского по особым случаям и время от времени – бокала пива или шардоне, Кейт пила очень мало. И не могла бы вынести обоснованное суждение о том или ином сорте виски. Выйдя в галерею, она заметила, что в ванной комнате темно. Мать, наверное, уже спустилась с близнецами на ужин, и у нее есть пять минут передышки. Она побежала в свою комнату, сбросила скромную учительскую одежду и облачилась в мини-юбку с блузкой. Но ее тут же охватили сомнения. Что о ней подумают, увидев кокетливо одетой? Что она собирается соперничать с этой особой? В конце концов Кейт только сменила плоские мокасины на простые лакированные лодочки, слегка подушилась и спустилась по лестнице. Оказавшись внизу, она остановилась в нерешительности: ей хотелось вернуться в гостиную, но не меньше соблазняла мысль собственноручно приготовить детям ужин. И Кейт решительно направилась на кухню.

* * *

Вечер затянулся, и Грейс собралась уезжать только около полуночи. За столом она пила одну воду, объяснив, что ей предстоит сесть за руль. Скотт вышел проводить ее до машины и немного

задержался. Когда он вернулся, Филип и Малькольм обнимались с Кейт, тоже собираясь уезжать.

– Ну, как она вам показалась? – поинтересовался Скотт.

– Прямо вырви глаз! – бросил Малькольм.

Глядя на удивленного Скотта, Филип добавил:

– Слишком яркая для простой секретарши. Будь она твоим директором по маркетингу или по связям с общественностью, тогда другое дело.

– Ты думаешь?

– Скажем, она очень гламурная. Все работники-мужчины на твоих винокурнях начнут за ней ухаживать.

– Это все-таки нельзя назвать недостатком! Просто она приоделась на ужин, потому что не знала, чего ожидать.

– По-моему, лучше не дотянуть с элегантностью, чем являться при полном параде, – постановил Филип.

– Вы беспощадны!

– А ты слишком любезен с красивыми женщинами. Знаешь что? Она мне напомнила Мэри...

Сказав это, Филип тут же пожалел о своих словах, сообразив, что напоминать о бывшей невесте Скотта бестактно по отношению к сестре. Мэри как стилист была очень элегантна и носила одежду безупречного кроя, которая идеально сидела на ней. Тогда она надеялась на предложение руки и сердца, но, к ее великому разочарованию, Скотт от него уклонился.

– Не надо судить о ней по внешности, лучше скажите, обладает ли она необходимыми качествами? Опыт, который она получила в Гленфиддих, впечатляет. Конечно, у меня производство виски более кустарное.

– Почему же она согласилась перейти к тебе? – насмешливо спросила Кейт, считая, что о Грейс говорят слишком много.

– Там она была одной из многих, а здесь она станет моим личным секретарем. Наверное, она воспринимает это как повышение, но, боюсь, на нее свалится столько работы, что она одна не справится.

Малькольм начал собираться, и взгляд Кейт упал на его блокнот для эскизов.

– Подожди минутку! Покажи мне это...

Она протянула руку и взяла блокнот, открытый на великолепном рисунке углем.

– Это же вид с бельведера! Обожаю его, а у тебя он даже лучше, чем в реальности! В твоём пейзаже столько пронзительной грусти...

– Просто шел дождь, – словно оправдываясь, ответил Малькольм.

– Как мне нравится твой рисунок, ты не представляешь, что он значит для меня. Может, подаришь?

– Нет, это же просто эскиз, к тому же незаконченный. Я собираюсь еще не раз подняться туда и порисовать.

– Ну, как хочешь.

– Если он напишет настоящую картину, тебе придется ее купить, – предупредил Филип. – Впрочем, это будет хорошее вложение денег.

– Я подарю ее тебе, Кейт.

Они вышли, держась за руки, и Скотт запер за ними дверь.

– Рисунок просто великолепен, – сказал он Кейт. – Нам надо больше интересоваться работами Малькольма; думаю, Филип прав, говоря, что он талантлив.

– Речь идет об этом смазливом пачкуне? – презрительно бросил Джон, спускаясь с лестницы.

Он вцепился в перила и присел на ступеньку, обхватив голову руками.

– До сих пор воняет этим хаггисом... Проклятие, как же мне плохо от всех этих гребаных лекарств...

– Слава богу, что они есть, – заметил Скотт.

– Спасибо, утешил, тебе больше нечего мне сказать?

– Налить тебе воды? – вмешалась Кейт. – Давай, я помогу тебе подняться наверх.

– Нет, мне надо размять ноги. Бетти спит, а я могу ее разбудить, ходя кругами по комнате. Завтра мы едем в Эдинбург на прием к врачу. Надеюсь, шотландские врачи не совсем безграмотны!

– Почему это они безграмотны? Тебя будут очень хорошо лечить, вот увидишь.

– Вечно ты со своим оптимизмом, сестренка! То, чем я болен, не вылечивается.

– Но они помогут тебе, назначат поддерживающую терапию. Болезнь не будет развиваться дальше.

– Хотел бы я в это верить так же, как ты.

Это была первая фраза, которая прозвучала неагрессивно. Кейт поняла, что временами он испытывает жуткий страх перед смертью, и это ее потрясло.

– В гостиной еще долго будет гореть камин, там много угля, а на полках – полно газет. Иди туда, отдохни, – предложил Скотт.

Джон встал, но на последней ступеньке споткнулся и чуть не упал. Проходя мимо Скотта, он даже не посчитал нужным хотя бы из вежливости взглянуть на него, не то что улыбнуться.

– Бедняга... – вздохнула Кейт ему вслед.

Скотт хотел ответить, но промолчал. Он избегал всякой критики в адрес Джона, особенно в присутствии жены, однако она знала, как тяжело давалось ему это сосуществование под одной крышей. Он так и не смирился с инвентаризацией дома, и даже не удосужился просмотреть опись, хотя оценщик оставил ему копию. Кейт положила ее в папку с надписью «Наследство» и отнесла в кабинет Ангуса. Эта комната пока оставалась незанятой, но Кейт была убеждена, что однажды Скотт займет ее. Его собственный кабинет на втором этаже был не таким удобным, и ему часто хотелось, чтобы его окружала отцовская мебель – с ней было связано столько детских воспоминаний. Но сначала должен закончиться траур, чтобы он смог перевернуть эту страницу жизни и забыть тот злосчастный рождественский вечер.

Джон побрел в гостиную, а Кейт и Скотт пошли вверх. Поднявшись на галерею, Скотт заметил:

– Почему твой брат вечно на всех нападает? Малькольм – не пачкун, хаггис Мойры восхитителен, а наши шотландские врачи лучше многих.

– Я знаю, что он тебя раздражает и усложняет жизнь.

– Это еще слабо сказано!

– К тому же он живет в твоём доме вместе с женой, ты их кормишь и...

– Джиллеспи – это наш дом, дорогая. Разве ты не считаешь его своим?

– О да, конечно!

– Слава богу! Ладно, у Джона есть оправдания, я понимаю. Но, по-моему, он еще и играет на публику.

– Возможно, на его месте мы вели бы себя так же.

– Не все больные изо дня в день отравляют жизнь окружающим.

Они вошли в спальню, Скотт закрыл дверь и с волнением спросил:

– Я заметил, что ты весь вечер была не в своей тарелке. Если тебе неприятно то, что я взял на работу Грейс, скажи мне об этом прямо.

– Ну... Она чертовски красива, и я чувствовала себя немного... задвинутой на второй план.

– Кейт! Ты для меня – самая красивая женщина в мире и будешь ею всегда, даже когда превратишься в пожилую даму. Я не лукавлю: я действительно вижу, что в Грейс есть все, чтобы нравиться мужчинам. Тем лучше для нее. Но для меня существуешь только ты, только тебя я люблю, и только тебя хочу. «На второй план»? Да ты с ума сошла!

Скотт привлек ее к себе и поцеловал со своей обычной страстью. Что могла она возразить после такого заявления? Он предупредил малейшую возможность конфликта. И было бы неуместно проявлять ревность, в которой она сама же его упрекала, общаясь с Крейгом ежедневно.

Кейт немного отстранилась и погрузила взгляд в его темно-синие глаза. Они смотрели прямо на нее с нежностью и любовью.

– У Грейс будет месячный испытательный срок, – добавил он. – И я не стану подписывать с ней контракт, если тебе это неприятно, подыщу кого-нибудь другого.

– Нет, тебе и так трудно было найти секретаршу, а учитывая ее опыт работы, думаю, она знающая.

– Сначала ей придется это доказать. К тому же она может не понравиться в Гриноке.

Обсуждение закончилось, и Кейт не стала его возобновлять. Но она пообещала себе обратить внимание на поведение Скотта в ближайшие недели. Интуитивно она понимала, что ни один мужчина не может оставаться абсолютно равнодушным к такой женщине, как Грейс. Но она не могла допустить, чтобы их брак подвергся хотя бы малейшему риску. Наивность, которую ей обычно приписывали, была мифом, Кейт была далеко не так наивна, как о ней думали, и достаточно проницательна; она понимала, что даже сильная любовь иногда не может помешать легкому увлечению. Разве она не испытывала именно такое чувство к Крейгу? Кейт убеждала себя, что это всего лишь симпатия, дружба, и тем не менее между ними

возникло что-то похожее. А если Скотт попал в такую же ловушку? Ужаснувшись от этой мысли, она бросилась к мужу и крепко обняла его. Скотт тут же поднял ее на руки и отнес на кровать.

Прошло три недели, и наконец наступила весна. На всем западном побережье от легкого, но упорного ветра дрожал лиловый вереск, а на склонах холмов среди ив и кустов можжевельника расцветал чертополох. Каждое утро, направляясь в Гринок, Скотт по дороге наслаждался этим пейзажем, чувствуя, какое умиротворение нисходит в его душу. Он постепенно примирился с внезапной смертью отца и теперь был ему бесконечно благодарен за то, что тот сумел заранее передать ему все права. Если бы Скотт не управлял винокурнями задолго до этого, он никогда не справился бы с ними. И семейное дело Джиллеспи постигла бы судьба остального наследства. Когда-нибудь, через много лет, Скотт поступит так же со своими детьми, чтобы предоставить им такой же шанс и сохранить семейное наследие.

Въехав во двор винокурни с некоторым опозданием (он остановился в дороге, заглядевшись на летящего тетерева), он увидел машину Грэма и вспомнил, что они договаривались о встрече. Скотт поспешил в свой кабинет, приветствуя на ходу служащих.

– А, вот и вы! – радостно воскликнула Грейс, перехватив его в коридоре. – Я проводила вашего друга в переговорную комнату, принесла ему чай и посидела с ним немного.

– Спасибо, я сейчас приду. Срочные дела есть?

– До десяти часов – ничего. Но звонил ваш нотариус, он хочет, чтобы вы заехали к нему сегодня или завтра.

– У меня есть на это время?

– У вас встреча в Глазго в семнадцать часов, а потом вы можете поехать к нему.

– Отлично.

Скотт направился в переговорную комнату, но успел обратить внимание на облегающую юбку Грейс и низкий вырез ее тонкого свитера.

– Проспал? – спросил Грэм, увидев Скотта.

– Ехал медленно и любовался пейзажами. Сплошной восторг!

– Я тоже любовался, но – не сбавляя скорости.

– Мы ездим по разным дорогам. Ты – горожанин, а я – сельский житель.

Разговор прервала Грейс, войдя с дымящимся чайничком и чашкой для Скотта. Одарив их ослепительной улыбкой, она вышла, и Грэм тихо произнес:

– Надеюсь, ты не собираешься оставлять ее здесь?

– Почему?

– Послушай, Скотт, она же здесь совершенно не к месту! И дело даже не в этом. Судя по всему, она ищет себе мужа. И явно к тебе равнодушна.

– Ко мне? Но это же глупо, я женат.

– Ну и что? Думаешь, это останавливает таких женщин?

Скотт улыбнулся; серьезность Грэма его забавляла. Но тот не отступал.

– Слушай, я знаю здесь всех. И несколько минут, пока Грейс заваривала чай, разговаривал с твоей бухгалтершей. Эта славная женщина очень встревожена, и не она одна! Грейс постоянно задает вопросы о тебе, о твоей семье, о счетах твоих компаний, и даже о Кейт. Меня она тоже допрашивала, думая, что делает это незаметно.

– Правда?

– Поинтересуйся у других.

Став серьезным, Скотт внимательно посмотрел на друга.

– Ты не находишь, что это – обычная зависть? Ее элегантная манера одеваться, очарование, которое уже оценили все мои посетители, не говоря уже о ее знаниях производства виски, могут раздражать некоторых моих служащих. И ты сам знаешь, что новых сотрудников не всегда ожидает хороший прием.

– Возможно. Но она к тому же не соответствует имиджу твоей компании.

– Я всю жизнь пытаюсь обновить этот имидж! Найти баланс между традицией и современностью. Традиций у меня более чем достаточно, а вот в остальном...

– Остальное зависит не от секретарши. Ты соблазнился, потому что она всех поражает, и, если уж быть откровенным, тебя она тоже поразила, хоть ты и отказываешься в этом признаваться.

Помолчав, Скотт ворчливо заметил:

– Ну, сегодня ты со мной суров!

– Скотт, я тебя знаю. Несколько лет назад ты был ослеплен Мэри. Любви у тебя особой не было, но хотел ты ее безумно. Рано или поздно в общении с Грейс ты...

– Нет! Для меня существует только Кейт. И не спорь со мной, Грэм.

– Ты себя переоцениваешь. Я только что заглянул в ее декольте, пока она наливала мне чай, и не могу сказать, что оно оставило меня равнодушным. Хотя я искренне люблю Пат. Словом, я тебя предупредил, а ты делай что хочешь.

Скотт озадаченно молчал. Он привык прислушиваться к советам Грэма, который был ему надежным другом.

– И последнее, Скотт. Спроси себя: нет ли в этом желания взять реванш?

– За кого?

– За некоего Крейга, которого ты терпеть не можешь. Твоя жена заставила тебя ревновать, и ты таким образом посылаешь ей ответный шар.

– Ах, этот... Честно говоря, я больше и не вспоминал о нем.

– Неужели? Ладно, я приехал не для того, чтобы вмешиваться в твою личную жизнь, а чтобы поговорить о твоей квартире в Глазго. У меня есть покупатель. Его цена немного ниже той, что ты назначил, но в нынешней ситуации это не так уж мало.

– Мне скоро понадобятся деньги. Сегодня вечером нотариус что-нибудь сообщит мне, но я жду неприятностей от Джона, его матери и их чертового адвоката!

– Как тебе удастся терпеть его выходки?

– Джона? У меня нет выбора. Это брат Кейт, и она не простит мне, если я вышвырну его из дома.

– Понимаю.

– К сожалению, этот адвокат – та самая искра в бочке с порохом. Если бы не его вмешательство, я бы договорился с Амели, я даже был готов выплачивать ей компенсацию, потому что она считает несправедливым папино решение. Он с ней это не обсуждал, и был не прав.

– Наверное, боялся, что станет для нее менее привлекательным женихом.

– Наверняка. В общении с женщинами он всегда чувствовал себя неуверенно. Но, как бы то ни было, это называется «смухлевал».

– Согласен, с точки зрения морали – это сомнительный поступок, но юридически ведь все в порядке?

– Закон всегда можно обойти, отыскать в нем какую-нибудь лазейку, какой-нибудь прецедент из судебной практики. И Брюс Форбс найдет, можешь мне поверить.

– Найми еще более ушлого адвоката!

– Чтобы на годы увязнуть в разбирательстве? Предпочитаю подождать, а потом, если условия соглашения меня устроят, я приму их и буду жить с чистой совестью. И даже не расстроюсь, если придется уступить Амели столовое серебро.

– Джон отдаст его в переплавку, чтобы получить наличные. Все, что ты оставишь ей, перейдет в его карман. Он для этого и приехал, и не даст вам покоя, пока не разживется деньгами. И не ограбит Амели...

– Больше всего меня волнуют акции Гринока, которые она получит. Зная мстительность Джона, я уверен, что он заставит ее продать их, но только не мне. И в результате совладельцем винокурни станет один из моих конкурентов.

Грэм помрачнел, на минуту задумался, а потом объявил:

– Мы найдем выход, Скотт. Я все-таки твой финансовый советник и понимаю в таких делах. *Всегда* есть какое-то решение.

– Предложить больше, чем конкуренты?

– Нет, ты прекрасно знаешь, что среди производителей виски сделки совершаются тайно. Ты ничего не будешь знать о ней, и никто тебе не сообщит ее условия. У виски «Джиллеспи» солидная репутация, и многие будут рады завладеть частью компании... Мой совет: пока мы не придумали решение, старайся максимально затягивать дело.

Не скрывая разочарования, Скотт возразил:

– Я-то хотел покончить с этим как можно быстрее!

Он был в ярости, чувствуя, что его винокурня в Гриноке находится под угрозой, но по внезапной ассоциации идей вспомнил о Джоне, который находился под постоянной угрозой смерти. Разве это не страшнее потери любых денег? В первый раз за все время он испытал настоящее сострадание к своему шурину, несмотря на то, что

тот был единственной причиной его бед. Вот надо же было этому бездельнику обманывать Бетти с первой встречной и не предохраняться!

– У тебя сейчас такое лицо... Интересно, о чем ты думаешь?

– О Джоне. О хаосе, который он уже давно внес в мою жизнь. Из-за него мне пришлось на несколько лет уехать из собственного дома. Я чуть было не поссорился с отцом, испортил отношения с Амели, я терпел его злую волю, даже когда он делал вид, что работает, а на самом деле валял дурака. Теперь, если он поймет, что может создать мне проблемы в бизнесе, даже разорить меня, он это сделает, не раздумывая и не понимая, что тем самым он обездолит самого себя. Он неумен, но очень зол. И все-таки мне его жаль. И потом, он же мой шурин, член моей семьи. А в какой семье нет паршивой овцы...

Скотт неохотно встал. Он радовался, что доверился Грэму, теперь ему будет легче прожить предстоящий день.

– Скажи Пат, пусть она договорится с Кейт, и мы устроим у нас в Джиллеспи уик-энд. Когда вы приезжаете вдвоем и с детьми, в доме становится очень весело!

Подойдя к витрине, где стояло несколько бутылок, Скотт выбрал одну и протянул ее Грэму.

– Я хочу провести здесь несколько экспериментов, как в Инверкипе. Можно развивать Гринок, расширяя ассортимент. Попробую производить довольно молодой виски с полным и ярким вкусом. У меня в линейке есть двенадцатилетний, пятнадцатилетний и восемнадцатилетний виски, так что... В общем, я подумываю об этом. Сейчас у меня руки связаны тяжбой.

Грэм дружески хлопнул его по плечу:

– Опять новая идея, да? Самое главное, не растеряй свой энтузиазм!

Выйдя из переговорной комнаты, они наткнулись на Грейс, которая словно случайно оказалась рядом.

– К вам приехали, – объявила она Скотту. – А транспортер сейчас загружает бочки, которые нужно заменить.

– Мы снова будем выжигать их изнутри, – объяснил Скотт Грэму, – это их освежит!

– А для чего?

– Выжигание позволяет алкоголю получить доступ к ароматам дерева, а также уничтожает нежелательные запахи. Все бочарные мастерские выжигают их, так или иначе, но в любом случае эта операция должна повторяться каждые тридцать лет.

– Ты хранишь бочки столько лет?

– Как можно дольше. Изначально в них держали шерри или бурбон.

– Другими словами, ты всю жизнь ремонтируешь старье? Перегонные аппараты, бочонки...

– Но с новыми не сделаешь ничего хорошего, Грэм!

Скотт дружески помахал ему и наконец отправился в свой кабинет; Грейс последовала за ним.

– Я схожу за вашим посетителем, – сказала она. – Принести ему чай?

– Нет необходимости.

– Не забудьте, собрание в десять тридцать.

Скотт сел за стол, взглянул на Грейс и слегка улыбнулся:

– Как правило, я не забываю о запланированных встречах.

– Но вам приходится думать сразу о многих вещах, и я здесь, чтобы помогать вам.

После разговора с Грэмом он уже не так был уверен в ней, как в тот день, когда брал ее на работу. Неужели она действительно *наводила справки* о нем, о его семье, финансовом положении?

– Спасибо, Грейс, это все.

Разочарованно надувшись, она вышла и закрыла за собой дверь. На столе Скотта аккуратной стопкой лежало несколько бумаг, которые нужно было подписать. Он просмотрел их, исправил многочисленные опечатки. Грейс явно больше времени проводила за болтовней в коридорах, чем за клавиатурой компьютера. Похоже, Грэм прав: не стоит оставлять ее. Но Скотт всегда очень уважительно относился к своим служащим; он перенял этот принцип от отца, и ему будет трудно объяснить Грейс, с чем связан этот крутой поворот. Слишком красивая или слишком любопытная – недостаточно веская причина. Более того, она уже организовала свой переезд в Глазго, потому что рассчитывала на эту работу.

– Еще одна проблема, – пробормотал он.

Раздался легкий стук в дверь; Грейс впустила посетителя и представила его.

* * *

Амели прочитала весь отчет, который прислал адвокат, но почти ничего не поняла в нем. Он был написан путаными фразами, изобиловал непонятными цифрами и содержал требования, которые показались ей непомерными. Положив бумаги на туалетный столик, она надолго задумалась. Стоило ли вступать в эту беспощадную войну? Уже после инвентаризации Амели чувствовала себя очень неуютно. Мебель, картины и предметы декора, которые составляли интерьер Джиллеспи, были ей хорошо знакомы: все-таки она прожила здесь двенадцать лет, но они не принадлежали ей, они были частью семейного прошлого, к которому она не имела отношения. Амели привыкла к этим вещам, считала, что каждая из них находится на своем месте – тем более что, приехав сюда, она все переставила по своему вкусу, и ей совсем не хотелось, чтобы все это исчезло. Теперь это был ее мир. Она не представляла себе жизни в другом месте, зная, что Кейт и даже Скотт тоже признают, что в Джиллеспи она – у себя дома.

Но Джон так не считал. Он не давал матери покоя, требуя, чтобы она взбунтовалась и «разворошила этот муравейник», как он выражался. Ах, Джон... Мысль о том, что он смертельно болен, мучила ее. Он оставался ее старшим сыном, ее первенцем, благодаря которому она испытала гордость, впервые став матерью. Она все еще помнила восторженное лицо Майкла перед детской кроваткой. В то время Амели считала, что ее счастливое замужество продлится всю жизнь. Но когда на свет появились еще двое сыновей, а потом дочь, ее брак уже трещал по швам, о чем она даже не подозревала. Наконец, Майкл бросил ее с детьми, и она ухватилась за старшего сына, как за соломинку, назначив его «мужчиной в семье». Она хотела приучить его к ответственности, прислушивалась к его мнению, однако не стала советоваться с ним по поводу Ангуса. Ведь это неожиданное знакомство, и почти сразу за ним предложение руки и сердца было необыкновенной удачей! Фотография Джиллеспи покорила ее

окончательно. Она представляла, как живет там в окружении четырех детей-подростков, и все ее проблемы решаются по мановению волшебной палочки... Конечно, Ангуса с его грубым, топорным лицом и уже выпирающим животом никак нельзя было назвать Адонисом, но он был добр, влюблен, надежен. И богат. Да, она была в этом уверена. Вернее, предполагала, ведь он никогда не говорил об этом конкретно. Однако поместье, винокурни и ткацкая фабрика должны были стоить немалых денег. Обманул ли он ее? Как бы то ни было, он оплатил образование четверых не родных ему детей, не говоря уже об остальных расходах. И он был по-настоящему счастлив, когда его единственный сын женился на Кейт. А когда родились близнецы, он со слезами на глазах объявил, что теперь его кровь и кровь Амели смешались в жилах их внуков. Думал ли он тогда, что наследство, которое он не мог оставить супруге, перейдет к ним? И таким образом его мечта передать наследие предков осуществится.

Амели понимала это. После смерти Ангуса она думала о нем с нежностью и почти безропотно приняла свой статус вдовы. В Джиллесли ей было хорошо, и она без памяти любила Люка и Ханну. Но был еще Джон в отчаянном положении, носитель ужасной болезни. Ее Джон. Конечно, он немного разочаровал мать своей беспорядочной жизнью и тем, что бросил ее, так долго не подавая о себе вестей, но она не могла на него сердиться.

– Ну что? – крикнул он, входя без стука. – Прочитала? Признайся, что он очень способный малый, этот Брюс Форбс! В конечном счете он выбьет для тебя целую кучу денег.

И Джон начал перечислять, загибая пальцы:

– Акции винокурни, которые ты продашь; половина стоимости драгоценностей из сейфа, половина мебелировки и декора этой чертовой халупы, не забудем о нескольких участках сельскохозяйственной земли и деньгах на счетах... Но Форбс на этом не остановится, он собирается вытребовать тебе еще и пенсию, потому что ты не располагаешь никакими средствами. Он не уверен, что это получится, но попробует. Ведь если Скотт решит выкинуть тебя на улицу, у тебя даже не будет крыши над головой. Короче говоря, это останется на усмотрение судьи.

– Какого судьи?

– Мама! Дело закончится судом, это же очевидно. У Скотта здорово испортится настроение, когда он узнает о том, что мы подали иск. И пусть попробует его опротестовать!

Джон ликовал:

– А пока что оценщик сказал мне, что на аукционах вещи часто продаются значительно дороже, чем были оценены изначально, так что нас ждет приятный сюрприз.

– Но дорогой, мы же не будем все продавать.

– А почему нет?

– Потому что... надо же на чем-то сидеть и на чем-то есть.

– Ну, если они захотят что-то сохранить, им придется это у тебя выкупить!

– Не говори глупости.

Выражение лица Джона мгновенно изменилось.

– Ты опять начинаешь, да? Я бьюсь за твои интересы, мама, я единственный. Кроме того, теперь, когда все учтено и подсчитано, не забудь, что мистер Форбс берет процент от полученного. И ты должна будешь ему заплатить. Он не будет работать даром!

– Почему мы все время говорим о деньгах? – возразила Амели, закрывая уши руками.

Этот жест взбесил Джона, и он взорвался:

– Ты что, действительно такая тупая? На самом деле, ты боишься ссориться с Кейт, с нашей благодетельной Кейт? Раньше ты была смелее, а теперь совсем размякла в своем уютном мирке, который вот-вот рухнет. Открой глаза, мама, ты здесь зависишь от милостей твоей дочери и твоего зятя. Очень скоро ты станешь для них пятой спицей в колеснице! Даже толстуха Мойра и этот придурок Дэвид дадут тебе понять, что с тобой здесь мирятся только из вежливости.

– Думаешь, они будут относиться ко мне лучше, если ты заставишь их все продать, и они останутся в пустом доме? – воскликнула Амели.

– Ты уедешь не с пустыми руками.

– Но... я не хочу уезжать.

– Отлично, тогда повторяй себе почаще: все здесь меня обожают. Оно и заметно: особенно Скотт!

– Мы помирились.

– Потому что он наделал детей, да? Воображаешь себя идеальной бабушкой, как трогательно! У тебя есть собственные дети, и смотри, как плохо ты заботишься обо мне! В этой гребаной эдинбургской больнице мне приходится за все платить. Ты об этом знаешь, но тебе наплевать. У меня нет ни гроша, мама. Бетти без продыху ищет работу, чтобы я не кланчил у тебя деньги!

– Тебе не нужно кланчить, дорогой. Скажи, сколько тебе требуется?

Он назвал сумму, и Амели опешила, но спорить не стала.

– Хорошо, я спрошу у Кейт.

– Вот видишь? «У Кейт»! «У Скотта»! Ты когда-нибудь от них освободишься?

В припадке ярости он смахнул с комода горшок с растением. Горшок раскололся, и на паркет вывалились комья земли.

– Я даю тебе возможность стать независимой, а ты во всем слушаешься этих проклятых Джиллеспи, все колеблешься, все тянешь резину! Я должен тебя спасти, как бы ты ни сопротивлялась; я выбиваюсь из сил, а мне их не хватает даже на самого себя. Думаешь, мне нравится играть здесь эту роль приживалы? Нам с Бетти было бы везде лучше, чем здесь, но я не хочу оставлять тебя в таком бедственном положении!

– Джон... это ты принес бедствие.

Амели смотрела на комья земли, которые Джон раскидал по ковру, шагая туда-сюда по комнате. Чтобы не спорить с ним, она не поднимала глаз, надеясь, что буря пройдет и он успокоится. Напротив: он встал перед ней, нависнув всем телом.

– Если хочешь, могу тебя оставить с этой шотландской сворой! Ты, похоже, выбрала, на чьей стороне находиться, – и вижу, что не на моей! Ты от меня отказываешься, потому что я болен? Я внушаю тебе отвращение? СПИД – это чума, по-твоему?

– Прекрати! Я бы жизнь отдала за то, чтобы ты мог получить вакцину.

Амели старалась быть твердой, но ее голос дрожал.

– Расслабься, ее не существует.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Кейт. Не заходя в комнату, она нерешительно спросила:

– Все в порядке? Ваши крики слышно на другом конце галереи.

– Лучше скажи, что ты подслушивала, – огрызнулся Джон. – Потому что стены здесь толстые!

– О чем вы спорите?

– А тебе какое дело? Если хочешь знать, я пытаюсь помочь маме, хотя она против, потому что, судя по всему, боится тебя и твоего повелителя.

– Скотт – мой муж, – ответила Кейт, стараясь сдерживаться. – И ни он, ни я никого не пугаем.

– Не придирайся к словам, сестричка. Я просто хочу, чтобы мама получила то, что ей полагается. Ты против?

– Конечно нет!

Кейт наклонилась, чтобы подобрать растение, и спросила, глядя на вырванные корни и раскиданную землю:

– Что тут случилось?

– Да плевать на него! – рявкнул Джон.

Спокойствие Кейт только сильнее разожгло в нем гнев.

– Выброси эту гадость в помойку и не смотри на меня так, словно я поджог дом. Перед твоим вторжением мы говорили о серьезных вещах. Почему у тебя так мало уважения к матери? Почему ты не объясняешь Скотту, что у нее тоже есть право на что-то? Ангус ее одурачил, обвел вокруг пальца!

– Все, что Ангус сделал для Скотта, произошло до встречи с мамой. Но она в любом случае не останется без средств, и ты это знаешь. Но ты хочешь больше, потому что защищаешь свой личный интерес.

– А ты кого защищаешь? Ты бы перешагнула через маму без зазрения совести, если бы она мешала тебе боготворить твоего ненаглядного муженька.

– Джон... я больше не хочу с тобой спорить.

– Конечно, так проще.

Кейт посмотрела брату прямо в глаза и отчеканила:

– Нет, наоборот. Я хотела бы все обсудить с тобой спокойно, так, чтобы ты не приходил в ярость. Ты пользуешься любым предлогом, чтобы говорить гадости, прячешься за свою болезнь, просто никто не решается тебе это сказать. И ведь знаешь, что можешь рассчитывать на нашу помощь. Здесь у тебя есть возможность отдохнуть в семейном

кругу, а вместо этого ты норовишь всех сравнить друг с другом. Это невыносимо.

– Да что ты, бедняжка! Может, я должен еще и посочувствовать твоей участи?

– Дети, подождите... – начала Амели.

Кейт повернулась и сурово взглянула на мать.

– Ты опять будешь доказывать его правоту? Он во всем был прав с самого рождения! Ты все ему отдавала, все прощала! Ты действительно думаешь, что сейчас он тебе помогает?

– Он пытается...

– Нет, мама. Но если тебе так удобнее, оставайся слепой. Ваш адвокат заставит тебя делать то, о чем ты потом пожалеешь.

– Вот, ты видишь! – вскричал Джон. – Он для вас как кость в горле, наш адвокат! А надо было смириться, сказать «аминь» и молча наблюдать, как вы все прикарманите!

– *Прикарманите*... – повторила Кейт ошеломленно.

– Вот именно. Ты богата, сестрица, поэтому и изображаешь оскорбленную невинность. Признаю: ты вовремя подсуетилась и захомутила Скотта, уже зная, что все отошло ему. Как ты об этом узнала – для меня загадка, видно, кто-то тебя надоумил. Не все бабы умеют вовремя затащить мужика в постель, не всем так везет, как тебе!

Последние слова привели Кейт в ярость: такие мерзкие и почти всегда злобные шутки она терпела от Джона с самого детства.

– Пожалуйста, выбирай выражения и смени тон: я уже не девочка для битья! – крикнула она и пошла прямо на него.

Решив, что она ему угрожает, Джон схватил сестру за руки и отбросил на кровать. Но Кейт упала на пол и закричала от боли. Джон услышал испуганное восклицание Амели и вдруг почувствовал, что его хватают за пояс, выкручивают руку за спину и, обездвиженного, рывком отрывают от пола.

– Не смей ее трогать или я тебя убью! – прорычал Скотт.

Джон выбрал для нападения самый неподходящий момент: Кейт оставила дверь открытой, и Скотт все видел. Джон ощутил неподдельную ярость в его голосе и хриплое дыхание на затылке. В панике он завопил:

– Отпусти меня сейчас же!

– Извинись! – потребовал Скотт.

– Я болен, отпусти меня.

Давление на выкрученную руку усилилось, и Джон заскулил.

– Ты делаешь мне больно, прекрати...

– Извинись.

Кейт наконец встала и пробормотала:

– Оставь его, Скотт.

Ее просьба не возымела никакого эффекта, потому что Джон продолжал ныть.

– Ты вывихнешь мне плечо! Ты так мстишь, да? Отыгрываешься на мне, потому что не можешь свалить вину на маму?

– Ты поднял руку на свою сестру, извинись.

– Прекрати, черт! Ладно-ладно... извини, я нечаянно сбил ее с ног...

Скотт отпустил его, и Джон, морщась, начал растирать руку. Он сердито взглянул на мать: она не пыталась вмешаться, и это было ему непонятно. Несколько лет назад Амели без колебаний выступала против Скотта, защищая своего старшего сына. Так что же изменилось?

– Пойдем, Кейт...

Взяв жену за руку, Скотт вывел ее из комнаты. Дойдя почти до конца галереи, он прошептал:

– Твой брат доведет меня до сумасшествия. Или до насилия. Когда я увидел, как ты летишь через всю комнату и падаешь на пол, мне захотелось броситься на него и избить до полусмерти, как он того заслуживает. Я сдержался только ради тебя и Амели – она так испугалась...

– Он не контролирует себя, Скотт.

– А мне плевать! Думаешь, я позволю так с тобой обращаться?

– Между братьями и сестрами иногда...

– Нет, дорогая. Вы уже вышли из этого возраста. И я не потерплю ничего подобного от Джона. Особенно от него!

– Все-таки его надо щадить, он болен.

– Да это всем известно! Однако он не умрет, если будет выполнять предписания врачей. Я разговаривал с Бетти: врачи в Эдинбурге, как, впрочем, и парижские врачи, утверждают, что с его ВИЧ-статусом можно жить долго. При комбинированной терапии вирус не будет размножаться. Бетти просто счастлива, ведь это не предположение, а

утверждение. Теперь Джон должен взять себя в руки, иначе я не вынесу его постоянный шантаж и истерики.

Кейт не могла протестовать, да ей и не хотелось. Джон представлял собой настоящую проблему, от которой нельзя было отмахнуться. Мойра и Дэвид старались обходить его стороной, даже близнецы инстинктивно его избегали; терпение Скотта уже истощалось, и только Бетти, угнетенная постоянными провокациями своего мужа, стала тише воды, ниже травы. Амели же, оказавшись между молотом и наковальней, больше не решалась защищать сына.

– Я собираюсь готовить детям ужин, – вздохнула Кейт. – Составишь мне компанию?

– Мне надо кое-что сделать по работе, но я скоро освобожусь.

Вместо того чтобы идти к себе наверх, Скотт спустился вместе с ней, и это означало, что он наконец решил занять кабинет Ангуса.

– Ты решил обосноваться внизу? – спросила Кейт весело.

– Да, считаю, пришло время это сделать. Я теперь вспоминаю не тот ужасный рождественский вечер, а только время, проведенное вместе с отцом в его кабинете. Ему нравилось, что я прихожу поговорить с ним о винокурнях, что держу его в курсе дел. Он бывал здесь, чтобы без помех курить свои сигары и не слышать замечания окружающих. Я ведь уже занял его кабинет в Гриноке, а теперь и здесь... Я не собираюсь создавать отцу мемориал, но хочу сохранить прежнюю атмосферу, поэтому не буду ничего серьезно менять.

Кейт увидела, как заблестели его глаза, как трудно ему сдерживать волнение. Хотя Скотт смирился со смертью отца, его горе не утихло.

– Я люблю тебя, – сказала Кейт, обнимая его за шею.

Балансируя на предпоследней ступеньке, они нежно поцеловались.

* * *

В конце недели Джордж несколько часов посвятил проверке счетов. Он ликовал, словно студент, успешно сдавший экзамен. Согласно его отчету за первый квартал, фабрика получила прибыль. Ради этого он работал не покладая рук, курсируя между фабрикой, Глазго и Эдинбургом в поисках новых мест сбыта; и он их нашел. Его

коллекция шерстяных изделий высокого класса была хорошо принята на рынке, переполненном посредственными азиатскими изделиями. Знак «made in Scotland», гарантирующий качество, нравился клиентам все больше и больше, и перспективы вырисовывались самые благоприятные.

Предупредив Мойру, что они со Сьюзен приедут на ужин, Джордж больше не мог усидеть в своем кабинете и решил вернуться в квартиру пораньше. Когда Скотт увидит такие внушительные цифры, он удивится и наверняка поздравит его. За несколько месяцев Джордж созрел для управления фабрикой, какой приятный сюрприз! Более того, теперь ему это по-настоящему нравилось, и он начал фонтанировать идеями.

Вставляя ключ в замочную скважину, Джордж с удивлением обнаружил, что квартира не заперта. Обычно Сьюзен возвращалась позже него, но сейчас она была дома и лежала на диване, заложив руки за голову.

– Сюрприз! – воскликнула она. – Я наконец закончила ремонт и наверстала опоздание. И теперь у меня будет нормальное расписание.

– Что ж, я не буду жаловаться, если вечером ты будешь меня встречать, и мне не придется умирать с голоду в ожидании твоего прихода.

– Я знаю, ты не любишь оставаться один. Но не надейся, что я буду стряпать тебе всякие деликатесы.

Поварихой она была неважной, зато обладала другими качествами. Так, она превратила их служебную квартиру в настоящее семейное гнездышко, в котором Джордж себя чувствовал чрезвычайно уютно. Теперь он с трудом вспоминал, с какой тоской впервые переступил порог этой квартиры. Отказаться от такой удачи – жилье прямо на фабрике – было немыслимо, несмотря на то что место было грязное и запущенное, и уж тем более он не мог представить себе, как оно преобразится за такой короткий срок!

– Ты не забыла, что сегодня мы ужинаем в Джиллеспи?

– Пойду переоденусь. Надеюсь, атмосфера будет не такая напряженная, потому что там, где Джон, всегда начинается какой-нибудь скандал.

– Да, чтобы не поддаваться на его провокации, нужно иметь железную выдержку, – признал Джордж, смеясь.

Сьюзен встала с дивана, потянулась и с любопытством посмотрела на Джона.

– У тебя довольный вид!

– У меня отличные новости, – ответил он, указывая на папку, которую держал под мышкой. – Фабрика идет по правильному пути, надеюсь, Скотт будет мною доволен.

– Тогда у него появится хотя бы одна причина радоваться, – пошутила Сьюзен.

Они часто вспоминали ссору вокруг наследства Ангуса, которая потрясла семью. Сьюзен первая заметила, что в конечном счете бороться не за что, потому что все или почти все было передано раньше, и добавила, что из-за Джона борьба закончится только после того, как последняя чайная ложка будет распилена пополам.

– Мне нравится Скотт, – вдруг сказала она.

– Все женщины считают, что он потрясающий! – хмыкнул Джордж.

– И, по-моему, у него железный характер.

– Но Кейт к нему приспособилась.

– Он ее обожает, просто души в ней не чаёт, и в ее присутствии убирает когти. Думаю, если бы не она, Скотт выбросил бы Джона из окна.

– Прямо с бельведера, это точно.

– А пока Джон вставляет палки в колеса и мешает ему взять на себя роль главы семьи – роль, которая прямо для него создана.

– Жаль, особенно как подумаешь, что даже мама больше ему не враг.

Сьюзен сняла толстый свитер, джинсы и в одном белье направилась к шкафу.

– Не ходи полуголая, – предупредил Джордж, – или я брошусь на тебя.

– И что? У нас же есть еще время?

Воспламененный улыбкой Сьюзен, Джордж потянулся к ней, попутно задернув шторы.

На Кейт и Крейга, вместе с еще двумя учителями литературы, была возложена обязанность в конце учебного года поставить пьесу. Чтобы выбрать текст, решили встретиться в пабе в Глазго, подальше от школы, чтобы избежать вмешательства коллег, каждый из которых имел на этот счет свое твердое мнение. Обосновавшись на втором этаже «Waxy O'Connors», они взяли на барной стойке пиво и сели в одном из укромных уголков паба.

Уже через несколько минут было принято единодушное решение в пользу Шекспира, а после более долгого обсуждения выбор пал на «Комедию ошибок» – одно из ранних его произведений. Эта интересная, небольшая пьеса, со всеми ее каламбурами и путаницей, была довольно забавной, а главное, в ней соблюдалось правило трех единств: времени, места и действия, что не требовало смены декораций.

Кейт прекрасно чувствовала себя в этой маленькой группе, которая внимательно прислушивалась к ее доводам. В профессии она реализовалась полностью, а что касается личной жизни, ее любовь к Скотту и детям крепла и расцветала с каждым днем. К двадцати пяти годам она стала еще прелестней, но не осознавала всей силы своего очарования. Крейг был не единственным, кто считал ее красивой, но он полностью подпал под ее обаяние и в конце концов влюбился по уши. Дни, когда ее не было в школе, казались ему бесконечно долгими, и он пользовался любой возможностью, чтобы поговорить с ней, выпить вместе кофе. Однако Крейг заметил, что она отдалилась, поэтому не позволял себе дружески-фамильярных жестов и стал сдержаннее в комплиментах. Он рассчитывал на репетиции пьесы, надеясь, что это восстановит между ними прежнюю связь, и даже своего рода близость.

– Когда мы распределим роли, останется только составить расписание репетиций.

– Дети учатся в разных классах, поэтому собрать их можно только в конце дня после занятий.

– Но перед первой читкой мы должны написать родителям, чтобы получить их согласие, – напомнил Крейг. – А что касается нас четверых, нужно предусмотреть график замены, если кто-то будет занят. Давайте сейчас решим, что присутствовать будут хотя бы двое

из нас, потому что в любительском театре всегда царит настоящий сумбур.

– А в этой школе уже ставили спектакли? – спросила Кейт.

– Один раз, четыре года назад. Ты еще училась в университете! Но я помню, что мы чуть было не отказались от этой затеи, настолько дети волновались.

– А те, кому не досталась роль, не завидуют? – допытывалась Кейт.

– В пьесе как минимум пятнадцать ролей, не считая массовки, так что хватит на всех желающих.

– Полагаю, что каждый из нас будет выдвигать на лучшие роли собственных учеников?

– Нет! – рассмеялся Крейг. – Мы отберем только способных ребят, чтобы не превращать спектакль в клоунаду.

Кейт была очень взволнована этим театральным приключением, но спросила себя: как Скотт посмотрит на ее поздние возвращения, зная, что она участвует в этом проекте вместе с Крейгом? Однако Кейт не хотелось отказываться из-за этого от спектакля, тем более что Скотт обещал больше не заикливаться на Крейге. Но удастся ли ему это?

Было уже поздно, когда Кейт вернулась в Джиллеспи. Перед освещенным фасадом стояли машины Джорджа и Малькольма. Кейт нравились праздничные вечера, которые все больше отдаляли тот ужасный рождественский ужин. Когда, слегка запыхавшись, она вошла в гостиную, первым к ней подошел Скотт.

– Ты забыла про гостей? – спросил он с улыбкой.

– Нет, я задержалась на собрании. В конце года мы будем ставить спектакль с учениками, надо многое организовать. Надеюсь, вы все придете, мы хотим играть при полном зале!

Она расцеловалась с каждым, радуясь, что все братья в сборе.

– В этот раз, – сказал Скотт, – я укладывал детей и читал им сказку.

Амели весело посмотрела на него. Уже давно она не боролась за то, чтобы все время быть с близнецами, благо никто не оспаривал ее роль бабушки.

– Ты уже нарисовал вид с бельведера? – спросила Кейт Малькольма.

– Извини, не успел, мне надо было доставить заказ покупателю.

И он с таинственным видом показал на пакет, стоявший у стены и обернутый в ткань.

– Раз уж мы все здесь, можешь его открыть, – предложил Скотт.

Повернувшись к Кейт, он объяснил:

– Покупатель – это я.

Ошеломленная, она смотрела, как Малькольм достает из пакета картину. Но это был не пейзаж; мрачное полотно изображало лошадь, выходящую из моря.

– Написано под влиянием Делакруа, – пояснил Малькольм. – Я обожал рассматривать его картины; у него их огромное количество, и в них столько мощи! Его лошади анатомически не безупречны, ему важнее движение, поэтому я выбрал такой ракурс.

– Просто великолепно, – прошептала Кейт. – От этой картины исходит что-то... особенное.

– Так тебе нравится? – радостно спросил Филип.

– О да!

– Скотт как-то утром приходил к нам, и я велел Малькольму показать свои этюды с животными, где он дает себе больше воли, чем в других, более легких сюжетах. Скотт заявил, что они его сразили с первого взгляда. И я надеюсь, он так сказал не только из дружеской симпатии...

– Ты шутишь? – запротестовал Скотт. – Эта лошадь великолепна. Она испугана, но ей удалось выбраться из волн, победить стихию силой своих мышц. Рисунок, который я видел, меня потряс, а картина еще лучше. Я в восторге!

Кейт смотрела на Скотта. Когда он успел побывать у Малькольма и Филипа? Несмотря на профессиональные дела и семейные заботы, он взял на себя труд поинтересоваться творчеством Малькольма, о котором Филип говорил с таким энтузиазмом! Она искала взглядом Джона, надеясь, что он не станет отпускать свои мерзкие шуточки, но тот молчал, скорчившись в кресле, со стаканом виски в руке.

– Мне очень нравится картина, – объявила, подходя, Амели. – Где ты собираешься ее повесить, Скотт?

– Прямо здесь.

– Не смешивай с тем, что уже оценено, – пробурчал Дэвид.

Скотт повернулся к нему, поясняя:

– У меня есть чек с датой.

Они обменялись взглядами. Скотт знал, что Мойра с Дэвидом, несмотря на то, что опись имущества закончилась, до сих пор кипят от возмущения. Он и сам чувствовал унижение и ярость, но держал себя в руках. Думая об отце, он постоянно задавался вопросом, что сделал бы Ангус в такой ситуации, и каждый раз приходил к заключению, что быть главой клана – задача не из легких. В этой роли ему надлежало разрешать конфликты, а не подогревать их.

– Сегодня вечер хороших новостей! – объявил Джордж торжественно. – Малькольм станет великим художником, и...

– И можно будет радоваться, что Скотт приобрел эту картину за гроши, – прервал его Джон.

Он встал за новой порцией виски, но Бетти его остановила.

– А что касается меня, – продолжал Джордж, – могу похвастаться результатами на фабрике. Я сделал ставку на тарган, раз он снова входит в моду, и это сработало. И я нашел посредников, поэтому товар не залеживается на складе.

Он протянул Скотту свой отчет, которым так гордился.

– Надеюсь, ты будешь доволен...

– Если он будет доволен, давайте поднимем бокалы! – хмыкнул Джон, который все-таки налил себе виски, несмотря на просьбы Бетти.

– Заткнись! – осадил его Джордж.

Пока Скотт внимательно просматривал отчет, вошла Мойра, держа блюдо с пирожками, начиненными креветками. Она остановилась перед картиной и, озабоченно нахмурившись, несколько секунд рассматривала ее. Потом тихо произнесла:

– Какая красота...

Скотт довольно хлопнул Джорджа по плечу и похвалил его.

– Ты растешь на глазах, продолжай в том же духе!

– Тебя что, действительно вдохновляет овечья шерсть? – полюбопытствовал Джон, не скрывая презрения.

– Еще как! – ответил Джордж. – Работа мне доставляет огромное удовольствие. А ты все профукал.

Эти слова явно уязвили Джона. Он категорически не желал заниматься в Джиллеспи каким-нибудь делом, а теперь Джордж доказал ему, что он сел в лужу. Недолгое пребывание Джона на пивоварне в Гриноке, а потом в Инверкипе кончилось плачевно, и он кичился этим, вместо того чтобы признать свою несостоятельность.

– Что у нас сегодня на ужин? – спросил Малькольм, который всегда живо интересовался кулинарными рецептами Мойры.

– Косуля. У меня осталось в морозилке несколько хороших кусков, которые Ангус привез с охоты.

– А я не охотник, и теперь тебе придется покупать дичь у мясника, – напомнил Скотт. – Если только Дэвид...

– Нет, теперь у меня рука не поднимается стрелять в животных. С возрастом я стал чересчур сентиментальным.

– Вообще-то, я видел, как ты уходил, взяв ружье, – усмехнулся Джон.

– В память об Ангусе. Я хожу с «Верне Карроном»^[19] – одним из двух, которые он купил во Франции. Это прекрасное оружие, с хорошей балансировкой, двенадцатого и шестнадцатого калибра, и мне нравится ощущать рукой ствол каждого. Но убивать... нет.

Благодаря этому французскому путешествию сначала в Сент-Этьенн, а потом в Париж Ангус познакомился с Амели и вскоре сделал ей предложение. Если бы не ружья, не было бы и знакомства и вся жизнь семьи сложилась бы иначе. Скотт подумал, что не женился бы на Кейт, и даже не знал бы о ее существовании. Так что, несмотря на многочисленные последствия, он был счастлив, что отец захотел купить французские ружья.

Направляясь в столовую, он спросил у Кейт, сильно ли она будет занята на репетициях пьесы.

– Да, работы будет немало. Но мы будем заниматься этим вчетвером. Элизабет и Крейга ты уже знаешь, а есть еще Питер, который в будущем году уходит на пенсию и хочет поставить перед этим эффектную точку.

Скотт воздержался от комментариев, но, услышав имя Крейга, напрягся. Выбирал ли учителей директор школы или они вызвались сами? Наверное, его снова будут преследовать мысли о том, что Крейг еще больше времени будет проводить вместе с Кейт, но он дал жене обещание и должен его держаться.

– Ты не будешь переживать? – шепнула она ему на ухо.

Проницательность Кейт вызвала у него улыбку.

– Буду, но тебе не скажу.

Амели первая заняла свое место на одном конце стола, Скотт занял свое на противоположном.

– Как приятно, что мы здесь все сегодня собрались! – заметила она, ни к кому не обращаясь.

После этого туманного заявления наступила тишина. С тех пор как умер Ангус, трапезы проходили в довольно тягостной атмосфере, и Амели предпочитала молчать.

Но сейчас она сказала:

– Все четверо моих детей нашли себе хороших спутников жизни.

Это заявление явно подразумевало Малькольма и, что уж совсем удивительно, Скотта. Кейт с беспокойством покосилась на Джона, но тот счел нужным промолчать.

Мойра закончила посадку цветов перед склепом, и Дэвид протянул ей лейку с водой. Он смотрел, как струйки медленно растекаются по земле, потом перевел взгляд на выгравированную золотом надпись.

– До сих пор не могу поверить, что Ангус там, внизу, – признался он.

Им остро не хватало Ангуса – и это стало неожиданностью для них обоих.

– Он умер слишком рано, – вздохнула Мойра. – И мы были не готовы к этому, ведь он ничем не болел.

– Вообще-то, по словам доктора Гранта, с которым я виделся неделю назад, Ангус чувствовал усталость, но не обращал на нее внимания.

– Мысль о том, что он начал сдавать, привела бы его в ярость.

– И рядом с Амели ему не хотелось выглядеть старым.

– Но он вовсе не был старым!

– Ну да...

Мойра осенила себя крестным знаменем, и они вполголоса начали молиться.

– Как думаешь, Ангус в раю? – спросила она вдруг, прервав молитву.

– Он верил в Бога и здесь никому не причинил зла, так что вполне возможно. Я сам не очень-то верующий, уж слишком много на земле безобразий, чтобы Бог мог это допустить. Но все-таки верю, что после смерти есть еще что-то, иначе жизнь бессмысленна и вообще не стоит появляться на свет.

– У Ангуса была красивая смерть. Не для нас, а для него. Он ушел за пару минут и без страданий.

Дэвид тщательно запер ворота кладбища, и они пошли к машине. Перед тем как включить зажигание, он устало поинтересовался:

– Как ты думаешь, чем кончится этот дележ наследства?

– Ничем хорошим. Поскольку за это взялся Джон. Амели одна не наворотила бы таких дел.

– Но какого черта он сюда приперся, ты можешь мне объяснить? И сколько еще будет здесь болтаться? И ведь Скотт его кормит!

– У него нет выбора. Он не хочет усугублять ситуацию. И потом, есть Кейт, Амели... В любом случае Скотт не выставит из дома больного человека.

– Что за глупость! Уж Джон не проявил бы такого человеколюбия. Потому что он дерьмовый тип. Вспомни, каким мерзким подростком он был! Мне тошно от этой инвентаризации. Скотт может что-нибудь сделать?

– Не знаю, но он не даст опустошить дом, будь спокоен.

– А если у него не получится?

Мойра бросила на него взгляд и похлопала по колену:

– Мы найдем решение. Вместе мы – сила.

Ее лицо, обычно приветливое, стало суровым. Она поджала губы и дала знак Дэвиду трогаться с места.

* * *

– Конечно, мой кабинет не такой уютный, как твой, – согласился Грэм. – Но я продаю финансовые продукты, консультирую по имущественным вопросам, и обстановка вокруг не должна отвлекать внимание клиента. Мне ни к чему твое резное дерево, гравюры и бронзовые светильники!

Комната с дизайнерской мебелью на фоне белых стен казалась безликой и холодной.

– Я даже не могу предложить тебе выпить, это запрещено. Зато могу сообщить, что твоя квартира продана. Договор подпишем у твоего нотариуса на следующей неделе. Ты рад?

– Скажем, это как дополнительный кислородный баллон, потому что мне было нечем погасить кредит. Так что я рад. Ты быстро провернул дело.

– Я понял так, что деньги нужны были срочно?

– Да, все усложняется. Адвокат Амели потребовал долю акций винокурни, которая принадлежит ей по завещанию. Я на нее не претендую, здесь спора нет. Но, прежде чем она избавится от акций, я

должен убедить ее, чтобы она продала их мне. Разумеется, по цене, которую ей дал бы сторонний покупатель.

– Джон никогда на это не пойдет, он тебя ненавидит.

– Знаю. Мне необходимо его опередить, потому что Амели не станет от него ничего скрывать. Но когда она ему скажет... будет уже поздно.

– Как тебе удастся сохранять хладнокровие?

– Если я его потеряю, будет еще хуже.

– Ты по-прежнему не хочешь взять адвоката?

– Только не сейчас.

Грэм неодобрительно покачал головой.

В большинстве случаев Скотт прислушивался к его советам. Но до сих пор в его бизнесе не вставали такие проблемы. Благодаря упорному труду, разумным рискам и мудрым решениям винокурни приносили прибыль. В своем деле Скотт был по-настоящему талантлив, и Грэм получал удовольствие, работая у него консультантом. Но теперь ситуация стала опасной, и Скотт больше не проявлял уступчивости, потому что чувствовал угрозу.

– А что ты решил делать с фабрикой?

Скотт всегда говорил, что в случае серьезных проблем первым делом откажется от фабрики, несмотря на то, что с ней связано воспоминание о матери.

– Я не могу ее продать, потому что Джордж отлично ею управляет. Он видит ее перспективы, вкладывает в работу всю свою энергию и просто не поймет этого. Кроме того, у меня создалось впечатление, что он скоро сделает предложение Сьюзен. Как теперь лишит его работы и квартиры? Здесь у меня руки полностью связаны.

– А если бы ты не был таким важным господином, что тогда? – с нажимом произнес Грэм, перегнувшись через стол. – Всем угодить невозможно, Скотт!

– Но все-таки я бы хотел...

– С твоими шуринами, которые отравляют тебе жизнь?

– Нет, теперь это не так. Если не считать Джона, все они действительно стали членами моей семьи. Джордж так изменился! А Филип... я никогда бы не подумал, что он сможет зарабатывать своими комиксами, но он смог, и очень увлечен делом! А что еще

лучше – он добивается признания таланта, но не своего, а Малькольма. Кстати, я купил у него картину, которая мне очень нравится.

– Вот как!

– Считай это инвестицией.

– Я тебе напомню о ней, когда ты сядешь в тюрьму за долги, – хмыкнул Грэм.

И он забарабанил пальцами по столу, расстроенный тем, что услышал.

– Сменим тему: ты хотя бы избавился от своей назойливой секретарши?

– Я оставил ей утром письмо на столе. Чуть позже объяснюсь с ней.

– Только не говори, что ее ты тоже хочешь спасти и обеспечить ее будущее, потому что твое окажется под угрозой, если будешь вести себя как добрый самаритянин.

– Ей не место в Гриноке, я согласен.

– Тем более что из-за нее нервничает Кейт.

– Это главная причина, почему я не хочу оставлять Грейс.

Лицо Грэма смягчилось, он даже улыбнулся.

– Тебе смешно? – огрызнулся Скотт. – Я все так же безумно влюблен в свою жену, и с годами ничего не меняется.

– Тем лучше для вас. Но будь настороже.

– О, я всегда настороже! Особенно из-за этого Крейга, которого я молча терплю, со скрежетом зубовным.

– Кейт по-прежнему с ним работает?

– И не только работает. Они ставят пьесу к окончанию года, и много времени проводят вместе.

– Не думай об этом.

– Я стараюсь. А у вас с Пат все в порядке?

– Вполне. Когда у нас возникает проблема, мы решаем ее вместе, не доводя до конфликта.

– Кстати, я задолжал вам отпуск и помню об этом.

– Не волнуйся, мы тоже. Но мне бы хотелось, чтобы атмосфера в Джиллеспи немного разрядилась, прежде чем мы оставим на вас трицу неугомонных детей. Может, летом?

– Будем надеяться!

Грэм проводил Скотта и, глядя ему вслед, спрашивал себя, смог ли он помочь другу. Не обремененный щепетильностью и сомнениями Скотта, он ясно понимал, что присутствие Джона неминуемо станет искрой в бочке с порохом. По вине этого пройдохи Брюса Форбса семья Джиллеспи в ближайшем будущем может распасться навсегда. До сих пор Скотт сохранял хладнокровие, но насколько его хватит? Скованный по рукам и ногам любовью к Кейт, он не мог избавиться от Джона, и это не оставляло ему никакого пространства для маневра. Однако если акции винокурни в Гриноке окажутся в руках постороннего, проживание под одной крышей станет опасным. Тут уж Скотт придет в ярость, и тогда ничто его не остановит. Еще во времена их студенчества Грэм иногда становился свидетелем его вспышек холодного бешенства, и они произвели на него сильное впечатление.

В задумчивости он смотрел вслед своему другу, пока тот не исчез в конце улицы.

* * *

Грейс прочитала письмо дважды – сначала с недоверием, а потом в полной растерянности. После окончания испытательного срока в винокурне Гринок ей не собирались предлагать постоянную работу! Но почему? Ведь она делала все, чтобы получить ее. Тайные планы, блестящие перспективы, которые она лелеяла, – неужели все это пропало? Что же могло заставить Скотта принять такое решение? Она ни разу его не рассердила, была пунктуальна, со всеми приветлива, всегда элегантна...

Походив взад-вперед по кабинету, она немного пришла в себя. Уж не Кейт ли повлияла на своего мужа, интуитивно почувствовав, что имеет дело с потенциальной соперницей? Но эта милая маленькая женщина с наивным выражением лица и манерами девчонки не могла с ней тягаться! Скотт заслуживал большего. Ему нужна женщина другого уровня, а не просто примерная мать семейства, работающая какой-то учительницей французского!

Зайдя в туалет, Грейс взглянула на себя в зеркало. Возможно, слишком яркий макияж? Она стерла помаду салфеткой и нанесла на губы бесцветный блеск. Тон кожи и ресницы были безупречны, но она

все-таки немного растушевала тени на веках. Затем придала легкую небрежность прическе и, внимательно глядя на свое отражение, отработала несколько улыбок. Она будет просто излучать обаяние – уж что-что, а это она умеет! До сих пор Грейс предпочитала держаться скромно, но теперь время поджимало. Если она хочет заполучить Скотта – а она хочет безумно! – то это будет непросто. Он умен, поэтому банальностями его не возьмешь; зато она нашла его уязвимое место – великодушие по отношению к женщинам. Было видно, что он любит их и ни за что на свете не нанесет обиды. Его поведение со служащими, внимательное и сочувственное, приводило к тому, что все они его обожали, а он как будто этого даже не замечал! Или делал вид? В любом случае Грейс чувствовала себя умнее других и, прежде всего, более опытной в тактических приемах. Мало кто из мужчин до сих пор устоял перед ней, потому что она могла подобрать ключик к каждому. Она давно уже искала мужчину, подобного Скотту, и уже почти потеряла надежду найти такую редкую птицу. А теперь он был совсем рядом – именно тот, о ком она мечтала. Невероятно притягательный, с неотразимым взглядом, обаятельной улыбкой, с хорошим образованием... и успешным бизнесом. Когда она смотрела, как он выходит из своего «Рейндж Ровера» и решительным шагом пересекает двор, ее сердце билось быстрее, что случалось с ней редко.

Грейс принадлежала к очень хорошему кругу, но ее семья понесла серьезные потери на биржевых операциях. Еще будучи подростком, она поняла, что у родителей денег нет и что ей нельзя рассчитывать на долгое обучение, которое гарантирует доходную профессию. Со своими блестящими внешними данными она могла бы выйти замуж по расчету и обрести, таким образом, материальный комфорт, которого ей так хотелось. Но еще больше она хотела любви, считая, что имеет право на счастье. Получив основные навыки работы с компьютером и освоив быстрый набор текстов, она начала жить активной жизнью в ожидании новых встреч и знакомств. До знакомства со Скоттом она была уже достаточно разочарована. И приехала в Гринок – винокурню среднего размера, – даже не подозревая, что ее ждет там невероятный сюрприз. Но в ту минуту, когда она впервые переступила порог кабинета Скотта и он встал, приветствуя ее, она сразу поняла, что удача улыбнулась ей. Босс тридцати пяти лет с таким фантастическим обаянием – это был настоящий дар небес! Конечно, он был женат, но

это не такое уж значительное препятствие, если вспомнить о тысячах разводов, которые каждый год совершаются в Шотландии. На первом ужине в Джиллеспи Грейс присмотрелась к Кейт и оценила ее не слишком высоко, а вот особняк ее буквально ослепил. Жить здесь, да еще с таким мужчиной, как Скотт? Она не отступит, пока остается хоть один шанс!

Грейс вернулась к своему столу и огляделась. Слишком озабоченная тем, чтобы как можно чаще быть рядом со Скоттом, она не задавалась вопросом, нравится ли ей ее рабочее место. Может, надо было сначала обустроить его: поставить на столе несколько фотографий, дополнить какими-то личными предметами, которые раскрывали бы ее индивидуальность?

– Добрый день, Грейс.

Скотт стоял в дверях, хотя она даже не слышала его шагов, и смотрел на нее с сокрушенным видом.

– Добрый день! Я не знала, что вы уже здесь, и немного... ошеломлена вашим письмом.

И она нежно улыбнулась ему в надежде, что его это тронет.

– Я не справилась с работой? Вы чем-то недовольны?

– Может, перейдем ко мне? – предложил он.

Они вошли в кабинет, и Скотт закрыл дверь.

– Садитесь, и давайте обо всем поговорим.

Сев напротив, он первым делом достал из ящика листки бумаги.

– Не знаю, в чем причина – в невнимательности, незнании орфографии или это просто опечатки, но ваши тексты оставляют желать лучшего.

– Ах вот как?

Мысленно она прокляла компьютеры, которые, несмотря на функцию автоматической проверки орфографии и грамматики, были неспособны вычистить все ошибки.

Она сделала вид, что расстроилась, и с сожалением произнесла:

– Извините, я должна была проверить еще раз.

– На мой взгляд, Грейс, вам больше подойдет работа, связанная с приемами и презентациями, и в более крупной компании, чем моя. А может быть, даже пиар-менеджером?

– Я могу все это делать здесь!

– Нет, такой должности у меня нет. Повторяю: здесь вы не на своем месте. Мне нужен просто секретарь, по возможности грамотный и компетентный в своем деле, а вы, как мне кажется, ищете совершенно другое.

Немного встревоженная, Грейс задалась вопросом, не догадывается ли он о ее истинных желаниях.

– Моя предыдущая работа была в очень большой компании, здесь – в слишком маленькой... Я прямо не знаю, как мне быть.

Он скептически улыбнулся, как будто не веря ей.

– Вы легко найдете другую работу. Сожалею, что напрасно обнадежил вас.

– Но...

– Увы, но это так.

– Что ж. Наверное, настаивать бесполезно?

– Не будем все усложнять.

Она уже знала, что в делах он вел себя решительно, но и предположить не могла, что такую же твердость он проявит с ней. Мужчины всегда были снисходительны к ее промахам, возможно, рассчитывая на интим, и она решила пойти ва-банк.

– Можно попросить вас об одолжении?

– Конечно.

– Пригласите меня на обед – это будет наше прощание, и вы мне посоветуете, где лучше искать работу. Только не говорите, что вы заняты: до сегодняшнего дня я была вашим секретарем и знаю ваше расписание.

Казалось, его позабавило это предложение – по крайней мере, самонадеянность, с которой оно было сделано.

– Думаю, это возможно, – согласился он. – Как вы знаете, у меня встреча в Глазго в два часа, так что мы можем встретиться в «Ви Лочане» в половине первого. Вы знаете этот ресторан? Он рядом с парком Виктория.

– Найду.

– А пока заканчивайте дела и зайдите в бухгалтерию.

Грейс добилась желаемого и поспешила уйти. Получив в бухгалтерии чек, она не стала прощаться с остальными служащими, понимая, что никто не будет сожалеть о ее уходе, особенно женщины! Она вернулась домой и переделалась, выбрав на этот раз более

сдержанный наряд, однако с обольстительным вырезом. Этот обед был ее последним шансом очаровать Скотта. И, если подумать, прекращение их рабочих отношений имело свое преимущество. За пределами винокурни он может оказаться более доступным. А при условии строжайшей секретности согласится на новые встречи и сделает ей предложение совсем другого толка. Нужно только вызвать в нем желание.

Зная его пунктуальность, она пришла в ресторан с десятиминутным опозданием, не желая отказать себе в удовольствии пройти через зал так, чтобы все на нее оглядывались. Как она и ожидала, ее появление произвело фурор, и она села к Скотту за столик, изобразив виноватую улыбку.

– Простите, что заставила вас ждать, увлеклась чтением объявлений о работе.

– А вы не теряете времени! – удивился он.

– Не хочу сидеть сложа руки, ненавижу бездействие. И, честно говоря, не могу себе это позволить.

– Грейс, вы же знаете, что не останетесь без места.

– Почему? Потому что я красивая?

Он как будто удивился, но кивнул.

– Думаю, что это имеет значение, по крайней мере для некоторых.

– Но не для вас, Скотт?

– Вообще-то... я никогда не брал людей на работу за их внешность. Я произвожу виски, и чтобы продавать его, он просто должно быть хорошим.

– А лично для вас это важно?

Она немного наклонилась вперед и посмотрела прямо ему в глаза. Ее намек был совершенно прозрачным, воспользуется ли он им?

– Я женат на женщине, которую люблю больше всего на свете, – наконец ответил он. – И считаю ее красивее всех.

Раздосадованная, Грейс поняла, что настаивать больше нельзя. Но тогда этот обед терял всякий смысл, и она все-таки добавила:

– Наверное, вы единственный верный муж во всей Шотландии? Мы уже не в том возрасте, когда можно быть наивными, Скотт, и, признаюсь, вы мне нравитесь. Думаю, вы и сами догадались...

И она коснулась пальцами его руки, но он сразу ее отдернул.

– Не тратьте на меня время, Грейс. Да, я верный муж, и в этом вижу смысл брака, а в данном случае мне не надо прилагать никаких усилий, чтобы оставаться таким.

На этот раз она почувствовала, что краснеет от унижения и ярости. Ни один мужчина еще не отвергал ее. Ей даже не нужно было их соблазнять, они подходили сами, и в глазах каждого горело вожделение. А чудесные темно-синие глаза Скотта оставались безнадежно-холодными.

– Я выгляжу идиоткой, извините, – пробормотала Грейс.

Она встала, бросила салфетку на стол и резко повернулась на каблуках. Чувство жгучего стыда от этой неудачи не позволило ей заметить сидящую рядом с выходом компанию из четырех мужчин, которые смотрели на нее с явным интересом. Как только она вышла, они тихо о чем-то заговорили.

* * *

– Нет, Матьё, здесь нельзя играть, как в «Гамлете» или в «Макбете»! Это комедия, да еще и с безудержной шекспировской фантазией. Вы должны дурачиться и заражать весельем зрителей.

Первая читка пьесы подходило к концу, и все уже устали. Кейт улыбнулась своему ученику и ободряюще добавила:

– Но у тебя все получится, вот увидишь.

– Следующая репетиция будет послезавтра в семнадцать часов, – напомнил Крейг. – А сегодня, пожалуй, на этом закончим.

Два десятка подростков не спеша вышли из зала небольшими группами, перекидываясь на ходу шутками.

– Атмосфера была прекрасная, – заметила Элизабет.

– И при распределении ролей не возникло никаких трагедий, это большое достижение! – добавил Питер.

Четверо учителей, довольные тем, как успешно прошло двухчасовое обсуждение пьесы, надели плащи и выключили свет.

– Матери двух моих учеников вызвались сшить костюмы, – сообщила Элизабет.

– А отец моего ученика готов помочь с декорациями, – добавила Кейт.

Проект начинал обретать форму, и она была очень воодушевлена. Выйдя во двор, они распрощались, очень довольные друг другом. Кейт направилась к своей машине, но, прежде чем она успела открыть дверцу, к ней подошел Крейг.

– У тебя есть минутка?

Кейт удалось ограничить их общение наедине, и сейчас ее рассердила его настойчивость. Однако она кивнула, нервно вертя в руке ключ зажигания.

– Я должен тебе кое-что сказать, и тебе это не понравится.

– Ты имеешь в виду нашу пьесу?

– Нет-нет, с этим ты прекрасно справляешься!

Он дружелюбно улыбался и не старался подойти ближе.

– Я весь день колебался, не зная, говорить тебе или нет. Но ты мой друг – по крайней мере, я надеюсь на это, и было бы нечестно с моей стороны утаить одну вещь, даже ради того, чтобы пощадить твои чувства.

– Прекрати говорить загадками, Крейг! Что ты имеешь в виду?

– Так вот. В полдень я... обедал в «Ви Лочан» с друзьями. Кстати, с нами был Питер.

Он сделал паузу, словно не решался продолжать.

– И что дальше? – спросила Кейт нетерпеливо.

– Я не сразу заметил твоего мужа, потому что сидел к нему спиной, но это был он. И не один, а в компании потрясающей блондинки, настоящей секс-бомбы.

– Это, конечно, его секретарша. Ее зовут Грейс, и она действительно красива и невероятно эффектна.

– Да, но это была не деловая встреча!

– Откуда ты знаешь?

– Они выясняли отношения. С самого начала она его очаровывала, брала за руку и улыбалась до ушей, но, видно, ничего не получилось, потому что она вскочила из-за стола и ушла в ярости, хотя официант уже принес заказанные блюда. Странное поведение для секретарши, правда?

Кейт нужно было время, чтобы осмыслить услышанное.

– Но... может быть, у них возникло разногласие из-за работы или... А что Скотт сделал после этого?

– Он расплатился и ушел. Я никого не осуждаю, ведь я даже не слышал их разговора. Но, строго говоря, это действительно выглядело как ссора любовников. На этой женщине был совсем не офисный наряд и такое декольте, что даже святой не устоял бы. И я не думаю, что служащая может встать и уйти посреди обеда. Ну вот, мне больше нечего добавить.

– И ты посчитал необходимым мне это рассказать?

– Знаешь, если бы со мной случилось нечто подобное, я хотел бы, чтобы меня поставили в известность. Никто не хочет последним узнавать о таких вещах. Почему бы тебе не поговорить об этом с мужем? Просто я не хочу, чтобы тебя обманывали, причиняли боль и ставили в дурацкое положение. Я слишком... привязан к тебе.

Крейг выглядел сильно взволнованным. Он нерешительно протянул к Кейт руку, но тут же опустил ее и, повернувшись, быстро пошел к своей машине. Кейт села за руль и рванула с места. Противоречивые мысли вихрем кружились у нее в голове. Способен ли Скотт на измену? Но какой мужчина устоит перед натиском такой соблазнительной женщины, как Грейс? Что касается Крейга, он все-таки вел себя достаточно сдержанно, и она на него не сердилась. В конце концов, она предпочитала знать правду, хотя у нее было ощущение, будто ее окатили холодной водой. Ее любовь к Скотту основывалась на абсолютном доверии – абсолютном или слепом? – и она никогда не думала, что будет сомневаться в нем.

Приехав в Джиллеспи, Кейт увидела у крыльца «Рейндж Ровер». Скотт уже дома – прекрасно, они смогут сразу объясниться. Она вошла в кабинет и увидела, что он сидит за компьютером.

– Привет, дорогая, вот и ты! Репетиция прошла хорошо?

– Очень хорошо, спасибо.

Ее голос дрожал от гнева, и Скотт посмотрел на нее с недоумением.

– Ну а ты? Как прошел день у тебя? – добавила она тем же тоном.

– Э... нормально. Без приключений.

– В самом деле?

Удивление Скотта росло: он никак не мог понять, куда она клонит.

– А твой обед с Грейс, который так плохо закончился, приключением не считается?

– Ах вот ты о чем...

Озадаченный ее гневом, для которого не было никакой причины, он молчал.

– Какое у тебя виноватое лицо, Скотт! Тебе стоило первому начать этот разговор.

– В чем я виноват?

– Почему ты был с ней в том ресторане? И почему у вас был вид рассорившихся любовников?

– Послушай, это просто смешно...

– Мне нужен ответ, Скотт!

– Сегодня утром я предупредил Грейс, что не беру ее на работу в винокурню.

– Значит, ты должен был ее утешить? Наедине? А что ее так рассердило, если ты уже объявил ей, что она не будет твоей служащей?

Скотт встал, обошел стол и протянул Кейт руку, но она отшатнулась. Стоит ли признаваться, что Грейс его соблазняла? Наверняка это подольет масла в огонь, но враждебность Кейт его встревожила.

– Ты бы предпочел, чтобы я ничего не узнала, правда? – добавила она с горечью. – Если бы Крейг вас случайно не увидел, ты бы ни слова не сказал об этом обеде, ты бы...

– А, ну конечно, опять этот проклятый Крейг!

– Ты ненавидишь его, потому что он мой друг, как будто я не имею права иметь друга! И к счастью, он там был.

– Друг или поклонник?

– И что? Ты хотел бы, чтобы на меня никто не смотрел?

– Хорошо, допустим, он друг. Так называемый «друг, который хочет вам добра»! Думаю, ему очень нравится вносить разлад между нами, чтобы потом тебя утешать.

– Ты выплескиваешь на меня свою глупую ревность, а когда я прошу объяснить твои тайные свидания с секс-бомбой, становишься немым. Потому что ты умеешь перевернуть ситуацию: делаешь вид, что Грейс больше не существует, чтобы донимать меня Крейгом! Только это не пройдет!

– Да мне плевать на Грейс! – взорвался Скотт.

– Не кричи на меня. От того, что ты злишься, ничего не изменится, раз ты не хочешь мне отвечать. Ты увливаешь, потому что у тебя нет достойного объяснения. Потому что ты не мог просто

сказать мне: «Слушай, я обедал с Грейс, она была очень недовольна тем, что я не взял ее на работу». Я считала тебя более искренним, и твои увертки меня очень разочаровали.

– Прекрати эту психотерапию, Кейт. Ничего не было, вообще ничего, и если этот сердобольный Крейг утверждает другое, то лжец – это он.

– Он солгал?

– Нет, но присочинил; он по-своему интерпретировал то, что увидел. Настоящий друг поступил бы так? Задай себе этот вопрос!

– Сейчас я задаю вопрос тебе.

– Ладно. Я действительно обедал с Грейс. Она хотела получить рекомендации по поиску работы, по крайней мере, таков был предлог. На самом деле она попыталась меня соблазнить, но я ее послал, и этого она не стерпела. Других встреч у нас не было – ни до, ни после.

– И я должна поверить тебе на слово?

– Кейт...

– Я очень расстроена и просто не знаю, что думать. Мне будет трудно забыть это, Скотт.

Она развернулась и вышла, хлопнув дверью.

Черт возьми, как убедить Кейт, что она ошибается? Мысль о том, что он теряет ее доверие, была невыносимой. Почему же все-таки он взял на работу эту Грейс, пусть даже на испытательный срок? И еще более трудный вопрос – почему он согласился на обед с ней? Да, она казалась ему красивой, отрицать это было бы нечестно, но ее попытки оболъщения оставили его равнодушным. Поверит ли этому Кейт? Что касается чертового Крейга, который наверняка потирает руки после своей маленькой подлости, Скотту страстно хотелось подстеречь его, когда тот выйдет из школы, и хотя бы разок дать ему по морде.

Вот только это утешение обойдется ему слишком дорого и окончательно оттолкнет от него Кейт. С ее точки зрения, Крейг просто рассказал о том, что видел, зато для него самого это обернулось невероятной удачей! Нетрудно изобразить принципиального, честного парня, который *хочет защитить своего друга*.

Раздраженный, Скотт выбросил из головы мысли о Крейге. Кейт показала ему, как разрушительна беспричинная ревность, и он с надеждой подумал о том, что, успокоив ее ревность, избавится и от собственной. Оставаться в ссоре с женой еще целый час показалось

ему вдруг невыносимым. Он вышел из кабинета и бросился к лестнице в твердой решимости попросить у нее прощения за то, что не рассказал все сразу. Перешагивая через несколько ступенек, он вспомнил слова Мэри: «Когда-нибудь ты полюбишь по-настоящему, и эта женщина сможет из тебя веревки вить. Но это буду не я». Он нашел такую женщину, женился на ней, поклялся сделать ее счастливой, и да – он был готов ради нее на все, даже наступить на собственную гордость. Но достаточно ли этого?

Поднявшись на второй этаж, он столкнулся с Бетти, которая с решительным видом остановила его:

– Подождите, Скотт...

Она подвела его к окну и огляделась, словно опасалась ненужных свидетелей.

– То, что я сделаю, очень нехорошо, – прошептала она. – Но кого-то мне все равно придется сдать, и я не хочу, чтобы это были вы.

Ошеломленный этим загадочным заявлением, он выжидательно молчал.

– Я не сошла с ума, – продолжала Бетти, перейдя на шепот, – и я знаю ваших прямых конкурентов и тех, кто давно зарится на компанию Джиллеспи. Самый опасный из них – это Мак Делл, мерзкий тип с непомерными амбициями и сомнительным качеством виски.

Скотт, все еще погруженный в мысли о Кейт, ограничился кивком.

– Джон рассчитывает продать ему акции Амели. Вчера он позвонил ему и договорился о встрече на следующей неделе.

– Что?! – вскрикнул Скотт.

Бетти жестом попросила его молчать и бросила беспокойный взгляд на лестницу и галерею.

– Как подумаю, что Мак Делл заявится к вам на винокурню, мне прямо плохо становится, Скотт. Это я проговорила о нем Джону, а этого нельзя было делать, простите меня. Он вас ненавидит и ужасно радуется, когда может вам насолить. Хотя это называется пилить сук, на котором сидишь! Я виновата, без моей помощи он не вмешался бы, потому что совершенно не знает эту среду. Теперь мне так стыдно... Поэтому я решила вас предупредить, хотя не представляю, что тут можно сделать...

Скотт стоял неподвижно. Сколько еще бед обрушится на него?

– Спасибо, Бетти, – пробормотал он.

Предупрежден – значит вооружен? Он никак не мог убедить Амели встать на его сторону. Что бы ни происходило, она всегда будет слушать Джона. Впрочем, у него все равно не было свободных средств, чтобы выкупить акции прямо сейчас. Но мысль о том, что эта старая акула Мак Делл вторгнется на винокурню в Гриноке, была невыносимой. Ангус с того света проклянет своего сына, если, конечно, тот свет существует.

– Кейт уезжает, – заметила Бетти, глядя в окно.

Сквозь стекло Скотт увидел, как его жена садится в машину и под визг покрышек срывается с места, взметая тучи гравия.

– Куда уезжает? – растерянно спросил Скотт.

– К вашим друзьям – Грэму и Пат. Она сказала мне мимоходом, что едет присмотреть за детьми и останется там на ночь. Вы разве не...

Бетти замерла на полуслове, поняв, что опять допустила промах. Помолчав, она пролепетала:

– Я могу быть вам чем-то полезной?

– Нет. Хотя да. Вы можете помочь моей теще с детьми? Мне нужно ненадолго уехать.

Даже не выслушав ее ответа, он бросился вниз по лестнице, нашаривая в кармане ключи от машины.

* * *

Пат усадила Кейт на диване в гостиной, отправив Грэма присматривать за их тремя детьми, которые в это время ужинали на кухне. Кейт расплакалась, а потом обо всем рассказала подруге, не упустив ни малейшей подробности. Она выглядела такой несчастной и потерянной, что Пат налила ей полный бокал охлажденного шардоне и придвинула коробку с салфетками.

– Я никогда не сомневалась в Скотте, никогда! – объяснила Кейт, понемногу успокаиваясь. – Все, что он говорит, каждое его слово для меня непреложный факт. И вот теперь я узнаю, что он о чем-то умалчивает, что он способен мне солгать. Но я дала ему шанс, я спросила, как прошел у него день? И он спокойно ответил: «Нормально. Без приключений».

– Потому что для него этот эпизод не имел никакого значения. Ты должна ему верить, когда он тебе клянется, что эта женщина его не интересует.

– Ты считаешь, этому можно верить? Ты ее видела? Она сногшибательная красотка! И Скотт признался, что она к нему приставала... Почему не признать все остальное?

– Потому что остального не было.

– Ты правда так думаешь? Меня часто упрекают в наивности, а я не хочу быть обманутой.

Пат повернула голову, прислушиваясь к тому, как ее муж пытается уложить детей спать.

– Иди к нему, – предложила Кейт.

– Не волнуйся, он прекрасно обходится без меня. Слушай, я хочу, чтобы ты посмотрела на все непредвзято. Бывает, что мы о чем-нибудь умалчиваем, чтобы не создавать проблемы на пустом месте. Скотт слишком прямодушен и слишком любит тебя, чтобы обманывать с первой попавшейся блондинкой, пусть и сногшибательной.

– До сих пор и я была убеждена в этом.

– Так в чем же дело? Разве теперь он относится к тебе иначе? Отдалился, стал рассеянным?

– Нет, вовсе нет, но это ничего не значит.

– Очень даже значит. Ты же сама говорила, что у Скотта неприятностей выше головы, однако, как видишь, с тобой он остался прежним. Когда у Грэма проблемы на работе, он меня не замечает, словно я становлюсь невидимкой!

– Тебе только так кажется, не переживай, – пробурчал Грэм, присоединяясь к ним. – Ты занимаешь слишком много места, чтобы я тебя не замечал.

Пат улыбнулась мужу и спросила, как дети.

– Дорогая, они требуют, чтобы ты прочитала им сказку.

– Конечно, иди к ним, – подхватила Кейт.

Грэм сел на место Пат и похлопал Кейт по плечу.

– Тебе лучше?

– Не знаю... мне грустно. И, думаю, мне не следовало уезжать из дома.

– Ну почему же! Всегда должна быть возможность переждать у друзей. Можешь выпить еще вина, а потом переночуешь у нас. А

завтра утром проснешься и увидишь Скотта таким, какой он есть.

– То есть?

– Самым любящим из мужей. Он обожает тебя, Кейт. Действительно любит тебя до безумия, я ведь давно его знаю. И ему не следовало нанимать эту красотку, по которой сразу видно, что с ней не оберешься проблем.

– Скотт ее оправдывал. Даже если он ей не уступил, ему наверняка было приятно, что он ей нравится.

– Она не нужна ему, а женщинам он нравился всегда. И долгое время ему это льстило, согласен, но только до тебя. Ты изменила его, Кейт! Вы потрясающая пара, так что не цепляйся к мелочам. И уж если мы затронули эту тему, то скажу тебе: сегодня ревнуешь ты, а все последние месяцы он воображает бог знает что и мучается из-за твоего приятеля Крейга. На мой взгляд, вы не должны играть в такие игры. Супружеская ревность ядовита.

Не успел он закончить свою тираду, как в дверь несколько раз нетерпеливо позвонили.

– Легко на помине...

Грэм испытующе посмотрел на Кейт и, убедившись, что она успокоилась, пошел открывать. На пороге стоял Скотт; выглядел он измученным. Одной рукой он опирался на дверной косяк, в другой держал два букета роз. Он протянул один Грэму и пробормотал:

– Для Пат.

– Схожу за вазой. Ты нашел время съездить за цветами, молодец!

Он понимающе подмигнул и ушел на кухню. Скотт подошел к Кейт и остановился возле дивана, не зная, что сказать.

– Я должен извиниться, – наконец произнес он. – Нельзя было обходить молчанием этот идиотский обед.

– Совершенно верно.

– Мысль, что я разочаровал тебя, причинил тебе боль, разбивает мне сердце.

Она подняла голову, и он увидел ее опухшие глаза и потерянный взгляд.

– О, Кейт, мне так жаль!

Он положил букет на журнальный столик и подвинул его к ней.

– Пожалуйста, дорогая, скажи, что я должен сделать, чтобы ты улыбнулась!

В эту минуту он напрочь забыл о признании Бетти и об угрозе, которая нависла над его винокурней в Гриноке, важнее всего на свете была Кейт. Скотт опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои.

– Посмотри на меня, это важно. Я никогда тебя не предаю. Никогда этого не делал и никогда не сделаю. Ты – лучшее, что у меня есть, все остальное не важно. Жизнь без тебя потеряла бы всякий смысл, клянусь тебе.

Он капитулировал с легким сердцем, так страшила его мысль, что она может отдалиться от него.

– Между нами больше нет доверия, Скотт. Мы ревнуем друг друга – ты к Крейгу, я – к Грейс... Причиняем друг другу боль.

– Забудь о Грейс, она мне безразлична. На этом проклятом обеде я сказал ей, что люблю тебя, только тебя, и никого другого. А что касается Крейга, то на его месте я наверняка действовал бы так же. Твоя дружба с ним мучит меня, потому что ты участвуешь вместе с ним в том, что я не могу тебе дать. Я завидую вашим разговорам, репетициям и близости, которая всегда возникает при этом. Зависть – пошлое чувство, и я стыжусь ее. Ты – искренняя и цельная, и я ни в чем тебя не подозреваю, ты это знаешь. И чем больше друзей у тебя будет, тем лучше.

Кейт медлила с ответом, однако ее лицо постепенно смягчилось. Словно все еще колеблясь, она наклонилась и положила руку ему на плечо:

– Ты обещаешь мне, что все будет хорошо?

– Но, дорогая, все *уже* хорошо!

Они неловко обнялись: она – сидя на диване, а он – по-прежнему стоя на коленях.

– Мы можем войти или оставить вам квартиру? – весело крикнул Грэм.

– Из вас получились бы Ромео и Джульетта, если бы не возраст, – добавила Пат.

Кейт и Скотт встали, не отрываясь друг от друга.

– Спасибо за гостеприимство, – сказала Кейт, впервые за вечер улыбнувшись. – А теперь мы поедем.

– Куда же вы! В Джиллесли ужин уже скоро закончится, так что присоединяйтесь к нашему, хоть он и сильно запоздал из-за вашего спектакля.

Стоя за спиной жены, Скотт послал Грэму благодарный взгляд. Кейт сразу же предложила Пат помочь на кухне, и мужчины остались одни.

– Ты был прав, – сказал Скотт, жестом пресекая объяснения друга. – Нужно было сразу послушаться тебя и избавиться от этой *секретарши*.

– Тебе следовало бы почаще меня слушать.

– Не учи меня, просто радуйся, что оказался прав.

– Ну что, Кейт напугала тебя?

– Это мягко сказано. Я никогда в жизни больше не пойду на такой риск.

– Значит, все хорошо?

Скотт улыбнулся, но улыбка тут же замерла у него на губах.

– Не совсем, – признался он. – У меня чертовски скверные новости: Джон собирается продать акции Амели Мак Деллу.

Пораженный, Грэм пристально посмотрел на друга.

– Ты серьезно? Этому прохиндею?

– Ему и никому другому.

– Ты не должен допустить это, Скотт!

– Боюсь, я не могу ему помешать.

– О боже, хуже ничего и быть не может...

– От Джона всегда исходит самое худшее...

– У тебя есть какой-то выход из положения?

– Найду. А надо будет, так придумаю.

Скотт не был так уж уверен, что найдет решение, но к нему вернулся боевой дух. Еще час назад его самой главной проблемой была Кейт, однако теперь он чувствовал себя способным мобилизовать всю свою энергию на борьбу с Джоном, которая слишком затянулась.

– Я не позволю ему взять верх надо мной, – холодно сказал он.

И Грэм понял, что, несмотря на кажущееся спокойствие, Скотт только что объявил Джону войну. До сих пор он терпел его как члена своей семьи, но теперь будет беспощаден.

Амели задержалась на кухне, краем глаза наблюдая за Мойрой. С тех пор как оценщик закончил свою работу, отношения между женщинами стали натянутыми. Показывая на тот или иной предмет, на котором оценщик оставил наклейку с номером, Мойра безапелляционно заявляла: «Это останется в доме!» Амели не знала, как на это реагировать. Джон поставил ее в очень уязвимое положение, и ей было не по себе. С годами семья Джиллеспи стала ее семьей. Она больше не чувствовала необходимости защищать своих детей, как львица защищает своих львят. Каждый выбрал свой путь, и Кейт – первая из них. Джордж успешно работал, Филип – тоже, хотя она и не понимала его личных пристрастий. Оставался Джон, ее первенец, которого она любила больше других и который не отвечал ей взаимностью. Амели устала от сложностей, которые он постоянно вносил в ее жизнь, но не осмеливалась себе в этом признаться. Тем более у нее больше не было поддержки Ангуса, и она оказалась в изоляции от всей семьи, что ее совсем не радовало.

– Чай просто великолепен! – объявила она. – Можно мне еще чашечку?

– Налейте себе сами, – холодно ответила Мойра.

Амели так и сделала, но задумалась: как же задобрить золовку? Утешить ее, заверив, что ничего в доме продано не будет, она не могла: Джон собирался вывезти все имущество, которое считал долей матери. Амели долго размышляла. Ее финансовое положение было неважным: она ничем не владела, так как ничего не предпринимала заранее, в полной уверенности, что как вдова будет защищена от превратностей судьбы, и надеялась только на то, что адвокат добьется для нее денежной компенсации. Большую часть которой заберет себе Джон – в этом у нее не было сомнений. А потом он покинет Джиллеспи, поссорив мать со всеми. Какая мрачная перспектива!

Чай остыл. Амели встала, ополоснула чашку и вышла из кухни. Мойра подождала немного, и, убедившись, что теперь она одна, с облегчением вздохнула и начала чистить овощи. Амели, может, и неплохая женщина, но она находится под влиянием Джона и уступает

всем его требованиям. Родительская любовь не может быть оправданием. Ангус тоже обожал Скотта, но не показывал перед ним свою слабость. Или женщины более чувствительны, слишком сердобольны?

Две руки обхватили Мойру за талию, и она вскрикнула от неожиданности, уронив картофелину.

– Скотт! Ты меня напугал до смерти...

При этих словах она с нежностью улыбнулась ему, а он поцеловал ее в щеку.

– Ты сегодня что-то рано, мой милый.

– Я хотел поговорить с тобой, и желательно в спокойной обстановке.

– Хочешь сказать, когда я на кухне одна?

– Вот именно.

Он сел, вернее, упал на скамью. Осунувшееся лицо и темные круги под глазами выдавали его усталость.

– Ты очень плохо выглядишь, – заметила Мойра.

– Наверное, из-за всяких неприятностей. Я только что вернулся из банка, где убедился, что у меня далеко не блестящее положение.

Вытерев руки о фартук, Мойра села напротив.

– Рассказывай, – коротко сказала она.

– Изложу тебе краткую версию, потому что ситуация довольно сложная. Винокурни работают хорошо, но полученную прибыль я инвестирую в производство. Я частично модернизировал технологический процесс, сделал ставку на более агрессивный маркетинг, короче, заработав деньги, я снова их вкладываю. Как тебе известно, Амели унаследовала некоторое количество акций Гринока, которые будет продавать. Я с удовольствием выкупил бы их, но у меня недостаточно средств, чтобы сделать ей такое предложение. И в любом случае Джон выберет в качестве покупателя кого угодно, только не меня.

– Почему? Если он получит деньги, какая разница, чьи они?

– Ситуация изменилась. Он считает это своим личным делом и думает, что отомстит мне, навязав в партнеры постороннего человека.

– Отомстит за что? За то, что ты не выгнал его из дома, хотя он этого заслуживает?

– Он не забыл, как его «унижали». И мы на ножах с тех пор, как я не скрываю, что терпеть не могу его манеру использовать все и вся: жену, мать, свою болезнь. Словом, я никак не могу помешать продаже этих акций, и это разрушит мой бизнес в Гриноке на ближайшие десять лет!

В ярости Скотт чуть не стукнул кулаком по столу, но тут же опомнился, устыдившись своей несдержанности.

– Зато, – продолжал он, – я продал квартиру в Глазго и могу теперь заплатить Амели компенсацию по этой чертовой описи, и тогда здесь ничего не уйдет с торгов, ни одна из твоих ложек.

Его взгляд скользнул по старинной медной посуде, висящей на крюках, по настенным часам, по длинному дубовому столу.

– Ничего, – повторил он со слабой улыбкой.

Мойра серьезно кивнула, а потом встала и закрыла дверь, чего никогда не делала.

– Мне тоже надо кое-что тебе сказать. Я всегда знала, что ты не допустишь продажи обстановки, собранной многими поколениями Джиллесли. Дом большой, в нем много вещей, одни имеют рыночную стоимость, другие дороги, как память. Ты принял правильное решение сохранить в целости то, что составляет прошлое нашей семьи, ее историю. Теперь о Гриноке... Если я правильно поняла, проблема у тебя двойная. Найти средства, а потом убедить Амели продать акции тебе, если цена устроит вас обоих.

– У меня нет денег. Банк предлагает заложить Джиллесли, но я не пойду на это ни за что на свете.

– Подожди минутку, хорошо? Мы разделим задачу на две части. Оратор из тебя лучше, чем из меня, ты сможешь отстоять свое дело, которое в конечном счете перейдет к твоим детям. Амели их обожает, поэтому хотя бы выслушает тебя прежде, чем принять решение. Что касается денег, которых у тебя нет, я могу помочь.

– Ты?

Улыбка Скотта стала шире, он с нежностью смотрел на Мойру.

– Ты чудесная, Мойра. К сожалению, ты не совсем поняла масштаб...

– Почему ты все время перебиваешь? Вообще-то, я никогда не говорю о деньгах: во времена моей молодости считалось признаком плохого воспитания, если девушка говорила о таких вульгарных

вещах. Но все это в прошлом, поэтому я продолжаю. Когда наши родители умерли, Ангусу, как старшему сыну, перешли по завещанию винокурни и поместье. А я в качестве компенсации получила небольшой капитал, который должен был стать моим приданым... и который я не трогала. За сорок лет он заметно вырос благодаря процентам, и теперь он твой. Может, этого будет недостаточно, но... скажем так, лишним не будет.

Скотт с изумлением смотрел на Мойру. Он всегда думал, что она живет в Джиллеспи только потому, что ей некуда идти из-за отсутствия средств.

– Мне не нужны твои деньги, но я очень рад, что они у тебя есть.

– Я не часто о них вспоминаю, – призналась она. – Ангус не хотел, чтобы я потратила здесь хоть один пенни. Я вела его дом, и он считал, что это справедливый обмен. На самом деле ему было стыдно за его привилегии. А кроме того, он разогнал всех моих женихов под предлогом, что они меня недостойны, и в конце концов, по его вине я осталась старой девой. Джиллеспи, в сущности, место довольно уединенное, здесь редко появлялись новые лица...

На какое-то мгновение она полностью погрузилась в свои меланхолические мысли, но, тряхнув головой, отогнала их и вернулась к своему предложению:

– Возьми эти деньги, Скотт! Если бы не твой отец, я бы давным-давно все потратила – не важно, в замужестве или просто так. Зачем они мне? Я ни в чем не нуждаюсь. Я думала, что когда-нибудь буду помогать Дэвиду, но ты благородно взял это на себя, и теперь я о нем не беспокоюсь. Возьми то, что я сама тебе даю, и не ломайся.

– Не возьму, Мойра.

– Нет, возьмешь! – воскликнула она и стукнула кулаком по столу. – Мы клан, Скотт. Мы должны держаться друг за друга и стоять насмерть. Кто знает, может, когда-нибудь ты мне все вернешь? Благодаря тебе винокурни процветают, и в будущем ты компенсируешь мне все или часть, если уж так настаиваешь. Ты мой племянник, мой самый близкий родственник, я растила тебя после смерти матери, и ты хочешь, чтобы я оставила тебя бороться в одиночку? Если этих денег недостаточно, ладно, не будем больше говорить об этом, но, по крайней мере, ты будешь бороться не с пустыми руками! Что до

предложения заложить дом, хорошо, что ты этого не сделал, а то бы я поднялась на бельведер и повесилась.

В голосе Мойры звучала непривычная твердость, и это напомнило Скотту его детство. Он был неугомонным мальчишкой и иногда выводил ее из себя.

– Значит, мы все решили? Вспомни об отце и о том, что бы он теперь сказал.

Скотту слишком хотелось принять ее предложение, чтобы он мог упираться дальше. Аргументы тетки убедили его, и для борьбы с Джоном деньги были необходимы. Он согласно кивнул, и Мойра наконец-то улыбнулась.

* * *

Пат проводила Бетти на собеседование. На должность бухгалтера в одном из лучших театров Глазго претендовало много кандидатов, но Грэм использовал свои связи, и резюме Бетти оказалось в стопке первым. Молодая женщина сумела произвести выгодное впечатление, упомянув свой многолетний опыт работы в Джиллеспи, а также в Париже, благодаря чему она стала практически двуязычной. Твердо решившая не упускать эту вакансию, жизнерадостная Бетти показала, что она может быть убедительной и серьезной.

– Думаю, у меня есть все шансы, – заявила она Пат, выходя из «Ситизен-театра». – Будет просто замечательно, если я снова начну работать!

Она была переполнена благодарностью к Грэму, Пат, а также Скотту, который порекомендовал ее своим друзьям. И он сделал это до того, как узнал, что против него замышляется, а значит, это не было ответной «услугой за услугу». Она искренне радовалась, что предупредила его о планах Джона. Скотт был опорой семьи, единственным, на кого можно было рассчитывать, и Бетти давно поняла: что бы ни случилось с Джоном или с ней, Скотт никогда не откажет им в поддержке.

– Как это угнетает – ничего не делать целыми днями! Мойра не хочет, чтобы ей помогли на кухне, она считает ее исключительно своей территорией! Амели сама занимается близнецами, пока Кейт

отсутствует. Я немного помогаю Дэвиду в саду, потому что весной там есть чем заняться, но знаю, что он прекрасно обойдется без меня. О, Пат! Я правда очень жду эту работу! Мы получим ответ только на следующей неделе, и мне будет трудно все это время не тешить себя надеждами. Мы действительно очень хорошо поговорили с директором, надеюсь, – он так ведет себя не со всеми кандидатами подряд!

Бетти была преисполнена энтузиазма и с трудом сдерживала нетерпение. Она только что призналась Пат, что ей было невыносимо слоняться без дела с утра до вечера. Джон редко был с ней ласков, он почти всегда пребывал в дурном настроении и отказывался от ее забот. И она уже спрашивала себя, не стала ли его болезнь единственной причиной, которая удерживает ее от развода? Их брак принес Бетти одни разочарования. Из любви к нему она примирилась с тем, что у нее не будет детей, что ей придется жить со смертельно больным человеком. Из-за этого их будущее висело на волоске, хотя врачи и утверждали, что при надлежащем лечении Джон сможет вести практически нормальную жизнь. Но способен ли он стать серьезным в этой оставшейся ему жизни? Те немногие силы, которые у него еще были, он тратил на борьбу со Скоттом, надеясь отомстить своему врагу и заполучить серьезный куш. Бетти этого не одобряла, не принимала эту войну, что еще больше отдаляло ее от мужа. Она чувствовала себя связанной моральными обязательствами, но с болью признавалась себе, что ее любовь слабеет. Вернется ли к ней когда-нибудь тот, прежний Джон, который некогда покорило ее сердце?

– Надеюсь, на следующей неделе мы будем пить шампанское, – весело сказала Пат. – А пока я угощу тебя пивом.

Стоял прекрасный весенний день, дул нежный ветерок, и на улицах Глазго было многолюдно. Они встретили волынщика, который развлекал туристов, играя самые известные шотландские мелодии.

– Я совсем не скучаю по Парижу, – добавила Бетти. – Мы не завели там друзей, и я чувствовала себя изгнанницей. Даже отец Джона нам не особенно помог. Для него мы чужие. Он и на свадьбу не хотел к нам приезжать! В конечном счете, я счастлива, что вернулась в Шотландию. Тем более что Джон здесь находится под наблюдением врачей.

– Как он себя чувствует?

– Физически он в неплохой форме, несмотря на то что лечение его выматывает. Побочные эффекты уже не такие сильные, как раньше, только нужно очень пунктуально выполнять предписания.

– А морально?

– Он не такой тревожный, как раньше. Делает вид, что не слушает врачей, а на самом деле впитывает каждое их слово! Если бы только он не был одержим этим проклятым наследством и Скоттом...

– Я задам тебе немного грубый вопрос, Бетти. Твой муж злой или просто тупой? Извини, если шокирую тебя, но все-таки надо признать, что его поведение только ухудшает ситуацию. Поставить Скотта в тяжелое положение – это все равно что утопить самого себя! Что вы будете делать, когда у него возникнут финансовые проблемы и ваша жизнь в Джиллеспи станет невозможной?

– Я все это знаю! – возразила Бетти. – Но не могу его убедить. Имя Скотта для него все равно что красная тряпка для быка. Вражда началось еще двенадцать лет назад, когда Амели приехала с детьми в Шотландию. Скотт уже в то время воплощал все, что Джон ненавидит. Может быть, потому, что в глубине души он хотел бы походить на него или занять его место! Скотт преуспевал во всем, за что бы ни брался, а Джон всегда терпел фиаско. Скотт был любимым сыном, а Джона бросил отец. У семейства Джиллеспи было поместье и процветающий бизнес, Амели же была нищая, и дети это знали. Джон с трудом это терпел и в конце концов озлобился. В каждом конфликте он проигрывал Скотту. А когда Амели взбрело в голову пристроить его на винокурню в расчете, что Ангус введет его в свой бизнес, он оказался с метлой в руке и в подчинении у Скотта. Представляешь?

– Вообще-то, так и положено – начинать с самой нижней ступени.

– Конечно, тем более что он отказался учиться. Однако для совсем молодого парня это, кроме неудачи, еще и унижение. Скотт стал объектом его ненависти, заклятым врагом. Я там работала и видела, что он бродит как неприкаянный, жалела его. Он казался мне очень привлекательным. Молодой, мрачный, все повторял, что ему не повезло... И я влюбилась! Вообще-то, он не злой. Да, он взбалмошный, инфантильный, эгоистичный, с полным разбродом в мыслях, а теперь деньги стали его идеей фикс. Когда он узнал, что подцепил СПИД, то ничуть не изменился. Он считает себя наказанным

ни за что и требует справедливости. Жить рядом с ним становится все сложнее, но я его не брошу.

Они вошли в паб и заказали две кружки пива; но Бетти едва пригубила свою. Собственные признания принесли ей неожиданное облегчение, и она добавила:

– Спасибо, что выслушала меня.

– Тебе нужно почаще высказываться.

– Не люблю жаловаться.

– Ты не жаловалась, просто дала мне ключ к пониманию. Расскажи все это Скотту, его мнение о Джоне, может быть, изменится.

– А вот наоборот – никогда, к сожалению! Если я получу эту работу, лучше всего будет снять квартиру в Глазго, чтобы Джон почувствовал себя наконец дома, не сталкивался со Скоттом по утрам и вечерам и не ходил целыми днями жаловаться к матери. И хотя он утверждает, что ненавидит Шотландию, это не так. У меня здесь остались друзья, с которыми можно возобновить отношения; мы будем жить своей жизнью, и все потихоньку наладится.

– Я в этом уверена, – подтвердила Пат. – Ты очень мужественная, Бетти.

– О нет, я...

– Да-да, у тебя потрясающая сила характера!

Восхищение Пат было искренним, и Бетти, воспрянув, смогла сделать несколько глотков пива. Она была счастлива тем, как прошла вторая половина этого дня, который обещал столько хороших перемен, и поэтому, когда ее телефон зазвонил и она увидела на экране имя Джона, то радостно ответила ему:

– Дорогой! Мое собеседование прошло отлично!

– Тем лучше для тебя, но Филип попал в аварию, и теперь он в больнице, в Глазго. А поскольку ты там, узнай, что с ним. Малькольм звонил нам, но он был в таком шоке, что мы ничего не поняли.

– Серьезная авария?

– Мы ничего не знаем! Давай, действуй, черт возьми, и позвони мне, когда что-нибудь выяснишь, мама сходит с ума от беспокойства.

Несмотря на присущий ему цинизм, Джон любил своих братьев, по крайней мере, больше, чем Кейт, которую он всегда немного презирал.

Бетти почувствовала тревогу в его голосе и обещала немедленно отправиться к Филипу. Она оставила Пат и помчалась в больницу, где в приемном покое уже сидели Малькольм и только что приехавший Скотт.

– Филипа отвезли в операционную, – объяснил он Бетти. – Придется ждать, когда нам что-нибудь скажут.

Потрясенный Малькольм растерянно озирался и, казалось, плохо отдавал себе отчет в происходящем. Бетти взяла его за руку и усадила на стул, а Скотт принес ему кофе. Врачи и медсестры торопливо проходили по залу, не обращая на них никакого внимания и словно не замечая умоляющего взгляда Малькольма.

– Пей, тебе сейчас это необходимо, – сказал Скотт, протягивая пластиковый стаканчик. – Здесь много сахара и молока, как ты любишь.

Малькольм поднял на него глаза, безуспешно попытался улыбнуться, и, взяв стаканчик двумя руками, объяснил прерывающимся голосом:

– Мы обходили пабы и обмывали контракт, который я подписал с галеристом. Сначала выпили несколько кружек в «Моде», а потом Филип захотел пойти в «Поло Лаунж», который находится по соседству... Со стороны Уилсон-стрит – это место, где собираются геи Глазго, и мы задержались перед входом, чтобы выкурить сигарету. Нас была целая группа, все шутили и не обращали никакого внимания на то, что происходит вокруг. И вдруг неизвестно откуда вылетел мотоцикл и ринулся прямо на нас! Мотоциклист хотел нас раздавить, явно какой-то псих-гомофоб... Я схватил Филипа за руку, и мы кинулись в сторону, но недостаточно быстро, и мотоцикл сбил его. Филипа подбросило в воздух, это было ужасно...

Малькольма трясло; кофе выплеснулся ему на джинсы, но он этого даже не заметил.

– Этот псих не остановился, но, кажется, один из наших приятелей погнался за ним на своем мотоцикле... Я больше ничего не видел... Только смотрел на Филипа, лежавшего в крови посреди улицы, и пытался с ним говорить, но он был без сознания... Наверное, кто-то вызвал «Скорую», потому что она приехала почти сразу.

Он замолчал, а потом добавил шепотом:

– Я так боюсь за него!

Скотт участливо положил руку ему на плечо и сел рядом.

– Скоро мы узнаем новости, потерпи немного.

– Я больше не могу ждать.

– Надеюсь, этого мерзавца поймают, – пробормотала Бетти. – Как можно такое вытворять?

– От злобы, от глупости или от одного и другого вместе! – проворчал Скотт.

Они замолчали, но Малькольм, сидя между ними, чувствовал их поддержку.

– Я позвоню Амели после того, как мы поговорим с доктором, – решил Скотт.

Взяв пустой стаканчик из рук Малькольма, он встал, чтобы выбросить его в урну. Сколько раз он видел свою тещу, пораженную ударом судьбы? Сначала выкидыш, произошедший у нее в Джиллесли несколько лет тому назад у подножия лестницы, где она ухватилась за его руку, потому что рядом больше никого не было. Потом побег Джона во Францию, о чем ему пришлось лично сообщать Амели. Внезапная смерть Ангуса, которая повергла ее в такую растерянность, что она полностью положилась на своего зятя. Наконец, подхвативший СПИД Джон, из-за которого она пребывала в постоянном страхе. А теперь Филип находился между жизнью и смертью, и при наихудшем исходе именно на него, Скотта, ляжет обязанность сообщить ей об этом. Охваченный состраданием к Амели, Скотт вдруг увидел ее совсем другими глазами.

«Только бы мне не пришлось сообщать ей ужасную новость... Господи, прошу тебя!» Произнеся мысленно эти слова, он нахмурился. Ангус не раз замечал с иронией, что, если у человека нет веры, бесполезно просить небеса о милости.

– Вы родственница? – спросил врач, остановившись перед Бетти.

Она покачала головой, Малькольм же пытался подыскать подходящий ответ.

– Он мой зять, – объявил Скотт.

– Нам удалось остановить внутреннее кровотечение, которое нас больше всего беспокоило. У него также перелом бедра и нескольких ребер, но это не опасно для жизни.

Малькольм закрыл лицо руками, чтобы скрыть слезы облегчения. Доктор посмотрел на него с некоторым любопытством, и тогда Скотт

уточнил:

– Его партнер.

– А, понятно...

Хотя что он мог понять, кроме того, что у молодого человека словно камень с души свалился?

– Мы будем наблюдать вашего зятя до завтра; если его состояние не ухудшится, переведем его в другое отделение. Он еще спит, а потом долго будет находиться под влиянием седативных препаратов. Приезжайте не раньше чем через сутки.

Малькольм резко поднял голову, готовясь возражать, но доктор только слегка ему улыбнулся:

– Все будет хорошо, худшее позади. Ему повезло!

И он сразу же направился к родственникам других пациентов.

– Я закажу благодарственную мессу, – серьезно и решительно сказал Малькольм. – И мне очень стыдно, что я себя не сдержал.

– Отвезти тебя в Джиллеспи? – предложил Скотт. – Сегодня тебе не стоит быть одному, отпразднуем хотя бы то, что удалось избежать худшего.

– У меня нет настроения праздновать.

– И напрасно. Филип жив, все обойдется без последствий, а завтра ты уже будешь держать его за руку. Жизнь прекрасна, разве не так?

Взяв Малькольма за локоть, Скотт заставил его встать.

– Завтра, – повторил он. – А сейчас поедem домой.

Он повел его к выходу, где перепоручил Бетти, а сам достал телефон и позвонил Амели.

* * *

В течение нескольких дней Кейт удавалось избегать встреч с Крейгом. Во время репетиций она чувствовала на себе его взгляды, но не отвечала на них. Не стала она с ним объясняться и по поводу его «разоблачения» Скотта и злосчастного обеда с Грейс. Может быть, он надеялся, что она расскажет ему о последовавшей за этим супружеской сцене и будет плакать у него на плече? До сих пор ей случалось пускаться с ним в откровенности, но больше она не допустит такой

ошибки. В этот вечер она спешила на стоянку и была неприятно удивлена, увидев, что Крейг ждет ее возле машины. Избежать встречи было уже невозможно, и Кейт, заставив себя улыбнуться, бросила взгляд через плечо – увы, никого из коллег поблизости не было.

– Привет, Кейт! Мы сегодня совсем не виделись!

– Я проверяла домашние работы.

– Но тебя не было в учительской. У меня такое впечатление, что ты меня избегаешь, или я ошибаюсь?

Низкое солнце светило ему в спину, и она видела только его темный силуэт. Бесспорно, он был очень привлекательный мужчина, и Кейт в который раз удивилась тому, что он холост.

– Да, – призналась она, – последнее время я старалась тебя избегать.

– Почему?

– Ты знаешь, Крейг.

– Но ведь я не докучаю тебе любовными признаниями!

– Это верно.

– Ты замужняя женщина, решившая по-прежнему любить мужа, что бы он ни делал?

– Последние слова совершенно излишни.

– Может быть, но ты просто не хочешь ничего видеть. Конечно, это твое право...

– Спасибо за разрешение! Послушай, Крейг, не говори больше о Скотте, если хочешь, чтобы мы остались друзьями.

– Друзьями? Вообще-то, я надеялся быть для тебя больше, чем просто другом.

– Это невозможно.

Она взяла себя в руки, стараясь говорить спокойно и холодно. Крейг нравился ей, пока она не осознала, что чувство дружеской близости между ними постепенно превращается в физическое влечение. В том, что в их отношениях появилась двусмысленность, была и ее вина.

– Значит, в твоей жизни нет женщины? – спросила она с неподдельным любопытством.

– Была одна.

– Надеюсь, ты найдешь ту, которая тебе нужна.

Он вздохнул, сунул руки в карманы и посмотрел Кейт прямо в глаза.

– Ты не оставляешь мне никакого шанса?

– Честно говоря, нет.

Она подумала о Скотте, о том, как он положил перед ней букет роз и встал на колени. Его осунувшееся лицо, его глаза, его потерянный вид. Ни один мужчина на свете не мог соперничать с ним в сердце Кейт.

– Я рада, что мы поговорили об этом, – заключила она. – Лучше один раз прояснить ситуацию и начать общаться заново на здоровой основе, так нам будет гораздо удобнее, потому что мы вместе работаем. Мы сможем и дальше беседовать о литературе и тихонько подшучивать над директором школы!

Ее веселость явно смутила Крейга. Он смирился, а Кейт хотела, чтобы он вышел из этой истории с достоинством, как человек, умеющий проигрывать, потому что от этого зависела их совместная работа.

– Что ж, попробуем, – вздохнул он. – Но не волнуйся, я больше не буду надоедать тебе. Ты всегда будешь для меня прекрасной коллегой и самой красивой женщиной в школе!

И он ушел, опечаленный и, видимо, принявший свое поражение.

Кейт провожала его взглядом, пока он не повернул за угол, мысленно утешая себя тем, что, несмотря на его неоспоримое обаяние, ему не удалось заставить ее сомневаться в Скотте и в самой себе.

* * *

Филип дремал с морфиновой помпой в правой руке, в то время как левая была обездвижена капельницей. У его постели сидела Амели, сменившая Малькольма, которому она предложила сходить куда-нибудь поесть. Она всегда ощущала неловкость в присутствии молодого человека, который жил с ее сыном, и теперь предпочла остаться одна. Ей так и не удалось привыкнуть к мысли, что они – настоящая пара, и выбрать определенную линию поведения. Зато она долго рассматривала картину, купленную Скоттом, и даже, слабо разбираясь в живописи, почувствовала, что у Малькольма

несомненный талант. Скотт это понял, а она – нет. Скотт стремился их поддержать, а она – нет. А она всегда хотела помогать Джону, с самого его рождения!

– Мама? Пить...

Амели поспешно взяла с тумбочки стакан, осторожно приподняла голову Филипа, и он сделал несколько глотков.

– Тебе больно?

– Не очень.

Однако его лицо тут же исказила гримаса.

– Не терпи боль, нажимай на помпу.

– Я знаю... Где Малькольм?

– Ушел поесть.

Гримаса Филипа превратилась в улыбку.

– Это ты его уговорила? У меня не получилось, он отказался уходить... Но я не хочу, чтобы он проводил здесь все время...

– Я виделась с твоим врачом; он пообещал, что тебя выпишут через несколько дней. Вот приедешь домой и отдохнешь.

– В Джиллеспи? Ты называешь его «домом»? Я думал, ты собираешься уехать оттуда, после того как вывезешь всю обстановку...

– Какая нелепая мысль! Не говори таких вещей, я не собираюсь обсуждать это с тобой.

– Конечно, не сейчас, я устал.

– Ни сейчас, ни потом. Надеюсь, ты не станешь объединяться с остальными?

– Против тебя не буду, мама.

– А против Джона?

– Он заставляет тебя делать черт знает что...

Филип закрыл глаза и мгновенно заснул. Амели продолжала смотреть на сына, вслушиваясь в его неровное дыхание. Он избежал смерти под колесами безумца, ненавидящего геев. Что она знала о его жизни в Эдинбурге? О комиксах, которые он сделал своей профессией? О его друзьях, амбициях и мечтах? Точно так же она могла бы сидеть около него в морге, осознавая, что слишком мало интересовалась им. Наклонившись к своей сумке, она достала банку с «шортбредс» – песочным печеньем, специально приготовленным утром Мойрой, которая пояснила, что испекла его с шоколадными капельками, *как любит Филип*. Амели ничего об этом не знала, и ей

стало стыдно. Она отвернулась от сына из-за его сексуальных предпочтений. А ведь считала себя женщиной широких взглядов...

– Я вам не помешаю? – шепотом спросил Скотт, входя в палату.

– Нет. Но он заснул.

– Передайте Филипу, что я заходил. Как он?

– Могло быть хуже, по словам врачей.

– Я очень рад за него.

– Тогда уж порадуйся и за беднягу Малькольма – на нем просто лица нет.

Скотт бросил на Амели быстрый взгляд, удивленный тем, что это может ее волновать.

– Я не могу остаться. Вот, передайте ему это от меня.

Он положил на тумбочку пакет с логотипом книжного магазина.

– Спасибо. Очень мило с твоей стороны, – заметила Амели.

На этот раз она увидела в его глазах веселый блеск. Скотт повернулся к двери, но она его удержала.

– Как тебе удастся всюду поспевать?

– Все дело в организованности.

– Скоро нам с тобой предстоит серьезный разговор.

– Я как раз собирался предложить вам то же самое. Но только вдвоем: вы и я.

– Хорошо. Как-нибудь на днях, когда Филип начнет поправляться.

Амели больше не стала удерживать Скотта и перенесла внимание на сына. Почему он предпочитал мужчин женщинам? Было ли это предопределено еще до его появления на свет или так сложилось из-за стечения обстоятельств? Разумеется, они никогда не говорили на эту тему. Да и разве стала бы она его слушать, поняла бы его? Долгие годы Амели не догадывалась об истинной роли его закадычного приятеля Малькольма, у которого Филип проводил все уик-энды; она-то воображала, что они связаны крепкой мужской дружбой и вместе ухаживают за девушками.

«Как же я ошиблась в нем, в Джоне и даже в Кейт, которую считала серой мышкой! Однако Кейт упорно прокладывала дорогу к своей мечте и добилась того, чего хотела, открыв объятия Скотту и доказав, что она сделала правильный выбор. Их счастье очевидно, оно придает Джиллеспи настоящую семейную атмосферу. Разве не ее я мечтала создать, приехав к Ангусу с четырьмя детьми? Но получилось

это лишь в следующем поколении, у Кейт... если только сейчас все не испортить».

Амели встала так тихо, что Филип не проснулся. Наверное, он спал под действием препаратов, и она со спокойной совестью вышла из палаты. По коридору беспокойно ходил Малькольм.

– Что же ты не зашел? Филип спит, поэтому я убегаю. Скотт оставил для него книги. Не знаю ваших планов, но я предложила Филипу переехать домой на время выздоровления. Будем рады принять вас обоих.

Малькольм не успел поблагодарить ее, потому что она стремительно вошла в только что открывшийся лифт и уехала, очень довольная собой.

* * *

– Стоит тебе ее увидеть, и ты поймешь, что меня не в чем упрекнуть! – заявил Скотт.

– Неужели она такая некрасивая?

– Нет, этого бы я не сказал, но ей за пятьдесят, она не ходит на каблуках и не пользуется косметикой. Зато у нее прекрасные рекомендации, и я очень рад, что она согласилась на эту должность.

– А когда она приступает к работе? – поинтересовалась Кейт.

– Уже приступила. Пока я подписывал контракт, она заметила, что поскольку все равно уже здесь, то сразу же и начнет.

– Я рада за тебя, ты слишком долго обходился без секретарши и вымотался.

Кейт сняла пеньюар и, скользнув под одеяло, приникла к мужу.

– О, подожди минутку, дай-ка посмотреть, какая на тебе соблазнительная ночнушка!

– Я купила ее сегодня утром.

– Надо было купить сразу десять штук, она так возбуждает! Ты подумала обо мне?

– О ком же еще? Я сплю с тобой.

– Теперь я не собираюсь спать. Хочу сначала развернуть твой подарок.

Откинув одеяло, он осторожно стянул с Кейт ночную рубашку.

– Ты восхитительна, дорогая. Цветущая и прекрасная – как же мне повезло!

И Скотт с восторгом посмотрел на жену.

– Это мне повезло, любовь моя.

Она положила руки Скотту на плечи и прижалась, чтобы поцеловать его. Они сплелись, чутко прислушиваясь к желанию, которое вызывали друг в друге.

– Я хочу тебя, – прошептала Кейт.

Скотт ласкал ее спину, бедра, низ живота. Он не спешил заняться с ней любовью, как будто это было в первый раз, и она таяла от его нежности. Даже зная друг друга наизусть, они открывали себя заново – с наслаждением, не зная усталости. Возможно ли, чтобы время никогда не притупило их влечение? Кейт отстранилась, чтобы лучше рассмотреть мужа, и снова убедилась, что он невероятно сексуален. К тридцати пяти годам он сохранил стройную фигуру юноши, который когда-то пленил ее, девчонку-школьницу. И который стал ее возлюбленным, ее мужем и отцом ее детей, тем самым осуществив все ее сокровенные мечты.

– Только ты, – шепнула она ему на ухо.

Отстранив Кейт от себя, Скотт молча смотрел ей в глаза. Подумал ли он в эту минуту о Крейге? Он ничего не сказал, но рывком притянул ее к себе.

* * *

– Уехать из Джиллеспи? – озадаченно повторил Джон. Эта идея явно не вызвала у него энтузиазма, что очень удивило Бетти.

– Глазго такой приятный город!

– Ну, по сравнению с Парижем...

– Теперь он очень современный и модный: куча баров, постоянные концерты и любые развлечения, какие только пожелаешь. Тебе там понравится, я уверена.

– И нам придется жить в какой-нибудь обшарпанной квартирке...

– Почему обшарпанной? Найдем что-нибудь на наш вкус, не волнуйся. Я так счастлива, что получила эту работу, да я теперь могу горы свернуть! И потом, у меня будет хорошая зарплата, и нам больше

не придется терпеть нужду. И вообще, нельзя же вечно жить за чужой счет!

– За чужой счет? Напоминаю тебе, что мы живем у моей матери, и я не вижу здесь проблемы.

– Не у твоей матери, а у Скотта. За все платит он.

Джон бросил на Бетти яростный взгляд, но она была уверена, что, уязвив его гордость, заставит его осознать наконец ситуацию.

– В любом случае мы не уедем с пустыми руками, – усмехнулся он.

– Что ты имеешь в виду?

– В следующий понедельник мама встречается с Мак Деллом. Мы здорово посмеемся, когда Скотт узнает, кому она продала свои акции! И пусть попробует, попав в лапы к такому парню, качать права и изображать шефа. Его драгоценная винокурня больше не будет принадлежать ему полностью. И мало-помалу Мак Делл его сожрет.

Он радовался так, будто поймал за хвост удачу, не понимая, что ведет семью к катастрофе.

– Ты не должен был этого делать, Джон.

– Буду я еще со всеми церемониться. Мак Делл – покупатель серьезный и платежеспособный. Он заплатит по рыночной цене, и мама получит всю сумму сразу.

– А ты свою?

– Но это нормально, Бетти! Мама хочет мне помочь – она знает, как мне нужны деньги, ведь сколько их уходит на лекарства. А ты еще заговорила о новой квартире... Имею я право на душевный покой, в конце концов? Впервые в жизни! И мама тоже, потому что благодаря мне она не будет зависеть от милостей других. Если бы я не приехал и не вмешался, Скотт без зазрения совести обобрал бы ее. В конечном счете мы выигрываем – она и я, но мне пришлось попотеть.

– Ты смотришь на это так, как тебе выгодно. Но все будет по-другому. Представь хотя бы на минуту, в какой атмосфере будет жить твоя мать.

– Они со Скоттом друг друга на дух не переносят, так что это ничего не изменит.

– Теперь изменит. А Кейт тебя никогда не простит.

– Ах, Кейт...

Он небрежно отмахнулся, показывая этим, как мало она для него значит.

– Джон, ты восстановишь всех против себя. И Джордж, и Филип тебя осудят.

– Джордж не поддержит меня, потому что это не в его интересах, а Филипу все до лампочки. Особенно сейчас, когда он прикован к больничной койке! Впрочем, им обоим плевать на судьбу мамы.

Его лицемерие возмутило Бетти, но ей не хотелось новой ссоры, и она только заметила.

– После этого нас не пустят на порог.

– Плевать!

Расстроенная, Бетти не решилась настаивать. Да и зачем? Джон уперся как баран и только больше разозлится. Она устала, постоянно пытаюсь спасти свой брак и открывать Джону глаза. Оставалась последняя надежда, что от переезда в Глазго их жизнь изменится. В Глазго он не будет одержим желанием мести и мыслями о нехватке денег. У него появится возможность заинтересоваться чем-то другим, и он наконец повзрослеет. Но в любом случае Джон собирался оставить после себя руины. Бетти подумала о Скотте, и сердце ее сжалось. Помимо уважения и симпатии, которые она всегда испытывала к нему, ее восхищало и то, каким главой семьи он стал. Ей было очень хорошо в Джиллеспи, а теперь его двери будут для нее закрыты, и она заранее жалела о многолюдных, гостеприимных застольях, о красоте поместья, о доброте Кейт и Мойры. Что же делать, как предотвратить эту катастрофу? Помогло ли Скотту ее признание о том, что задумал Джон? Расстроившись, она попыталась отвлечься и подумала о должности, которую только что получила. Работа в театре откроет ей новые горизонты и даст новый заряд энергии.

– Не грусти, – сказал Джон, подходя к ней и целуя ее в шею, чего никогда не делал раньше.

– Пожалуй, Глазго – не такая уж плохая идея. Значит, попробуем начать сначала?

Он все-таки внял ее словам, и у Бетти появился слабый проблеск надежды.

Скотт погрузился в созерцание гравюр, украшавших кабинет. Он помнил их наизусть еще с тех пор, как ребенком навещал здесь отца, цепляясь за руку матери и робея. Тогда ему было лет семь-восемь, и Ангус в его глазах управлял странным миром огромных медных кубов, дубовых бочек и груд сохнувшего ячменя на солодильных настилах. Потом умерла мать, и Скотт много лет не был дома, и только когда он стал подростком, отец начал забирать его по субботам из интерната. Уже в то время Ангус посвящал его во все подробности превращения зерна в алкоголь. Объяснял, каким образом собранный на поле ячмень, сначала замоченный, потом пророщенный и высушенный на торфяном огне, превращается в солод. А дальше шли рассказы об искусстве перегонки методом выпаривания, о конденсации паров... Скотт слушал со страстным вниманием, и слова отца отпечатывались в его памяти. В конце дня Ангус давал ему глоток виски у себя в кабинете, а Скотт должен был описать его вкус. Эти необычные уроки возмущали Мойру, но Скотт таким образом постигал свою будущую профессию. Конечно, как у любого подростка, у него был период, когда он бунтовал против навязанного ему прекрасного будущего и заявлял, что станет врачом. Но эта идея не получила понимания, и почти против своей воли он вернулся к виски. Как только Ангус почувствовал, что сын определился с выбором, он частично передал ему управление, а потом и акции винокурни – возможно, для того чтобы привязать его к ней окончательно.

Скотт перевел взгляд на медные бра, панели из светлого дуба, на витрину, где были выставлены разные бутылки с односолодовым виски Джиллеспи, сваренного здесь, в Гриноке, или в Инверкипе. Из двух семейных винокурен Гринок была главной и более старой. Той, которую каждое поколение поддерживало в неизменном виде. Ангус не поддавался ни на уговоры ревнителей прогресса, ни на выгодные предложения о продаже. Он оставил неизменным кустарное производство виски, и его выбор вскоре себя оправдал благодаря тому, что на фоне крупных промышленных групп все большую популярность у клиентов приобретала продукция маленьких семейных предприятий. К сожалению, такой человек, как Мак Делл, неспособен это понять. Он будет добиваться максимальной рентабельности в ущерб качеству – такая перспектива была для Скотта неприемлема. Но больше всего его приводила в ярость мысль о том, что Джон выбрал

этого покупателя неслучайно – очевидно, у Мак Делла было достаточно наличных средств. Мистер Форбс наверняка выяснил это заранее.

Однако пора было возвращаться домой. Его ждала Кейт, дети и Мойра с ужином. Накопившаяся усталость – не причина, чтобы взваливать на других свои проблемы, которые держат его, как в тисках. Скотт встал и позволил себе ослабить узел галстука, уверенный в том, что большинство сотрудников уже ушли. Пока он нащупывал в кармане ключи от машины, на его телефоне высветилось сообщение, что звонит Грэм.

– Привет, старик! – послышался голос друга. – Вот звоню узнать, как ты.

– Работы по горло.

– Понимаю. Видишь ли, я пытаюсь найти для тебя кредит, но все кредиторы требуют гарантий, а ты не хочешь их давать.

– Вроде залога недвижимости? Но я уже отказал в этом своему банкиру.

– Я знаю и не настаиваю. Как себя чувствует твой зять?

– Завтра его выписывают из больницы.

– Прекрасно! Вот видишь, все не так плохо.

– Кстати, спасибо за Бетти – она просто с ума сходит от радости, что получила эту работу.

– Не за что. По крайней мере, решили одну из твоих проблем.

– Если бы она была единственной...

– А я всегда считал, что у тебя слишком легкая жизнь! Сам бы я не отказался от роли наследника!

Звучный смех Грэма заставил Скотта улыбнуться, и он признался:

– Ты знаешь, как утешить.

– Можно напроситься к вам на ужин в ближайшее время?

– Вам всегда рады.

– Мне нравится твой энтузиазм. В субботу?

– Договорились.

– Я привезу отличного лосося, которого мне сегодня подарили.

– Твои клиенты – сплошные толстосумы.

– Это точно. За исключением тебя. Но давай станем на минуту серьезными. Успокой меня: ты собираешься бороться до конца, несмотря на возможные потери?

– Да, у меня нет выбора.

– Не думай ни о Кейт, ни о своей теще: ты не сможешь уберечь одновременно козу и капусту.

– Я *всегда* думаю о Кейт. И когда конфликт станет необратимым, она окажется между двух огней.

– Она встанет на твою сторону, потому что любит тебя. В любом случае ты прав. Винокурня Гринока – твоя, обещай мне, что она не превратится в «Джиллеспи & Мак Делл».

– Я не уверен, что выиграю.

– Ты-то? Шутишь! Давай обещай...

Снова улыбнувшись, Скотт дал отбой. Грэм достиг своей цели – усталость вдруг отступила. В ближайшие дни, в разгар семейной бури, придется принять решения, которые будут иметь серьезные последствия. Победит он или проиграет, но он должен принять вызов, и больше откладывать нельзя. Выйдя из винокурни и кивнув охраннику, он сел в машину и долго смотрел в зеркало заднего вида на корпуса Гринока с их крышами в виде китайской пагоды, и на закрывшиеся за ним чугунные ворота с именем «Джиллеспи» на фронтоне.

Джордж и Сьюзен держались за руки и улыбались одинаково блаженной улыбкой.

– Это великолепно! – воскликнул Малькольм. – Значит, скоро у нас в семье будет свадьба, какой приятный сюрприз...

Он бросил взгляд на Филипа, лежащего в кровати, которого явно обрадовала эта новость. У Малькольма совершенно непроизвольно вырвалась эта «семья», словно семьи его и Филипа составляли одно целое.

– Вы подождете со свадьбой, когда я начну нормально ходить?

– Мы собираемся назначить дату ближе к концу лета, – пояснила Сьюзен. – И ты восстановишься к этому времени, если только не будешь пропускать занятия по реабилитации.

– О, он не будет их пропускать, у него такой симпатичный физиотерапевт! – воскликнул Малькольм. – И кстати, это подходящий повод выбрать наряды – обожаю это занятие. Вы уже оставили где-нибудь список свадебных подарков? У Фрейзера на Аргайл-стрит вы найдете все, что нужно!

– Малькольм обожает роскошь, – пошутил Филип.

Он быстро поправлялся, и к нему приходило столько сочувствующих друзей, что вся его палата была завалена коробками шоколадных конфет. Мотоциклиста, которого вскоре догнали, чуть не линчевали до приезда полиции, и теперь он был за решеткой.

– А как отнеслись к этому твои родители? – спросил Малькольм у Сьюзен.

– Очень обрадовались, особенно мама. Она ведь долго упрекала отца за то, что он обучил меня такой неженской профессии, и боялась, что я никогда не найду себе мужа! Но я обожаю работать руками, и ничто меня так не радует, как превращение какой-нибудь конуры в уютное гнездышко. Если какая-то работа для меня особенно важна, я прошу помощи у моего подрядчика – то есть у папы, если он свободен. Зато он нанимает меня, когда не хватает рабочих.

Поймав веселый взгляд Джорджа, она засмеялась и продолжала:

– Он очень разволновался, узнав, что его единственная дочь выходит замуж. Говорит, что теряет свои лучшие кадры! Но я не собираюсь бросать профессию, потому что у меня образовалась большая клиентская база. Сарафанное радио работает, и я получаю много заказов.

– Ты и декорированием занимаешься?

– Нет, это я предоставляю делать другим. Я ухожу, оставляя девственно-чистое пространство, которое они могут обустраивать по своему вкусу.

– Ты уже познакомился с родителями Сьюзен? – спросил Филип брата.

– Конечно! – ответила Сьюзен вместо него. – Я была так горда, представляя им господина управляющего!

И, сняв воображаемую шляпу, она расшаркалась перед Джорджем, который шутливо закатил глаза к потолку.

– Осталось сообщить маме, – добавил он сдержанно.

Филип бросил на брата внимательный взгляд, удивленный отсутствию энтузиазма в его тоне.

– Что так? Я думаю, что она будет в восторге.

– Не уверен. С Джоном будут проблемы. Мы заехали в Джиллеспи, прежде чем отправиться сюда, и должен сказать, атмосфера там наэлектризована, как перед грозой. Джон повздорил с Дэвидом и оскорбил его. Скотт того и гляди даст ему по морде или вышвырнет из дома. А если он это сделает, ты знаешь маму – она вскипит. Короче, это был неподходящий момент для официального объявления.

– Как можно повздорить с таким славным человеком, как Дэвид? – возмутился Малькольм.

– Джон ссорится со всеми, – вздохнул Филип. – Не будь он моим братом, я бы его возненавидел.

– Я тоже! – подхватил Джордж. – Но не забывай, что он болен, а это совсем не улучшает характер.

Филип посмотрел на Малькольма и грустно улыбнулся:

– Ты единственный ребенок в семье и не знаешь, как сложно, когда у тебя есть братья и сестры... В детстве Джон был у нас заводилой. Он уже тогда отличался такой наглостью, что мы с Джорджем диву давались. Бывало, мы понимали, что он заходит

слишком далеко, но не осмеливались бунтовать. Главной своей мишенью он выбрал Кейт, и мне было немного стыдно, что я не защищал ее. Зато Скотт уже тогда принял сторону сестры. Из-за этого Джон обвинил его в том, что он зарится на тринадцатилетнюю девчонку, хотя у Скотта и мыслей таких не было. Он увидел Кейт другими глазами, только когда у нее появился жених. Не помню, как его звали...

– Нил! – напомнил Джордж.

– Ах да, Нил! Он даже купил обручальное кольцо, представляете? И по всей форме попросил ее руки у мамы и Ангуса. Это был во всех отношениях прекрасный молодой человек и даже внешне симпатичный, но Кейт он не нравился, она чувствовала себя ужасно неловко, и тут Скотт пришел ей на помощь. До сих пор он смотрел на нее скорее как на младшую сестру, а благодаря Нилу у него как будто пелена спала с глаз.

– Какая романтическая история! – воскликнула Сьюзен и разразилась веселым смехом.

– У меня такое впечатление, что он до сих пор не оправился, – вставил Малькольм. – Он так влюблен в Кейт, что даже терпит Джона под своей крышей – разве это не героизм?

Джордж встал, по-прежнему держа Сьюзен за руку.

– Мы вас оставляем, а сами пойдем прогуляться по городу. Я безвылазно сижу на фабрике и соскучился по цивилизации!

– Лучше признайтесь, что идете покупать кольца. Вы уже выбрали свидетелей?

Джордж улыбнулся брату и ответил:

– Имей в виду: ты не отвертись.

Он наклонился и ласково потрепал Филипа по волосам.

– Пользуйся последним днем отдыха и начинай заниматься со своим симпатичным физиотерапевтом.

Он увел Сьюзен из палаты, радуясь, что брат оказался в хорошей форме, и изнывая от нетерпения прогуляться по улицам Глазго. Решение просить руки Сьюзен вдруг со всей очевидностью пришло к нему однажды утром. Он с волнением смотрел, как она спит, уткнувшись лицом в подушку, в своей девчачьей пижамке, которая подчеркивала ее округлости, и вдруг ясно понял, что уже не может представить себе жизнь без нее. Благодаря Сьюзен он повзрослел,

обрел уверенность в себе и теперь ясно видел свое будущее. Его усилия привели к тому, что производство на прядильной фабрике стремительно набирало обороты, и он понял, что сможет добиться ее процветания.

Проходя мимо витрин на Аргайл-стрит, Джордж поделился своей главной тревогой со Сьюзен:

– Из-за этих пакостей Джона я боялся, что у Скотта не останется другого выхода, как только продать фабрику! Ему срочно нужны деньги, чтобы удовлетворить требования адвоката, и он оказался в тяжелой ситуации. Я поговорил с ним начистоту, хотел знать, какое решение он примет. Он имеет полное право отказаться от предприятия, которое не особенно его интересует. Скотт не стал бы колебаться между виски и тартанами!

– И что?

– Он утверждает, что держит фабрику в память о своей матери... но я не думаю, что причина в этом.

– А в чем же?

– Скотт – достойный и разумный человек. И он не станет решать проблему в одном месте, нанося ущерб в другом. Он видел, как бестолково я взялся за дело и как потом начал стараться и вкалывать. Теперь я очень увлечен, и у меня все получается! Он это знает, видит и не хочет выдергивать из-под меня табуретку, на которой мне удалось усидеть...

– Ты думаешь?

– Мое мнение о нем с годами изменилось... Когда я думаю о том, что мой брат, моя мать – короче, моя собственная семья – отравляют ему жизнь, мне становится очень неловко перед ним.

– Джон хотя бы понимает это?

– Да ему наплевать! Его интересует лишь он сам.

Они вошли в пассаж – торговую галерею в парижском стиле, под крышей которой находилось не меньше трех десятков ювелирных лавок. Сьюзен остановилась у первой же витрины, и Джордж увидел, как загорелись ее глаза. Было не время обсуждать семейные проблемы.

– У нас еще полдня впереди, – шепнул он ей на ухо.

Обручальные кольца они найдут без труда и в огромном количестве, но вот выбор займет время.

Кейт перевела и распечатала статью из французского журнала о потреблении алкоголя в мире и прогнозах на будущее.

– *Открытие маленьких винокурен, которые производят алкоголь для местного потребления, свидетельствует о потребности возрождения кустарного производства и ценностей ремесла. Теперь люди хотят знать, кто стоит за конкретным продуктом, и возможность проследить его происхождение для них очень важна.*

– Вот видишь, дорогой, они с тобой солидарны!

– Папа всегда считал, что не стоит слишком расширяться и прежде всего надо уважать традиции, не обращая внимания на модные веяния. Я никогда не сомневался в его правоте.

Они сидели на диване в гостиной и пили чай.

– Твоя мать скоро спустится?

Ожидание затянулось, и Скотт заметно нервничал. Амели всегда дремала после обеда, а потом присоединялась к остальным за чаем.

– Я слышу ее шаги, – объявила Кейт.

Скотт тут же встал, чтобы встретить тещу в холле у лестницы.

– Ты меня ждал? – удивилась Амели.

– Да. Нам надо поговорить, и желательно прямо сейчас, если вы не против.

Она взглянула на него с непроницаемым лицом и кивнула.

– Пойдем к тебе в кабинет?

– Думаю... мы могли бы немного прогуляться, раз уж погода позволяет.

Скотт не хотел, чтобы кто-нибудь помешал им или даже просто услышал их разговор. Они вместе спустились по ступенькам крыльца, прошли по центральной аллее, и Скотт указал на каменную скамью, скрытую в гуще деревьев, где раньше Амели любила сидеть вместе с Ангусом. Был по-настоящему весенний день – теплый и ласковый, небо сияло голубизной, и повсюду виднелись головки распустившихся цветов.

– Бетти очень помогла Дэвиду, парк просто великолепен! – заметила Амели.

– Кстати, о Дэвиде – меня возмутило то, как Джон разговаривал с ним сегодня утром, я такого больше не потерплю.

– «Не потерплю!» Зачем так высокопарно? Если хочешь говорить со мной о Джоне, так давай поговорим.

– Я не собираюсь говорить о нем, потому что вам это будет неприятно, но замечу, что его присутствие здесь больше нежелательно. Бетти подыскивает квартиру в Глазго.

– Хочешь выставить его за дверь? – резко бросила Амели.

– Вроде того. И предпочитаю сказать вам об этом сейчас, чтобы между нами не было никаких недомолвок. Не стану ни задабривать вас, ни действовать исподтишка.

– Однако какое вступление...

Она быстро взглянула на него и перевела взгляд на ряды разноцветных тюльпанов.

– Амели, я знаю, что вы собираетесь продать свои акции Гринока. И то, что вы выбрали покупателем Мак Делла, для меня настоящая катастрофа. Я не хочу, чтобы посторонний человек вошел в компанию «Джиллеспи», поэтому я готов предложить вам практически ту же цену.

После короткого молчания Амели села на скамью и нехотя спросила:

– «Практически» – это как?

– Предполагаю, что он задал высокую планку, и хотя у меня нет огромных капиталов, я не собираюсь просить вас об одолжении.

Она подняла голову и смерила его взглядом:

– Ты никак не избавишься от своего высокомерия, даже когда просишь о чем-то! Давай начнем сначала. Что касается имущества, я...

– С этим я уже все решил. И выписал вам чек на половину оценочной стоимости.

Скотт вынул из заднего кармана джинсов конверт и протянул ей. Застыгнувшая врасплох, Амели смотрела на конверт, не решаясь его взять. Наконец открыв его, она взглянула на чек и сунула его в конверт.

– Я проинформирую своего нотариуса и вашего адвоката, – уточнил Скотт, – хотя бы в этом вопросе у нас не будет разногласий.

Амели молча вертела конверт в руках.

– Как насчет того, чтобы изменить тон? – внезапно сказала она. – Я ведь тебе не враг.

– Вы – нет, конечно.

– И Джон тоже! Он просто защищает меня.

– Не смешите! Впрочем, вы и сами в это не верите.

Она досадливо поморщилась и пробормотала:

– Ты его невзлюбил с первого дня.

– Все было ровно наоборот.

– Признай, что ты не встретил нас с распростертыми объятиями, когда мы сюда приехали.

– Признаю, что обнаружить у себя дома пятерых чужаков... да, мне это не понравилось. Но все в прошлом, не стоит о нем вспоминать.

Скотт сел на скамью, чтобы не смотреть на нее сверху вниз.

– Мой бизнес когда-нибудь перейдет к вашим внукам, – напомнил он. – Вам хочется, чтобы они получили наследство, обремененное тяжбами и долгами?

– Ага, ну конечно! Джон предупредил, что ты будешь меня этим шантажировать.

– Я говорю о том, что будет в реальности. Ни вы, ни Джон не знакомы с производителями виски. Выставив на продажу акции Гринока, вы привлечете акул. Но зачем, если я предлагаю выкупить у вас акции? Ради какой-то там мести Джона? Вы хоть немного представляете себе, какие последствия повлечет за собой ваше опрометчивое решение? Я уверен, что вы не хотите разорения семьи, к которой сами принадлежите. Кроме того, я не понимаю, какая Джону разница – получит он деньги от меня или от кого-то другого.

– Сколько ты предлагаешь? – вдруг резко спросила Амели.

Скотт назвал сумму и добавил:

– Не пытайтесь выбить из меня больше. Я не собираюсь на вас наживаться, и это все, чем я располагаю.

Амели повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Где ты взял деньги? Джон говорил, что тебе ни за что не раздобыть такую сумму наличными.

– Почему же? Я мог бы заложить Джиллеспи. Но никогда бы этого не сделал. Я... мне одолжили нужную сумму по дружбе. Деньги можно получить в любой момент.

Он не хотел упоминать Мойру. Джон и ее не любил, и увидит в этом еще один повод не идти ни на какие договоренности.

– Ты привел меня сюда, чтобы никто не мог вмешаться в нашу дискуссию, – иронически заметила Амели. – Думаешь, я не способна постоять за себя в одиночку?

– Вовсе нет, – вздохнул Скотт.

– Почему бы не позвать Джона, чтобы он высказал свое мнение?

– У него нет своего мнения. По крайней мере, по предмету, который выходит за пределы его понимания и которым он так и не удосужился поинтересоваться. В любом случае я отказываюсь обсуждать с ним что-либо – он выводит меня из себя. Вы слышали, как он разговаривал утром с Дэвидом? Дэвид – очень достойный человек. К тому же мой двоюродный брат.

– И мой племянник по мужу.

Озадаченный, Скотт взглянул на нее и убедился, что она говорит совершенно серьезно.

– Ну да, – прибавила Амели, – и я его очень люблю.

– Тогда почему же вы не заступились за него? Вы не способны противостоять Джону, даже когда он не прав!

Чувствуя, что он сейчас сорвется, Скотт сделал усилие и взял себя в руки.

– Итак, Амели, каково ваше решение?

– Сначала я посоветуюсь с адвокатом. Иначе зачем я ему плачу?

– А главное, зачем вы его наняли... Наши семейные дела мы могли бы уладить сами. Ваш довод, что вы будете ущемлены в правах, совершенно безоснователен. Я понимаю, как вы были разочарованы, узнав, что мой отец уже давно распорядился своим имуществом, и считаю, что он должен был вам об этом сказать.

Скотт вздохнул, не решаясь продолжать, и Амели воспользовалась этим моментом, чтобы вернуть:

– Если бы не мистер Форбс, я бы никогда не получила от тебя чек.

– Может быть. Однако довольно странно, что вы хотите завладеть вещами, принадлежавшими моему деду и прадеду, не говоря уж о драгоценностях моей матери. И я уверен, что это вы понимаете прекрасно. Впрочем, не будем больше говорить на эту тему. Вы продаете мне свои акции – да или нет?

– Нет.

– Так...

Скотт выдержал этот удар, зная наперед, что проиграет. Но, даже предвидя поражение, он с трудом его принял.

– И я никак не могу вас переубедить?

– Почему же? Ты мог бы попросить меня по-человечески, по-родственному. Требуешь уважения к Дэвиду, а сам грубишь мне и подгоняешь. Я чувствую себя беззащитной с тех пор, как умер Ангус, ты не представляешь, как мне его не хватает. И потом, Кейт всегда на твоей стороне, а Филип и Джордж полностью устранились. Без Джона...

– Без Джона все было бы прекрасно! – взорвался Скотт. – Он не приехал хоронить своего отчима или поддержать вас; он заявился сюда как стервятник, жадный до денег, которые он никогда не давал себе труда заработать, даже будучи совершенно здоровым! Он отлично устроился – сначала его содержал мой отец, потом Бетти, а теперь дошла очередь до вас! Откройте же глаза и признайте, что он дал вам не лучший совет. Если бы я говорил с вами «по-хорошему, по-родственному», он бы тут же сказал, что я хочу вас обмануть. Так что пусть я с вами не любезен, зато говорю искренне. Ваш отказ повлечет за собой много новых проблем, которые мне придется решать ежедневно, что не улучшит наши отношения. И это не угроза, а ближайшая реальность. Джона здесь уже скоро не будет, а мы так и останемся с нашей тяжбой и ненавистью друг к другу. Однако, что бы вы ни сделали, вы – мать Кейт и бабушка моих детей, и я никогда не лишу вас дома. Кейт мне дороже всего на свете – гораздо дороже, чем винокурни, и ей не придется выбирать между матерью и мужем.

Скотт встал, отказавшись от всех дальнейших попыток. Случилось то, чего он боялся. Нужно было с этим смириться и подавить свой гнев. Джон победил, завтра Амели вслепую подпишет договор с Мак Деллом, и с этого дня начнется бесконечная череда проблем.

– Скотт! Подожди...

Он обернулся на ходу и увидел, что она смотрит вверх деревьев на крыши Джиллеспи и на бельведер.

– Ты просишь меня предать Джона, он этого не поймет, – произнесла она тихо. – Знаешь что? Мне очень нравится это место.

Она встала со скамьи и пошла рядом с ним.

– И еще мне очень нравится жизнь в семье, – добавила она.

– Но?..

– Никаких «но». Я принимаю твое предложение.

Ошеломленный, он остановился и смотрел вслед Амели, пока ее силуэт не скрылся за поворотом аллеи.

* * *

Мойра чистила морковь и улыбалась, слушая болтовню Дэвида.

– Я сначала их сам опробовал, – объяснял он. – Они достаточно прочные, раз выдержали мой вес, так что малыши смогут всласть на них качаться.

– Первой на них сяду я, а потом уж дети!

– Ты мне не доверяешь? Я повесил их между двумя старыми каштанами, потому что под деревьями трава растет мягким плотным ковром; использовал прочный корабельный трос, отшлифовал деревянную планку для сиденья и подвесил его всего в полуметре от земли!

– Не волнуйся, я уверена, что твоя конструкция надежна, но я не садилась на качели с двенадцати лет и не могу отказать себе в этом маленьком удовольствии. Как только Люк с Ханной их увидят, они уже никого к ним не подпустят.

Мойра и Дэвид обменялись понимающими взглядами. Оба любили – что один, что другой – баловать близнецов: она пекла им пирожные, а Дэвид устраивал развлечения в парке.

– Смотри-ка, – заметил Дэвид, – Скотт вернулся.

Он услышал его шаги по вымощенному плиткой коридору, но шумное появление Скотта на кухне стало неожиданностью для обоих.

– Мойра! – воскликнул Скотт и с порога бросился к ней. Без дальнейших объяснений он поднял ее с места и закружил по кухне в стремительном вальсе.

– Мы что-то празднуем? – поинтересовался Дэвид.

– О да! Но – тсс! – об этом не надо кричать на всех углах...

Скотт поцеловал Мойру в висок – туда, где волосы уже начинали серебриться.

– Спасибо, – сказал он ей нежно. – Теперь благодаря тебе я смогу спать по ночам. Уже не помню, когда мне это удавалось.

– Вот почему у тебя такой усталый вид!

– Уже не усталый.

Дэвид внимательно посмотрел на Скотта и объявил:

– Ладно, мне пора – дел невпроворот!

И он со свойственной ему тактичностью вышел, чтобы не мешать их разговору.

– Так что, неужели Амели пошла тебе навстречу? – удивилась Мойра.

– Да. Хотя я не понимаю почему. Сначала она отказалась, а потом передумала и нехотя согласилась, хотя сказала, что этим она предает Джона.

– Наоборот, она ему помогает. Возможно, она это поняла. А может, не хочет, чтобы его возненавидели, да и ее тоже.

– Мак Делл будет очень разочарован, и ты не представляешь, как меня это радует!

Мойра снова взялась за морковь, а Скотт сел рядом. Какое-то время было слышно только гудение овощерезки, и Мойра обернулась, встревоженная его молчанием.

– Скотт!

У него блеснули глаза, и прежде чем заговорить, он вздохнул, чтобы справиться с волнением. Все напряжение последних недель разом исчезло, и теперь он испытывал невероятное облегчение.

– Мы были на миллиметр от катастрофы, – наконец выговорил Скотт. – Со дня смерти папы все вокруг говорят только о деньгах, это ужасно. Я так не хотел, чтобы у нас из-за этого началась война, но меня поставили в безвыходное положение. Винокурни, дом... все, вплоть до последних твоих ложек, оказалось под угрозой из-за прихоти Джона. У меня было впечатление, что он хочет разрушить то, что составляет гордость нашей семьи, и, хотя это было невыносимо, я старался не вовлекать Кейт в наши распри. Она переживает за брата и никогда не простила бы мне, если бы я пошел против него.

– И ты чувствовал себя одиноко, да?

– К счастью, у меня есть ты. Ты всегда была на моей стороне. Без твоей помощи у меня ничего бы не получилось. Не волнуйся, обещаю, что верну тебе все до последнего шиллинга!

– Не думай об этом...

– Конечно я думаю! Ты шутишь? Мы составим график погашения долга...

– Ты опять начинаешь говорить о деньгах!

- Ладно, но мы не можем делать вид, будто этого не было. Он снова поцеловал ее, на этот раз в щеку.
  - Дэвид смастерил для детей качели, – сообщила Мойра.
  - Правда? Они будут в восторге! И где?
  - У фонтана между двумя каштанами.
  - Пойду опробую их.
  - Ну уж нет! Я первая! А ты будешь меня раскачивать!
- И, выключив овощерезку, она поспешила к двери.

* * *

Вернувшись вечером из школы, Кейт увидела мать, сидящую на ступеньках крыльца с пустой корзиной; рядом лежал секатор.

– Ты собираешься нарвать цветов, мама?

– Да, но тюльпаны вянут в вазах слишком быстро, а розы еще не распустились. Как прошла твоя репетиция?

– Наши ученики очень серьезно отнеслись к спектаклю: они знают все реплики наизусть, и мы уже начали придумывать мизансцены. Это очень увлекательно! А где дети?

– У фонтана. Скотт качает их на качелях. Сегодня такой теплый вечер...

Кейт улыбнулась и посмотрела на Амели внимательнее. Выражение ее лица было загадочным и необычным.

– Ты хочешь что-то мне сказать? – спросила Кейт осторожно.

Мать подняла глаза и кивнула:

– Да.

Она явно не спешила рассказывать, и Кейт протянула ей руку.

– Вдоль стены растут оранжевые лилии – пойдем, ты срежешь несколько штук, а то их так никто и не увидит.

Кейт знала, что мать не любит, когда ее торопят, и сама выберет момент для разговора. Они молча шагали по тропинке, ведущей вглубь парка – в противоположную от фонтана сторону. Подойдя к только-только распустившимся лилиям, Амели остановилась, посмотрела Кейт прямо в глаза и сказала:

– Я приняла предложение Скотта.

Кейт едва не вскрикнула от радости, но сдержалась, ожидая продолжения.

– Я сделала это ради тебя. Потому что ты очень настаивала. И надеюсь, что не пожалею об этом.

– Ты правильно поступила, мама!

– В любом случае ты не оставила бы меня в покое.

– Не оставила бы. Это слишком серьезно. Речь идет о будущем нас всех.

– Твой муж тоже так сказал. Он очень красноречиво убеждал меня. Только...

Пожав плечами, Амели умолкла. Ее чувства оставались противоречивыми: испытывая к Скотту определенное уважение, она не могла забыть старых обид. Кейт это знала. Кейт также знала, что какими бы ни были аргументы Скотта, он никогда бы не смог убедить ее в одиночку. Поэтому несколькими днями ранее она долго говорила с матерью, убеждая ее, что Джон загоняет ее в тупиковую ситуацию, из которой нет возврата.

– В общем, с этим покончено, – вздохнула Амели. – Я отменила встречу с Мак Деллом. Осталось оповестить твоего брата, а уж он-то наверняка будет в ярости.

– Ну, пока он получает от тебя то, что ему нужно... только не обделяй себя мама, будь осторожна. Джон сейчас в неплохой форме: он набрал вес, и Бетти говорит, что врачи удовлетворены результатами лечения.

– Это не мешает мне переживать за него! – возразила Амели.

– Все переживают, мама. Все его жалеют. Он на это и рассчитывает, чтобы вертеть нами, как ему вздумается.

Кейт поставила корзину на пенек и взяла руки матери в свои.

– Все будет хорошо, – мягко сказала она.

Они обменялись долгими взглядами, и на лице Амели появилась слабая улыбка.

– Иди к детям, ты соскучилась, наверное...

Кейт кивнула и быстро пошла по тропинке назад, торопясь обнять близнецов. Амели взглянула на лилии, ей вдруг стало жалко их срезать. Сегодняшний день был отмечен добрыми делами. Она была уверена, что поступила правильно, пусть даже Джон закатит ей сцену. Но поскольку она собиралась избавить сына от безденежья, он, скорее

всего, удовлетворится этой победой и забудет о мести. Несмотря на всю свою материнскую любовь, которую не смогли подорвать даже постоянные разочарования, Амели устала от требований Джона и его вечно дурного настроения. Конечно, болезнь держит его в постоянном страхе, но Бетти – чудесная жена; она его не бросит и заставит строго выполнять предписания врачей, что позволит ему вести нормальную жизнь. Возможно, в Глазго, вдали от Скотта, он угомонится, и перед ним откроются новые горизонты. Он сделал зятя своим главным врагом, чтобы избежать неприятных вопросов самому себе – теперь пришло время посмотреть на себя непредвзято.

Потрясенная смертью Ангуса, а затем грубым, многомесячным давлением Джона, Амели наконец взглянула на ситуацию трезвым взглядом. Ее долгий разговор с Кейт оказался спасительным. Слушая дочь, Амели чувствовала, что она действительно принадлежит к клану Джиллеспи, пусть и не в силу кровного родства, и занимает в нем главенствующее место. Ее неприязнь к Скотту без подпитки Джона понемногу слабела. Он был прекрасным мужем и отцом, хорошим зятем, настоящим главой семьи и проявлял к ней неизменное уважение. Размышляя об этом, она была вынуждена признать, что больше доверяет Скотту, чем Джону, и этот парадоксальный вывод стал для нее откровением. Другое откровение состояло в том, что хотя детство, да и отрочество Кейт прошли для Амели почти незамеченными, сейчас дочь стала для нее настоящей опорой. Кейт подарила ей роль бабушки, которой она упивалась, Кейт заботилась о ней и никогда ее не бросит. Та самая *малышка* Кейт, на которую Амели не поставила бы и пенни...

Помахивая пустой корзиной, она отошла от стены. Как ни странно, жизнь вдруг показалась ей прекрасной, и, услышав вдалеке радостные крики детей, она засмеялась.

* * *

В субботу утром Грэм оставил Пат и троих детей в Джиллеспи, а сам поехал в Гринок с намерением убедить Скотта в том, что партия в гольф подействует на него чрезвычайно благотворно.

Он нашел его возле печей, в которых сушился солод.

Используемое для этого топливо содержало торф, и характерный запах уже распространился по всему зданию.

– Что ты здесь делаешь?! – воскликнул Грэм.

– Мы останавливаем процесс прорастания зерен.

– Я вижу, но ты не должен работать семь дней в неделю.

– Я не работаю, а наблюдаю.

– Ладно, но тебе нужно больше поручать другим! Я пришел с предложением сыграть в гольф перед обедом – просто чтобы разжечь аппетит.

– Интересная мысль. Ты же знаешь, что я давно не играю.

– Тебе надо начать снова. Тем более что для этого есть все – Ангус приобрел отличные клюшки! С охотой – понятно: ты ее не любишь, а здесь ходишь по площадке и дышишь морским воздухом...

Улыбаясь, Скотт покачал головой:

– Здесь я счастлив, у меня нет потребности отвести душу. Я бы с удовольствием стоял и смотрел, как сушится солод или как его измельчают мельницы. А ты меня отвлекаешь, змей-искуситель!

Грэм рассмеялся, взял Скотта за плечо и увлек его к выходу.

Они вышли во двор, и Грэм закурил сигарету.

– Ты куришь? – удивился Скотт.

– Только когда Пат нет рядом.

– Скрываешь от нее?

– Просто не хочу расстраивать.

Обведя двор взглядом, Грэм убедился, что все служащие далеко и не могут их подслушать.

– Мы очень рады за тебя – я и Пат. Сначала мне показалось, что ситуация совсем швах, а теперь я восхищаюсь тем, как ты смог из нее выбраться.

– Если бы не Мойра, я сейчас вел бы переговоры с Мак Деллом, уступая позиции одна за другой. Такие, как он, отправляют солод на сушку в специализированные предприятия, а я предпочитаю всем заниматься сам. Он сказал бы, что не важно, откуда поставляется ячмень. Он вмешивался бы в выбор дрожжей, в процесс дистилляции, и заставил бы меня использовать для нагрева не уголь, а бензин. В конце концов, мы просто набили бы друг другу морду.

– В любом случае он будет очень разочарован и не преминет об этом сказать. Наверное, он уже предвкушал, как будет визнавать твои

профессиональные секреты. Но во всем Глазго нет болтливее человека, чем мистер Форбс. Он жалуется, что его надули впервые за всю карьеру, что он ничего не получил от наследства Джиллеспи и только зря потратил время.

– Вижу, ты в курсе всех сплетен!

– В финансовых кругах все быстро становится известным.

Грэм затушил сигарету в баке с песком, который служил пепельницей.

– Если уж ты не любишь гольф, предложи мне, как горожанину, большую прогулку.

– Раз ты настаиваешь, можно прогуляться среди холмов Джиллеспи – давно я не видел своих овец.

Скотт помнил долгие прогулки, которые совершал раньше с отцом. Ангус любил обходить свои земли, разговаривать с пастухами и издали любоваться морем. Предпринимательство не занимало его целиком, он делил свое время между обязанностями землевладельца и винокура. Их он рассматривал как средство существования семьи, ограничиваясь тем, что было для него единственно важным, – поддержанием традиций. Ангус считал виски благородным напитком, но предпочитал платить другим, чтобы они занимались процессом его приготовления, а сам ограничивался ролью наблюдателя. Он был ярким противником любых изменений в производстве и в реализации, игнорируя современную практику. Но наступили другие времена, все стремительно менялось. Мог ли он подумать, что даже японцы начнут гнать виски?! Скотт вел дела совершенно иначе, вкладывая в них все силы и внимательно наблюдая за всеми операциями производства. Уважая обычаи, которые гарантировали качество, он не чурался нововведений, следя за ситуацией на международном рынке и посещая собрания винокуров в Глазго, Эдинбурге и Абердине. Он уже мысленно видел свой «Джиллеспи» на первой позиции в списке шотландских виски, а чтобы добиться этого, впереди у него была целая жизнь.

– Встретимся на тропинке у холма, – решил он. – Ты получишь свою прогулку, до обеда еще не меньше двух часов!

И, с сожалением взглянув на здания винокурни, пошел к машине. Нерушимая и бесценная дружба Грэма стоила прогулки по холмам.

Сидя в удобном кресле и поставив костыли рядом, Филип выглядел вполне оправившимся после происшествия с мотоциклистом. Он утверждал, что ему в каком-то смысле повезло, потому что руки и пальцы у него не пострадали, и он продолжал рисовать прямо на больничной кровати. Последние рисунки он закончил почти накануне выхода альбома.

– Он выйдет в следующем месяце! – торжествующе объявил Филип.

– Один экземпляр мне! – потребовала Кейт. – Твои племянники будут им так гордиться...

– Смеешься? Это же комиксы для взрослых.

– Ну и что? Я положу их на верхнюю полку, а детям скажу, что их дядя Филип сочиняет истории.

– Надеюсь, ты прочтешь их, прежде чем убрать с глаз? – пошутил Малькольм.

– Она учительница *литературы*, – вмешался Джон, ухмыляясь. – Ее не интересуют эти скабрёзности.

Не отвечая на провокацию, Кейт пожала плечами. Джон и Бетти должны были на следующей неделе переехать в Глазго, и до этого момента каждый тщательно избегал всего, что могло спровоцировать ссору.

– Ты поставил шампанское в холодильник? – спросил Джордж сестру. Он и Сьюзен приехали немного раньше и привезли две бутылки, чтобы отметить официальное объявление их будущей свадьбы.

– Об этом позаботилась мама. Она, как всегда, в своем репертуаре и говорит, что будет плакать в тот день, когда женит *последнего* сына.

Джордж рассмеялся и повернулся к Филипу.

– Ты не в счет: придется подождать, когда это разрешит закон!

– Если когда-нибудь такой день наступит, она просто не придет на свадьбу, – заметил Филип.

– Нет, придет, – убежденно сказала Кейт.

– Обожаю свадьбы! – объявила Пат, вернувшись из кухни. – Отличный повод, чтобы нам с Кейт походить по магазинам. А что

касается тебя, Сьюзен, если хочешь посоветоваться по поводу платья, позвони нам!

– С детьми все в порядке? – заволновалась Кейт.

– О да... Мойра их откармливает, а твоя мать над ними кудахчет, но за дисциплиной тоже следит – она отличный педагог.

– Это что-то новенькое, – расхохотался Джордж. – Когда мы были маленькими, за столом был постоянный галдеж, она с нами не справлялась.

– Потому что вы были очень противные, – напомнила Кейт.

– А ты была такая глупенькая, – отозвался Джон. – Мадемуазель мечтала в тишине о сказочном принце...

– И я была права, потому что нашла его! – возразила Кейт и сразу вышла из гостиной, чтобы не дать ему возможности ответить. Их теперешние конфликты были гораздо глубже, чем подростковые ссоры, и Кейт старалась не доводить до того момента, когда жалеешь о сгоряча сказанных словах. Осталось выдержать три-четыре дня, и тогда Джиллеспи обретет покой. При условии, что Джон и Скотт по-прежнему будут избегать друг друга, как они это и делали с того дня, когда Амели продала свои акции. А присутствие Грэма и Пат с тремя детьми, по крайней мере, внесет разнообразие в этот уик-энд.

На кухне пятеро малышей, уже успевших поесть, сидели за пустым столом и веселились всю под благодушным присмотром Мойры.

– Твоя мать сейчас готовит им постели перед дневным сном, – сообщила она Кейт. – Они не хотят расставаться, поэтому мы решили устроить им общую спальню.

Дэвид расставил бокалы на подносе, и Кейт тут же перехватила его – она знала, что Дэвид опасается иметь дело с хрупкими вещами.

– Я планировала простой обед, – сказала Мойра, – но все-таки у нас гости, надо оказать им внимание...

Сдерживая улыбку, Кейт бросила взгляд на плиту, где из многочисленных кастрюль вырывался пар.

– Простой, говоришь?

Она пошла в салон с подносом в руках и в дверях столкнулась с Джоном.

– Я иду наверх за лекарствами, – счел он нужным объяснить, держась на перила лестницы.

– Хочешь, я схожу?

– Нет, я еще не инвалид!

Она кивнула и отвернулась, но он окликнул ее.

– Кейт, подожди!

Подойдя к ней, он взял у нее из рук поднос и поставил на консоль.

– Ты небось рада-радехонька, что мы наконец уезжаем из *твоего* дома?

Удивленная как его вопросом, так и тоном, она спокойно ответила:

– Это дом нашей семьи, Джон, и ты всегда будешь здесь желанным гостем.

– Чтобы захотеть вернуться, мне нужно было бы сначала стать бомжом... Спасибо маме, – я этого избежал. И тем лучше, потому что здесь я действительно был черным бараном среди белых овец.

– Обожаю этих *black face*, – пошутила Кейт, намекая на черноголовых баранов, составлявших часть их стад.

Джон продолжал вопросительно смотреть на нее. Догадавшись, что он ждет чего-то другого, она продолжила:

– Ты все делаешь для того, чтобы тебя ненавидели, и я никогда не могла понять, какое ты находишь в этом удовольствие... но все-таки ты мой брат, и я люблю тебя, хочешь ты этого или нет.

– Да, ты любишь братьев, но куда им тягаться с твоим мужем.

– Не вижу никакой связи. Я могу любить многих людей, слава богу, – детей, например... Сейчас я хочу быть честной с тобой, Джон. Ты очень усложнил нам жизнь в последние месяцы. Все это могло закончиться настоящей войной, однако мы все беспокоимся о тебе.

– Серьезно?

– Ты сам это знаешь. Ты также знаешь, что если тебе понадобится помощь, мы всегда рядом.

– Ты – может быть.

– Мы все!

– Что-то мне не верится!

– И напрасно. Не знаю, какие у тебя мысли, потому что ты никогда не говорил со мной откровенно. Ты действуешь цинизмом и провокацией – это осложняет отношения, а главное, не помогает тебя понять. Но нравится тебе это или нет – ты мой старший брат. Думая о тебе, я иногда испытываю раздражение, но и вместе с ним огромную нежность. Можешь думать что хочешь – я тебе все сказала.

Теперь он не смотрел на нее высокомерно – наоборот, его взгляд смягчился.

– Забавная ты все-таки. Выглядишь, как девчонка, но думаю, что настоящая глава семьи – ты. Скотт ест из твоих рук, а мама тебя превозносит. Bravo! Во всяком случае, спасибо за то, что сочувствуешь.

– Переживаю, – поправила Кейт. – И не стыжусь этого.

Он протянул к ней руку, но тут же опустил ее.

– Жаль, что у тебя больше нет косичек, чтобы я мог за них дернуть. А то я бы попытался.

– Не сомневаюсь.

Улыбнувшись, он похлопал ее по плечу и стал подниматься по лестнице. Кейт повернулась к консоли и задумалась, глядя на поднос. Неужели Джон способен измениться? Может быть, у него уже нет сил на агрессию? Но именно ей первой он признался, что стал носителем ВИЧ. Он согласился, чтобы она взяла на себя этот трудный разговор, чтобы все рассказала Бетти. Даже при всех его насмешках, с ней он никогда не враждовал. Если это единственный способ помочь ему, она будет говорить с ним откровенно при каждой возможности, потому что он отзывался на эту откровенность.

– Что, слишком тяжелый для тебя? – спросил Дэвид, который нес в ведерке бутылки со льдом.

Страхнув с себя задумчивость, Кейт схватила поднос.

– Иду-иду, но чтобы открыть шампанское, все равно придется ждать, когда все соберутся.

Она пошла за Дэвидом в гостиную, где в это время шел оживленный разговор, и Пат сообщила ей:

– Представляешь, Малькольм собирается выставить свои картины в Эдинбургской галерее!

– Выставить – еще не значит продать! – напомнил Малькольм.

– Пришли нам приглашение на вернисаж, мы придем тебя поддержать.

– Ты будешь иметь успех, – пообещала Кейт. – Но предупреждаю тебя: мы не отдадим «Лошадь, выходящую из моря». Отсюда она не выйдет!

– Не будь эгоисткой, все картины будут застрахованы.

– Интересно, на какую сумму? – хмыкнул Джон, вернувшись в гостиную. – Насколько я знаю, они еще не имеют рыночной стоимости.

К нему вернулся иронический тон, но он не прибавил никакой колкости и молча сел рядом с Бетти.

– Наверное, Грэму удалось затащить Скотта на гольф, – вздохнула Пат, взглянув на часы.

– Не может быть, Скотт не любит гольфа, – возразила Кейт. – Ангуса на площадку всегда сопровождала я. И как же мне этого не хватает...

– Грэм будет рад, если ты составишь ему компанию!

– Может быть...

Кейт подумала, что Грэм – единственный мужчина, к которому Скотт не будет ревновать. Он старался вообще не говорить о Крейге, а если Кейт упоминала его имя, рассказывая о репетициях, оставался невозмутимым. Ради нее он был готов на все, даже на то, чтобы бороться со своими недостатками, и его усилия одновременно ее трогали и успокаивали.

– Пойдем, будем их ждать, – сказала она Пат.

Она вышла в холл первая, но направилась не к двери, а к лестнице, ведущей наверх.

– Предупреждаю – это очень высоко! Ты никогда не поднималась на бельведер? Вид оттуда захватывающий...

Они взобрались на третий этаж и вышли на открытую площадку. Увидев открывшийся перед ними пейзаж, Пат вскрикнула от восторга и закружилась.

– Я обожала подниматься сюда, когда была девчонкой. И уже тогда высматривала Скотта.

– Если бы ты могла предвидеть будущее...

– У меня не хватило бы терпения дожидаться, когда я вырасту! Для меня он был мечтой, которая никогда не сбудется. А она все-таки сбылась. Разве это не чудо?

– Никогда не надо отрекаться от своей мечты.

Они замолчали, наслаждаясь солнцем, теплым ветром и по-прежнему глядя на аллею, выходящую к дороге.

– Грэм прыгал от радости, когда узнал, что твоя мать согласилась уступить акции Скотту. Думаю, ей не терпелось отдать деньги Джону?

– Но не все. У нее как-никак есть здравый смысл. Она утихомирила его, выдав небольшую сумму, а остальное доверила Бетти.

– Ах, Бетти! Значит, Амели не совсем слепа в любви к своему обожаемому сыну?

– В общем, уже нет.

Вдали на дороге показался «Рейндж Ровер».

– Вон они! – воскликнула Кейт. – Пойдем скорее, мы только-только успеем спуститься...

Они помчались друг за другом вниз по лестнице, держась за перила и хохоча, как девчонки. Когда они выбежали из холла на крыльцо, Дэвид с удивлением посмотрел им вслед. Пат не спеша направилась к машине Грэма, а Кейт бросилась к машине Скотта и распахнула дверцу, не дожидаясь, пока он выключит двигатель.

– Вот теперь я могу это сделать! – крикнула она и поцеловала мужа в губы.

Несмотря на удивление, Скотт ответил ей таким же страстным поцелуем.

– Чему я обязан столь жарким приемом? – спросил он, переводя дыхание.

– Годам ожидания!

Кейт стояла, наклонившись над ним и не давая выйти из машины.

– Я сейчас высматривала тебя с бельведера и столько всего вспомнила...

Она посмотрела на него и добавила:

– С тех пор ты не изменился, Скотт.

– А ты изменилась. К счастью. Ты была тонкая, как соломинка, и ходила в носках.

– Помнишь, что ты мне сказал, когда впервые заговорил со мной?

– Я спросил, что ты читаешь.

– А я ответила – «Отверженных». И ты посчитал меня слишком серьезной.

Она обняла его за шею и снова поцеловала.

– Кейт, если ты не остановишься, я займусь с тобой любовью прямо в машине.

– Прямо перед домом? А все будут тарашиться на нас из окон?

Она рассмеялась и позволила ему выйти. Пат и Грэм уже ушли в дом, и они стояли на лужайке одни. Кейт отвернулась и взглянула на парк, а потом снова на дом.

– Здесь всегда будут жить Джиллеспи, правда?

– Надеюсь, но на всякий случай ты должна мне родить их еще, моя крошка.

– О боже... как давно ты не называл меня так... с тех пор, как мы стали любовниками.

– Это потому, что ты заговорила о прошлом.

– Ты все еще тоскуешь по Ангусу?

– После смерти отца в душе осталась пустота, которую невозможно заполнить. Но когда ты здесь, мне больше ничего не нужно.

Он обнял ее за талию, и они вместе поднялись на крыльцо.

– А я как раз думаю об этом, – сказала Кейт, остановившись, – о чем ты только что просил свою *крошку*. Очень может быть, что это случится. И бокал шампанского, который я выпью за здоровье Сьюзен и Джорджа, станет для меня одним из последних в следующие месяцы.

Пораженный, Скотт пристально посмотрел на нее и понял, что она не шутит.

– Кейт! Это правда?

– Надо еще уточнить, но судя по утреннему тесту – да.

– Это лучшая новость за весь год! Лучшая!

Она поняла, что в эту минуту он думает только о ней, а совсем не о винокурне в Гриноке, чьим единственным владельцем он теперь был. О ней и о семье, которую они продолжали строить вместе.

– А теперь пойдём, – сказала Кейт. – Нас все ждут.

---

notes

Примечания

1

Тартан – клетчатая ткань шотландка. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

Солодовня (или солодильня) – помещение для проращивания зерен ячменя, используемого в производстве виски.

«Ля Куполь» (*фр.* «La Coupole») – знаменитый парижский ресторан на бульваре Монпарнас, где в начале XX века собирались представители французской и международной богемы.

4

Шотландская порода черноголовых овец.

Хаггис – национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

«Сент-Оноре» – торт из круглых заварных пирожных с кремом, назван в честь св. Оноре – восьмого епископа Амьенского, который считался покровителем булочников.

7

Черный пудинг – шотландское национальное блюдо из говяжьего ливера, крови и овсяной крупы.

Пармантье – картофельная запеканка с мясом.

9

Татти – печенье на основе картофеля.

День подарков – праздник в Великобритании, отмечаемый на второй день Рождества, 26 декабря, когда семьи упаковывают остатки праздничного обеда и немудреные подарки в коробки и раздают их больным и неимущим.

«Барбур» – название английской компании, специализирующейся на пошиве водонепроницаемой одежды для моряков, рыбаков, охотников.

«Орля» – короткий рассказ ужасов, написанный Мопассаном в силе дневника в 1887 г.

«Домик садовника» *(англ.)*.

Короткие каникулы в середине семестра (*англ.*).

«Дейли рекорд» – шотландская бульварная газета.

Гленфиддих – бренд шотландского виски, существует с 1886 г.

Хайленд – горная северо-западная часть Шотландии, один из основных регионов производства виски.

Спейсайд – долина реки Спей в Шотландии, известна знаменитыми винокурнями, производящими виски.

«Верне Каррон» – французская оружейная компания, специализирующаяся на изготовлении ружей с 1820 года.